

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2025. Том 15, № 1

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2025, vol. 15, no. 1

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2025

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2025

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Ахтямова Алсу Вазиховна**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования, врио директора Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Alsu V. Akhtyamova**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Ilshat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history) (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Michael Kemper, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Paul W. Werth, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Acting Director of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Кореева Н.А. Письма казанской купчихи М.В. Мясниковой своему супругу как исторический источник	10
Маслова И.В. «Женский мир» купеческой семьи в Российской империи второй половины XIX – начала XX века.....	26
Миронова Е.В. Особенности демографического поведения дворян Казанской губернии во второй половине XIX века	38
Исхаков Д.М. О традиционных нормах брачного возраста татарок рубежа XIX–XX вв. (источники, методика анализа и интерпретация).....	46
Габдрафикова Л.Р. Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми	55
Ахтямова А.В. Женщина-мусульманка в контексте модернизационных процессов начала XX века (на материалах Уфимской губернии)	68
Синова И.В. Женщина: работница, защитница, мать (по мемуарам участников блокады Ленинграда 1941–1944 гг.)	89
Галлямова А.Г. «Я, наверное, самый счастливый человек в мире»: Саима Сафиевна Каримова	100

Публикация источника

Хайрутдинов А.Г. Абдуррашит Ибрагимов о проблемах брачной церемонии (никах) и брака у татар: этнопсихологический аспект	109
--	-----

Новые книги, рецензии

Кореева Н.А. Рецензия на книгу: Долгов Е.Б. Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и настоящем (Казань, 2024)	120
--	-----

Научная жизнь

Загидуллин И.К. Контакты представителей деловых кругов Казани и татарского просветителя К.Насыри.....	133
Хайрутдинов А.Г. К 150-летию Мусы Джаруллаха Бигиева	148

CONTENTS

Articles

Koreeva N.A. Letters of Kazan merchant's wife M.V. Myasnikova to her husband as a historical source	10
Maslova I.V. "Women's world" of a merchant family in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries	26
Mironova E.V. Peculiarities of demographic behavior of the Kazan province nobles in the second half of the 19th century	38
Iskhakov D.M. On the traditional norms of the marriage age of Tatar women at the turn of the 19th – 20th centuries (sources, methods of analysis and interpretation)	46
Gabdrifikova L.R. Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in child care	55
Akhtyamova A.V. Muslim woman in the context of modernization processes of the early 20th century (based on materials of the Ufa province)	68
Sinova I.V. Woman: worker, defender, mother (based on the memoirs of participants in the Leningrad siege of 1941–1944).....	89
Gallyamova A.G. "I am probably the happiest person in the world": Saima Safieva Karimova.	100

Publication of the source

Khairutdinov A.G. Abdurrashit Ibragimov on the problems of marriage ceremony (nikakh) and marriage among the Tatars: an ethnopsychological aspect.	109
--	-----

New books, reviews

Koreeva N.A. Book review: Dolgov E.B. Architectural pearl of the Kazan Kremlin: the governor's palace in the past and present (Kazan, 2024).	120
--	-----

Scientific life

Zagidullin I.K. Contacts of Kazan business circles and the Tatar educator K.Nasyri	133
Khairutdinov A.G. On the 150th anniversary of Musa Jarullah Bigiev	148

СТАТЬИ

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.10-25>

Письма казанской купчихи М.В. Мясниковой своему супругу как исторический источник

Н.А. Кореева

Федеральный исследовательский центр

«Казанский научный центр РАН»

Казань, Российская Федерация

В статье анализируются источники личного происхождения – письма казанской купеческой жены Матрёны Мясниковой своему супругу, известному в первой половине XIX в. в России книгопродавцу, купцу Андрею Гавриловичу Мясникову. Все письма написаны в периоды, когда купец был вынужден отлучаться из дома по торговым делам. В них нашли отражение важные события в жизни Казани: приезд императора Николая I в 1836 г., принесение Смоленской иконы Божией Матери (в 1843, 1858 гг.). Письма позволяют прояснить некоторые особенности книжной торговли, а также могут служить источником для реконструкции женской повседневности, внутрисемейных отношений в купеческой среде первой половины XIX в.

Ключевые слова: Казань, Николай I, купечество, Андрей Мясников, Матрёна Мясникова, библиотека Амурского края, книжная торговля, эго-документы

Для цитирования: Кореева Н.А. Письма казанской купчихи М.В. Мясниковой своему супругу как исторический источник // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С. 10–25. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.10-25>

Письма в дореформенной России являлись одним из главных средств деловой коммуникации. Коммерсанты передавали в них новости, анализировали конъюнктуру рынка (цены, ассортимент товаров), делились друг с другом важными событиями из собственной жизни. Между тем сохранившаяся до наших дней переписка купцов, живших в первой половине XIX в. – достаточно редкое явление. За небольшими исключениями не уцелели и семейные архивы.

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университе-

та был обнаружен фонд казанского книготорговца, купца Андрея Гавриловича Мясникова. В нем, помимо тетрадей для записей ежедневных расходов и доходов, деловой корреспонденции, счетов, договоров, свидетельств об аренде и покупке недвижимости, сохранились адресованные ему письма Матрёны Васильевны Мясниковой, его супруги, еще не введенные в научный оборот и оказавшиеся вне поля зрения современных ученых¹. Эпистолярное наследие М.В. Мясниковой обладает богатым информационным потенциалом, представляет собой ценный исторический источник для изучения истории Казани, купеческого быта, внутрисемейных отношений, а также для рассмотрения особенностей делового оборота в сфере книжной торговли. Анализ писем купчихи к своему супругу позволит сделать важный шаг в реконструкции купеческой повседневности.

Об Андрее Гавриловиче Мясникове (1806–1863) написано немало – как дореволюционными [1; 9], так и современными исследователями – биографические сведения о нем приведены в монографии Г.Г. Габдельгазеевой [2], статьях Н.Б. Парамоновой [8], И.Н. Люстик [6] и др.

Отец его – Гаврила Иванович Мясников, рабочий суконной фабрики помещика Г.И. Осокина. Гаврила Иванович имел ларь² на Толкучем рынке Казани и торговал на нем духовной литературой, ценными старообрядческими сочинениями, светскими книгами (в том числе рукописными и старопечатными), лубочными изданиями [2, с.14–15]. Вместе со старшим сыном он был осужден за участие в бунте, поднятом на суконной фабрике, и сослан в Сибирь.

А.Г. Мясников – младший сын Гаврилы Ивановича – продолжил начатое отцом дело. С детства он был приучен к книжной торговле, в 18 лет стал самостоятельно вести дела. С 1830-х гг. в арендованной им лавке продавались книжные, в том числе антикварные, периодические издания. С 1838 г. он торговал книгами, картинами в лавке под домом вятского купца П.П. Гусева на ул. Воскресенской³. Позже Андрей Гаврилович арендовал лавку на Проломной улице в Суконной слободе (4-я часть Казани). С 1 июля 1841 г. он осуществлял торговлю и проживал в доме, принадлежавшем казанскому купцу 1-й гильдии и почетному гражданину А.К. Месетникову, на Воскресенской улице⁴. Первоначально Андрей Гаврилович имел статус казанского мещанина, в начале 1840-х гг. вступил в 3-ю купеческую гильдию.

¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРРК НБЛ КФУ). Ед. хр. 8861.

² Ларь – большой деревянный ящик для хранения. «Торговать на ларе» – выражение, которое означало торговать на столике в базарный день.

³ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.114. Оп.1. Д.1374. Л.138.

⁴ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8400. Л.93.

В 1845 г. А.Г. Мясников был избран действительным членом Императорского Казанского экономического общества, стал его комиссионером. В 1850 г. он получил звание комиссионера типографии II отделения Императорской канцелярии, в 1852 г. – комиссионера Казанского университета. С 1862 г. – член-корреспондент Императорского Вольного экономического общества и член Общества распространения полезных книг. Мясников трижды избирался депутатом Казанской городской думы, был награжден золотой и серебряной медалями, получил звание потомственного почетного гражданина [2, с.14–16]. Стремясь разнообразить ассортимент книжной продукции, он поддерживал связи с крупными книготорговцами. Наряду с содержанием книжной лавки, он открыл в Казани частную библиотеку, которую современники сравнивали с фундаментальной университетской библиотекой из-за наличия в ней всех русских журналов за XIX век, литературы по различным отраслям знаний, в том числе на французском и немецком языках⁵.

В 1860 г. А.Г. Мясников вошел в состав Попечительного совета Казанского Мариинского женского училища. В пользу этого образовательного учреждения он неоднократно делал личные пожертвования (в первый год внес около 600 руб.), в 1861 г. осуществил ремонт классной мебели и приобрел иконы для существовавших тогда четырех учебных кабинетов, а также обязался снабжать пятерых учащихся из мещан книгами и учебными пособиями из своего магазина на протяжении всего срока обучения [9, с.24, 29, 33].

А.Г. Мясников скончался в 1863 г. в возрасте 57 лет после болезни. Имуществом, согласно духовному завещанию купца, распоряжались душеприказчики⁶. В 1864 г. во владение имуществом вступила его вдова, Матрёна Васильевна. В 1867 г. магазин с библиотекой перешли во владение купцу Александру Степановичу Четвергову, а в дальнейшем – купцу З.П. Рязанову [2, с.16].

М.В. Мясникова являла собой типичный для рассматриваемой эпохи пример женщины-купчихи, которая вела домашний образ жизни, не занимаясь общественными или коммерческими делами самостоятельно. Все анализируемые письма были написаны во время отсутствия супруга, который был завсегдатаем Нижегородской ярмарки, уезжал по торговым делам в Москву, Чебоксары, Свияжск и др.

Основным материалом для письма являлась плотная бумага желтого цвета, по форме напоминающая тетрадный двойной листок. В конце каждого письма была сделана отметка о дате и месте его написания, а на

⁵ Цена за право чтения книг составляла 2 руб. серебром в месяц и 12 руб. серебром в год, кроме того, необходимо было внести залог [см.: 1, с.96].

⁶ Душеприказчик (устар.) – лицо, которому завещатель поручал приведение в исполнение завещания. В приложении к настоящей статье приводится полный текст договора купчихи М.В. Мясниковой с душеприказчиками.

верху первого листа – о дате и месте получения (с указанием точного времени). Все записи были выполнены черными чернилами, но разными почерками, что свидетельствует о том, что Матрёна Мясникова лишь надиктовывала текст. Например, в конце одного письма от 14 августа 1841 г., подписанного словами «Супруга твоя Матрена В. Мясникова», имеется соответствующая приписка: «Писал Захар Рязанов». В большей части писем имя писца не упоминалось, и только сличение почерков позволяет определить, что купчиха доверяла написать их именно приказчику Рязанову. Кроме того, приказчик делал в письме купчихи свои заметки, касавшиеся текущих дел в лавке. Эти записи следовали за основным текстом письма и начинались с новой страницы. Таким образом, письмо делилось на две части. В первой части – послание Мясниковой своему супругу, во второй – отчет приказчика о своих действиях, о выполнении поручений купца.

В 1830-х гг. Николай I совершил ряд поездок по европейской части страны. О пребывании императора в Казани в 1836 г. подготовлено много публикаций. Но отношение рядовых жителей к этому событию еще не изучено. Письма М.В. Мясниковой дают возможность взглянуть на него с точки зрения жительницы Казани.

Самое первое сохранившееся письмо датировано 30 июля 1836 г. Матрёна Васильевна пишет супругу, который находился в это время на Нижегородской ярмарке (проходила ежегодно с 15 июля по 25 августа): «...Но евто чить⁷ Вам покажется очень странно, что не получа от [Вас] никакого ни ответа, ни письма, и скоро к Вам пишем письмо. Но вот что нас побудило евто письмо⁸ писать – государя здесь скоро ожидают и везде ломают и поправляют вновь, но и у нас в Суконной [слободе] тоже, но и с части⁹ в контору приказание есть, чтобы не медлить время, чтоб дома красить краской, кому какой угодно, но если кто замедлит много время, в скором времени потребуют в контору или в часть, но и мы хотели свой дом тоже красить, но решились до Вашего решения подождать, или, лучше сказать, до Вашего совета, какой лучше красить краской свой дом. У Василья Жеглова выкрашен дом вохрой¹⁰, но евта краска очень дрянина¹¹, что и смотреть на него неохота, но еще в [улице] Соколовой наше место кольями обгорожено, но приказывают, чтобы заборами обгораживали, но чтоб евто сделано было в скором времени, но мы не знаем теперь, что и делать. Но нельзя ли как-нибудь поскорее ответу сделать на евто»¹². Таким

⁷ В помещаемых в статье текстах писем сохранена стилистика, характерная для исторического источника рассматриваемого периода. «Евто чить» – просторечное выражение «Это, чай» («Это, вероятно»).

⁸ Так в тексте. Имелось в виду «это письмо».

⁹ Так в тексте. Следует читать: «из полицейской части».

¹⁰ Речь идет о минеральной краске неяркого желтого цвета разных оттенков.

¹¹ Так в тексте. Вероятно, имелось в виду «дрянная».

¹² ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.3.

образом, в письме купчиха выражает обеспокоенность грядущим событием – приездом императора в Казань и возможными санкциями за нарушение предписаний местной власти.

О приезде Николая I в Казанском губернском правлении стало известно 16 июня 1836 г. из циркулярного предписания министра внутренних дел¹³. Официальной целью поездки в Казань был смотр войск, ознакомление с крепостными сооружениями, гражданскими объектами и предметами старины. Требовалось привести в порядок дороги, гати, мосты, паромы, подготовить достаточное количество лошадей для коляски самодержца и его свиты. Были задействованы губернское правление, полиция. Для пребывания императора был назначен казенный дом военного губернатора на Воскресенской улице Казани¹⁴. Эта улица протянулась вдоль кремлевского холма, гостиного двора, университета и духовной семинарии [7, с.15]. Свита царя на время пребывания в Казани была размещена по домам дворян и купцов. Так, генерал-адъютанта графа А.Х. Бенкендорфа и флигель-адъютанта А.Ф. Львова планировалось поселить в доме камер-юнкера Желтухина на Воскресенской улице. Для статс-секретаря М.П. Позени, его чиновников были подготовлены комнаты в доме купца Крупеникова на той же улице. В доме купца Мельникова на ул. Проломной планировалось разместить фельдъегерских офицеров, лейб-кучеров, магазин-вахтеров¹⁵.

Второе письмо написано М.В. Мясниковой 3 августа, получено Андреем Гавриловичем 7 августа 1836 г. Она снова обращается к нему с просьбой: «Просим Вас, чтоб нельзя ли поскорее возвратиться в Казань, и мы очень бы рады были, потому что нас очень притесняют и мы не знаем, что делать, принуждают дом красить». Она беспокоится о возможной негативной реакции своего супруга: «Новосильный [Василий] Митрич свой дом выкрасил вохрой, но он и стал как мазанка глиняная¹⁶, но мы знаем, что Вам это не понравится, и еще велено место загораживать досками, которое в Соколовой улице. Досок, или горбушек, Василий Митрич купил и валили у того места, но не начинали городить, да еще и не скоро, потому что Василий Митрич ничуть не торопится, а нас принуждают, квартальный [надзиратель] каждый почти день приезжает и загораживать принуждает. Потому мы и желаем Вам поскорее возвратиться»¹⁷.

Из отчета приказчика З. Рязанова, приложенного к одному из писем, датированному 7 августа 1836 г., видно, что А.Г. Мясников поручил ему купить необходимый материал для покраски дома – известку, алебастр,

¹³ ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.154. Л.1.

¹⁴ Там же. Л.67 об.

¹⁵ Там же. Л.99.

¹⁶ Так в тексте. Мазанка – изба из глины или обмазанного глиной дерева, кирпича.

¹⁷ ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.154. Л.5–6.

мел, клей, песок – всего на сумму 4 руб. 62 коп., но работа была приостановлена до приезда купца, так как эконом семинарии сделал ему замечание о том, что «эдак сделано нехорошо» и поэтому потребуются закупить еще много материала. Маляры не могли начать красить двери, так как плотник их не починил. Единственное, что сделали в отсутствие Андрея Гавриловича – сняли вывеску со входа в лавку.

Император прибыл в город 20 августа 1836 г. из Нижнего Новгорода на частном пароходе астраханского купца Яралова [3, с.239]. По свидетельству очевидцев, Николай I с губернатором С.С. Стрекаловым подъехали к губернаторскому дому на ул. Воскресенской, где их встречала толпа народа.

Другой общественно значимой темой, которая волновала купчиху, были ежегодные традиционные торжественные встречи и проводы Смоленской иконы Божией Матери. Икона находилась в Седмиозерной Богородицкой пустыни – мужском монастыре, основанном в XVII в. иноком Евфимием и располагавшемся в 15 верстах от Казани¹⁸. В 1654 г. во время эпидемии чумы в Казани икона была принесена в город, и эпидемия прекратилась. С тех пор икона считается чудотворной.

В газете «Казанские губернские ведомости» в рубрике «Местные известия» (в неофициальной части) 31 июля 1843 г. была опубликована заметка: «27 июля, во вторник, происходило в Казани торжественное провожание чудотворной иконы Смоленской Божией Матери в Семиозерную пустынь. Сечение народа было при сем случае многочисленное. Усердные богомольцы вместе с духовенством сопровождали драгоценную святыню до вышеупомянутой обители пешком» [4].

Тогда же купчиха М.В. Мясникова написала в письме своему супругу: «1843 г., 28 июля... вчерашнего дня был у нас тятенька, и некоторые знакомые заходили в лавку для отдыха по случаю провожания иконы Смоленской Божией Матери обратно в пустынь»¹⁹. В июле 1858 г. в Казань снова привезли икону. А.Г. Мясников был на этот раз в столице. Купчиха писала ему: «Какой сюрприз Вы бы сделали для меня, если бы Вы приехали к принятию в свой магазин образа Царицы Небесной, Богоматери Смоленской. Она, заступница наша, будет у нас в приходе Собора Пет-

¹⁸ В монастыре в 1645 г. была построена каменная Вознесенская церковь, в 1668 г. – Смоленский собор, во второй половине XIX в. – комплекс двухэтажных каменных корпусов, в 1879 г. – колокольня высотой 64 м, в конце XIX в. – новые стены с воротами. С 1927 г., после закрытия монастыря (по другим сведениям, с 1928 г.), на его территории располагались учреждения народного образования [5; 10, с.238]. Встречи и проводы иконы продолжались до момента закрытия обители. В 1930 г. закрыли приходскую церковь, затем сломали колокольню и храмы XVII в. Ныне монастырь расположен в с. Семиозерке Высокогорского района Республики Татарстан, а Смоленская Седмиозерная (другое название – Седмиезерная) икона Божией Матери находится в Петропавловском соборе г. Казани.

¹⁹ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.16.

ра и Павла на нынешней неделе в субботу 5 июля...»²⁰. Из этого источника видно, что крестный ход с иконой регулярно проходил мимо купеческой лавки. В письмах можно наблюдать ярко выраженную религиозность купчихи, упоминание православных праздников и ритуалов, проводившихся в господствующей церкви. Следует отметить при этом, что сам Андрей Гаврилович был из старообрядцев, «приемлющих священство» [5].

Матрёна Васильевна была первой помощницей своего супруга. А.Г. Мясников давал ей поручения. Купчиха писала, что лично адресату доставила письмо от мужа «собственноручно в тот же день», и адресат тут же вручил ей денег 197 руб. 50 коп. ассигнациями для доставки их самому Мясникову²¹. Матрёна Васильевна регулярно посылала Андрею Гавриловичу деньги. В 1840 г. она писала: «При сем письме прилагается денег 400 рублей ассигнациями, из коих двести рублей от Констан[тина] Вас[ильевича] Басина, а остальные двести рублей выручено в лавке...»²², в 1841 г.: «При сем втором письме прилагаю денег ассигнациями 650 рублей и поздравляю тебя с наступающим ангелом, самым счастливейшим в жизни днем»²³. В августе 1842 г. Матрёна Васильевна поздравила мужа с праздником Преображения Господня и написала, что послала денег 150 руб. ассигнациями, предвосхитив его вопрос: «Вы скажете, почему посылаете так мало? Что же делать – более в наличности не оказалось»²⁴.

Матрёна Васильевна особо не вникала в подробности торговых дел своего супруга. В одном из писем она написала: «Но в лавке дела текут помаленьку и более ничего не знаем»²⁵. Но приказчик давал более развернутую картину происходивших событий – в августе 1836 г. он написал купцу: «В лавке выручка посредственная, настоящего требования учебных книг еще нет, то и нельзя узнать какие будут больше требоваться; у некоторых людей, как-то Соколова, Андрея Гурьевича, Матюнина и прочих спрашивал, то и оне утвердительно не говорят...»²⁶.

В августе 1843 г. Захар Рязанов отмечал: «...только торговля слишком такая, ни на что не похожа. Учебные книги также мало покупают и много спрашивают, и все ссылаются на гимназическую библиотеку, что там дешевле, некоторые из знакомых являлись бывало для своих детей купить книг, а ныне только о цене справиться приходят, прописей немецких вовсе у нас нет, русских тоже немного. Г[осподин] Шевцов бывший на нем долг 25 рублей заплатил и взял еще без денег книги – сочинение Ло-

²⁰ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.29–30.

²¹ Там же. Л.11.

²² Там же. Л.10.

²³ Там же. Л.12.

²⁴ Там же. Л.14.

²⁵ Там же. Л.6.

²⁶ Там же. Л.1.

моносова в 3-х частях новое изд[ание]. ... Дубровин Иван Васильевич²⁷ сегодня хотел выехать в ярмарку, а Пугин говорит, что я не поеду, а из своей знаменитой Самарской ярмарки еще товар не получил и торгует так, один день лавку отопрет, другой вовсе не отворяет, будто заведена она ... через день»²⁸. Эти записи делались приказчиком после приветственных слов М. Мясниковой и ее посланий супругу, в тех же письмах.

В 1836 г. приказчик получил на почте газеты и два короба с книгами и в письме уведомлял хозяина об их наименованиях: среди них были российские атласы А.И. Максимовича и Познякова, «Арифметика» Н.Т. Щеглова, «Антропология» К.В. Лебедева (полного названия книги купчиха не привела, но речь, скорее всего, идет о «Кратком начертании общей антропологии»), «Словесность» А.Г. Глаголева (вероятно, «Умозрительные и опытные основания словесности»), «Общая риторика» Н.Кошанского и др.

Матрёна Васильевна, как правило, оставалась дома во время многочисленных поездок мужа. Все сохранившиеся письма датированы июлем и августом, когда в Нижнем Новгороде проходила ежегодная всероссийская ярмарка. Сохранилась копия свидетельства, выданного ей супругом и удостоверенного казанским полицеймейстером в 1847 г., следующего содержания: «Дано сие от комиссионера Императорского казанского экономического общества купца 3 гильдии Андрея Мясникова жене Матрене Васильевой на проезд ея из г. Казани в Нижегородскую Макарьевскую ярмонку²⁹ сроком на один месяц. Приметами она 37 лет, росту 2 арш[ина] 4 верш[ка]³⁰, волосы, брови темнорусые, глаза карие, нос, рот средние, подбородок круглые, лицо чистое, особые приметы не имеет, коей г[оспоже] команды имеют в городах, на заставах и селениях благоволить чинить, как впереди путь до Нижнего, так и обратно до Казани свободный пропуск без задержания, во удостоверение чего свидетельствую подписом, с приложением казенной печати. Город Казань, 18 числа июля 1847 года»³¹.

Сведений о возможной поездке купчихи на ярмарку не сохранилось. Но у нее сложилось стойкое представление о ярмарке как об источнике радости и одновременно опасности. Она писала супругу, что в восторге от того, что он «здоров, счастлив и получает желаемые удовольствия», напоминала о том, что он дал обязательство вернуться в Казань к своим имениям, в противном случае «бог знает что заставит думать о себе»³². Все

²⁷ Дубровин И.В. – казанский книгопродавец и издатель, комиссионер Казанского университета, Императорского Казанского экономического общества и Казанской духовной академии (до 1862 г.).

²⁸ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.1.

²⁹ Нижегородская ярмарка стала правопреемницей Макарьевской ярмарки в 1817 г.

³⁰ 2 аршина в метрических мерах соответствуют 1,42 м, 4 вершка – 17,8 см.

³¹ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8400. Л.101.

³² ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.27.

ее письма пронизаны стремлением не допустить задержки купца на ярмарке. Она писала: «Будьте снисходительны на мою просьбу, не медлите в ярмарке, каждый час вашего замедления сильно меня беспокоит...», «...ничего не желаю столь как благополучного твоего ко мне возвращения»³³. В письмах она желает ему скорейшего и счастливого возвращения в Казань. Матрёна Васильевна просила в одном письме привезти ей и некой Орине Васильевне подарки с ярмарки – перчатки.

Сохранилось письмо, необычное по содержанию и структуре, выделяющееся из остальных, в котором купчиха пыталась передать свои чувства любви и одновременно беспокойства: «Милый мой друг, если бы ты меня любил точно так, как я тебя, то ты [в разлуке] не имел бы удовольствия, и как удовольствия в ярмарку не найти, оно всюду, говорю о невинных удовольствиях, а я где найду без тебя удовольствия, его вовсе для меня нет. В тебе одном привыкла я находить удовольствие, в одном тебе находить мои радости...». Купчиха просила: «Поспеш же, мой милый друг, поспеши к той, которая одним тобою как воздухом дышит». Она писала: «О, как восхитительна будет та минута, когда я заключу тебя в мои объятия, и как будет приятно видеть тебя близ себя»³⁴. В письме она признается супругу в любви: «Заочно Вас целую, любящая Вас сожительница Матрена Мясникова». В обычных письмах нередко она использовала такое обращение: «Любезный мой супруг и милостивый государь Андрей Гаврилович!»³⁵. В завершение послания она свидетельствовала свое почтение супругу. В некоторых письмах она передавала ему привет через приказчика З.Рязанова: «Матрена Васильевна сердечно заочно Вам нижайше кланяется и усердно Вас просит, чтоб Вы поскорее возвратились в отеческое свое место в г. Казань и Бога за Вас просит, чтоб Вы были здоровы и счастливы, и желает быть к Вам благосклонной»³⁶.

В отсутствие супруга купчиха стремилась окружить себя близкими людьми, знакомыми. Она докладывала в письмах, что у нее «вчерашний день сидела Надежда Степановна с дочкою», что при ней «с 29 числа находится девица Надежда», что она «вчерашнего дня утром была на рынках, мелочном и толкучем, в обед у своих и вечером в церкви Евангелистов, а сегодня все более дома и временем у Настасьи Васильевны». Проводив супруга на ярмарку 30 июля 1846 г., она со своими знакомыми и купцом Петром Ивановичем Докучаевым отправилась в Игумново, где пробыла до 11-го часа вечера. В день отъезда Андрея Гавриловича дома у них ночевала маменька Пелагея Петровна, а вторую ночь – некая Анна Михайловна. 3 августа купчиха была на именинах своего отца, подарила

³³ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.22 об.

³⁴ Там же. Л.24.

³⁵ Там же. Л.3.

³⁶ Там же. Л.8.

ему дыню³⁷. Матрёна Васильевна жаловалась мужу: «Отец с матерью меня бранят, братья все ругают, совсем меня заели тут, не шутка»³⁸.

Тогда единственным утешением для купчихи было читать получаемые от супруга письма: «И этим письмом меня так обрадовали, что Вы благополучно прибыли все в ярмарку – это письмо несколько раз читала и читаю»³⁹. Она очень беспокоилась о здоровье Андрея Гавриловича; в каждом письме – пожелание ему крепкого здоровья. В августе 1843 г. ею было написано: «А в дороге одевайтесь потеплее, дабы чтоб не простудиться и Вы сами знаете как об этом думаю...», в августе 1846 г.: «Еще просьба до Вас – будьте снисходительны. Не ездите Волгою – каждое дуновение ветра заставляет меня думать один Бог только знает что»⁴⁰. Она отмечала, что каждая строка, написанная супругом о своем здоровье, для нее драгоценна и даже бесценна. Любое письмо начиналось с пожелания здоровья и удачи в коммерческих делах: «От усердного моего к Вам расположения и от искреннего моего сердца, желаю Вам доброго здоровья и всякого благополучия навсегда, и в покупках Ваших желаю Вам успеха, но мы пока, благодаря Бога, все живы и здоровы...»⁴¹.

Полученные от супруга письма она показывала общим знакомым, поскольку в них, видимо, Андрей Гаврилович передавал им свое приветствие. Однажды Матрёна Васильевна сделала ему замечание: «Вчерашний день был Василий Митрич мененик⁴². ... Мы Ваше письмо получили, но Василий Митрич его еще не знает, и мы ему не казали, потому что всем есть в нем засвидетельствованы почтении, но ему почтения в нем нет, но на евто оне осердятся»⁴³.

Периодически она отслеживала передвижения супруга: «И на другой день в восемь часов утра известил меня приказчик [господина] Унженина, г[осподин] Перминов, о благополучном Вашем прибытии в г. Свияжск...»⁴⁴. Купчиха писала мужу в Москву, в магазин Улитина, получала от него письма из Чебоксар, Нижнего Новгорода. В письмах имеются сведения о местах пребывания купца: «Письма Ваши, писанные в 10 часу пополудни 28 числа в гостинице при Васильевском перевозе и в 5 часу пополудни 29 числа на станции Актозине⁴⁵ имела я удовольствие получить и радоваться о вашем здоровье и благополучном путешествии...»⁴⁶.

³⁷ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.25.

³⁸ Там же. Л.3 об.

³⁹ Там же. Л.12.

⁴⁰ Там же. Л.27–27 об.

⁴¹ Там же. Л.3.

⁴² Так в тексте. Следует читать: «именинник».

⁴³ Так в тексте. Следует читать: «...и на это он рассердится».

⁴⁴ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.19.

⁴⁵ Так в тексте. Следует читать: «Аккозино». Почтовая станция Аккозино располагалась в Чебоксарском уезде, между Чебоксарами и Свияжском.

⁴⁶ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8861. Л.13.

Сиделец в лавке Мясниковых получил прозвище Сурик. О нем купчиха писала: «...Сурик Вам кланяется, и у него всегда есть в лавке дело, сидит, ходит, играет и все Вас вспоминает, доброго здоровья желает и всем о Вашем в ярмарку отъезде рассказывает...»⁴⁷.

Таким образом, письма купеческой жены М.В. Мясниковой своему супругу, известному книготорговцу А.Г. Мясникову, представляют собой ценный исторический источник, позволяющий взглянуть на события, происходившие в первой половине XIX в., с точки зрения современников. Анализ писем сделал возможным выявить дополнительные факты, связанные с подготовкой к приезду императора Николая I в Казань, с проводами иконы Смоленской Божией Матери, с Нижегородской ярмаркой, определить некоторые особенности книжной торговли. В ней отразились наиболее яркие переживания современников, их рефлексия по поводу тех или иных событий в жизни города.

Переписка имеет большое значение для характеристики внутрисемейных отношений. М.В. Мясникова, выражая безграничное уважение к супругу, деликатно спрашивала в письмах его мнение о ведении домашнего хозяйства, давала своеобразный отчет о своем досуге в его отсутствие. Купеческая семья была достаточно открытой системой – в семейные дела были посвящены родственники, служащие, приказчики, соседи, знакомые. Письма писались под диктовку, значит, фактически любой человек мог знать об их содержании. По этой причине в них не было ничего лишнего, секретного. И в то же время они являются летописью, хроникой семейных событий.

Несмотря на домашний образ жизни, купчиха М.В. Мясникова достойно осуществляла функции первой помощницы своего супруга, роль доверенного лица. Она была посвящена в основы ярмарочной торговли. После смерти Андрея Гавриловича Матрёна Васильевна очень переживала за его дело, за сохранение книг и библиотеки, за своевременное погашение долгов супруга. Это побудило ее взять все обязательства мужа на себя (см. приложение).

Таким образом, изучение обнаруженных писем открыло ранее неизвестные страницы жизни отдельно взятой купеческой семьи.

⁴⁷ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Договор М.В. Мясниковой с душеприказчиками
покойного супруга А.Г. Мясникова**

1864 года июня [...] дня, я, нижеподписавшаяся казанская купчиха Матрена Васильева Мясникова, дала сие условие г[осподам] душеприказчикам покойного мужа своего Андрея Гавриловича Мясникова – Семену Сергеевичу Воротникову, Ивану Тихоновичу Тихонову и Николаю Андреевичу Мартынову в нижеследующем:

Г[оспода] душеприказчики, по силе духовного завещания, засвидетельствованного в Казанской палате Гражданского суда прошлого 1863 года, ноября 1 дня, за №124, и по представленному им праву о продаже книжного магазина и при оном библиотеки, делали двукратную публикацию и особые объявления, которыми извещали о продаже книг и разного имущества, принадлежащего покойному мужу моему, значащихся по описям, находящимся при магазине, всего на сумму 5902 рубля, но на покупку их и по настоящее время никто желания не изъявил, и с тем вместе, как мне известно, что г[оспода] душеприказчики имеют письменные отзывы от некоторых столичных книгопродавцев, которыми они тоже не изъявили желания купить сказанные книги. Хотя 11 числа июня сего 1864 года царскосельский купеческий сын Михаил Петрович Бородин и казанский купец Архип Степанович Четвергов и сделали предложение за весь состав книг – первый 2750 рублей, а второй 2800 рублей наличными деньгами с принятием на себя уплаты долгов, какие мною будут признаны, но предложение это, как г[оспода] душеприказчики, так и я, принять не могли, вследствие того, что предлагаемая сумма ни в каком случае не могла быть достаточною, чтобы покрыть хотя [бы] приблизительно тот расход, который должно было сделать по силе духовного завещания; а потому я, Мясникова, видя, что при всем желании г[оспод] душеприказчиков и их действиях, привести к окончательному исполнению духовного завещания с соблюдением интересов всех лиц никакой возможности не представляется, я изъявила желание принять весь состав книг в магазине и библиотеке, а равно и вещи, оставшиеся после покойного моего мужа на себя, на нижеследующих условиях:

1) Все долги, какие значутся за покойным мужем моим, казанским купцом А.Г. Мясниковым по книжной торговле, а именно:

А.И. Манухину – 680 руб[лей],

В редакцию «Воскресного досуга» – 68 [рублей],

В Ригу книгопродавцу Киммелю – 130 [рублей],

Обществу распространения полезных книг – 36 [рублей],

По роспискам: В.В. Холмушину – 194 руб[ля] 68 коп[еек],

По записке, утвержденной подписом мужа моего:

А.С. Четвергову – 120 руб[лей],

В Москву купцу Логинову 42 руб[ля],
В Москву мещанину [...] ⁴⁸ 35 руб[лей],
Семейству Шестаковых – 150 руб[лей].

А всего 1455 руб[лей] 68 копеек я принимаю на себя и обязуюсь заплатить всем сполна, не доводя г[оспод] душеприказчиков до какой-либо ответственности, что и обеспечиваю всем составом магазина и библиотеки впредь до предъявления г[осподам] душеприказчикам росписок в доказательство уплаты долгов.

2) В случае требования правительством книг, пожертвованных покойным мужем моим в состав библиотеки Амурской области, я обязуюсь кому будет следовать книги эти сдать ⁴⁹.

3) Имеющиеся при магазине в ящиках книги Свода Законов, принадлежащие типографии II отделения Соб[ственной] Его Имп[ераторского Величества] Канцелярии, поименованных в особой ведомости, находящейся у приказчика Захара Рязанова, обязуюсь хранить впредь до востребования.

4) При подписании сего условия я обязуюсь выдать г[осподам] душеприказчикам наличными деньгами 1200 рублей для распределения ими согласно духовному завещанию.

5) С приобретением мною книжного магазина и разного имущества, часть, которую я должна получить, согласно воле завещателя, этим приобретением совершенно покрывается, и я вполне почитаю себя награжденною и претензий никаких на г[оспод] душеприказчиков не имею и иметь не буду. Что же касается до выдачи суммы, назначенной духовным завещанием Захару Павлову Рязанову, мы по обоюдному с ним соглашению сделаем между себя надлежащий расчет, в чем Рязанов и должен дать душеприказчикам росписку, что он по силе духовного завещания вполне удовлетворен и на них никаких претензий иметь не будет.

6) Все залоги по чтению книг остаются на моей ответственности. И все, что изложено в сем условии, я обязуюсь исполнить свято и ненарушимо. Подлинному сему условию должно находиться у г[оспод] душеприказчиков впредь до очищения, как сказано выше, росписками долгов, а мне, Мясниковой, получить с онаго копию.

ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 8859. Л.1.

⁴⁸ Фамилия в тексте источника отсутствует.

⁴⁹ По некоторым сведениям, в ознаменование празднования 1000-летия Руси А.Г. Мясников пожертвовал в г. Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре Хабаровского края) для основания там публичной библиотеки 200 наименований книг (свыше 2000 томов), которые, правда, по неизвестной причине так и не дошли до этого города [2, с.16; 6, с.234]. Из договора М.В. Мясниковой с душеприказчиками видно, что даже после смерти купца А.Г. Мясникова книги все еще оставались в его лавке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев П.П.* Частные библиотеки в Казани // Журнал народного просвещения. 1863. Ч.СХІХ. С.96.
2. *Габдельганеева Г.Г.* История казанской книжной торговли (вторая половина XVIII в. – 1917 г.): монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 188 с.
3. *Долгов Е.Б.* Император Николай I в Казани в 1836 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. №1. С.239–242.
4. Казанские губернские ведомости. 1843. 31 июля. №31 (Часть неофициальная).
5. *Липаков Е.В., Надырова Х.Г.* Седмиозерная Богородицкая пустынь // Татарская энциклопедия: В 6 т. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т.5: Р–С–Т. С.284–285.
6. *Люстик И.Н.* Из истории книжных пожертвований Николаевской библиотеке // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2007. №2(35). С.231–234.
7. *Нугманова Г.Г.* Монарх и архитектурный процесс в провинции: Николай I в Казани. 20–21 августа 1836 года // Academia. Архитектура и строительство. 2017 г. №1. С.13–20.
8. *Парамонова Н.Б.* Г.И. и А.Г. Мясниковы – книготорговцы русской провинции первой половины XIX в. // Книга в России XVII – начала XIX в.: Проблемы создания и распространения. Л.: БАН, 1989. С.72–80.
9. *Смирнов П.И.* Исторический очерк Казанской Мариинской женской гимназии за двадцать пять лет ее существования (1859–1884 гг.). Казань: Типография Губернского правления, 1884. 234 с.
10. *Степанов А.Ф.* История Казанской епархии в 1918–1924 гг. в свидетельствах современника // Вестник церковной истории. 2016. №1–2 (41–42). С.233–298.

Информация об авторе:

Кореева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-0049-4303; e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Поступила 09.01.2025

Принята к публикации 31.01.2025

Letters of Kazan merchant's wife M.V. Myasnikova
to her husband as a historical source

N.A. Koreeva

*Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article analyzes sources of personal origin – letters of Kazan merchant's wife Matryona Myasnikova to her husband, a well-known bookseller in Russia in the first half of the 19th century, merchant Andrei Gavrilovich Myasnikov. All the letters were written during periods when the merchant was forced to leave home on business. They reflect important events in the life of Kazan: the arrival of Emperor Nicholas I in 1836, the bringing of the Smolensk Icon of the Mother of God (in 1843, 1858). The letters help to clarify some features of the book trade and can also serve as a source for reconstructing women's everyday life and intra-family relations in the merchant environment of the first half of the 19th century.

Keywords: Kazan, Nicholas I, merchants, Andrey Myasnikov, Matryona Myasnikova, Amur Region Library, book trade, ego-documents

For citation: Koreeva N.A. Letters of Kazan merchant's wife M.V. Myasnikova to her husband as a historical source. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.10–25. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.10-25> (In Russian)

REFERENCES

1. Vasiliev P.P. Private libraries in Kazan. *Journal of National Education*. 1863, vol.119, p.96. (In Russian)
2. Gabdelganeeva G.G. *History of the Kazan book trade (second half of the 18th century – 1917): monograph*. Moscow, Berlin: Direct-Media Publ., 2016. 188 p. (In Russian)
3. Dolgov E.B. Emperor Nicholas I in Kazan in 1836. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*, 2006, no.1, pp.239–242. (In Russian)
4. *Kazan provincial Gazette*, 1843, July 31. (In Russian)
5. Lipakov E.V., Nadyrova H.G. Sedmiozernaya Bogoroditskaya Pustyn. *Tatar Encyclopedia: In 6 volumes*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2010. Vol.5, pp.284–285. (In Russian)
6. Lustik I.N. From the history of book donations to the Nikolaev Library. *Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library*. 2007, no.2 (35), pp.231–234. (In Russian)
7. Nugmanova G.G. The monarch and the architectural process in the province: Nicholas I in Kazan. August 20–21, 1836. *Academia. Architecture and construction*. 2017, no.1, pp.13–20. (In Russian)
8. Paramonova N.B. G.I. and A.G. Myasnikov – booksellers of the Russian province of the first half of the 19th century. *The Book in Russia of the 17th – early 19th*

centuries: problems of creation and distribution. Leningrad: BAN Publ., 1989. Pp.72–80. (In Russian)

9. Smirnov P.I. *Historical sketch of the Kazan Mariinsky Women's Gymnasium for the twenty-five years of its existence (1859–1884)*. Kazan: Provincial Government Publ., 1884. 234 p. (In Russian)

10. Stepanov A.F. History of the Kazan Diocese in 1918–1924 in the testimonies of a contemporary. *Bulletin of Church History*, 2016, no.1–2 (41–42), pp.233–298. (In Russian)

About the author:

Koreeva Natalia Anatolyevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-0049-4303; e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Received January 9, 2025

Accepted for publication January 31, 2025

УДК 94(470.41)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.26-37>

«Женский мир» купеческой семьи в Российской империи второй половины XIX – начала XX века

И.В. Маслова

Елабужский институт

Казанского (Приволжского) федерального университета

Елабуга, Российская Федерация

В статье на основе анализа источников личного происхождения исследуется «женский мир» в купеческой семье как комплекс характеристик, составляющих сложную динамичную структуру, включавшую фактор сознания и индивидуальных личностных качеств купчихи, поведение в быту и отношение к различным нравственным ценностям. Обладая определенным мировосприятием и стилем жизни, хозяйка купеческой семьи создавала в ней специфическую социокультурную реальность. На плечи купеческих женщин возлагались обязанности по воспитанию в подрастающем поколении христианской морали, уважительного отношения к старшим и приемов социального взаимодействия. Формируя духовно-нравственные установки в процессе воспитания детей, реализуя функции по ведению домашнего хозяйства, поддерживая определенный психологический микроклимат среди домочадцев, участвуя в филантропии, купчихи становились акторами, то есть действующими субъектами, чья деятельность в итоге была направлена на поддержание авторитета купеческого рода, что положительно влияло на его деловую репутацию.

Ключевые слова: купеческая семья, купчиха, «женский мир», эго-документы, Российская империя XIX века

Для цитирования: Маслова И.В. «Женский мир» купеческой семьи в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.26–37. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.26-37>

Приватный мир российской купеческой семьи XIX – начала XX в. – одна из недостаточно освещенных в исторической науке тем. Предметное поле истории женщин в купеческих семьях еще более неизученная тема. Это объясняется в первую очередь малым количеством эго-документов, касающихся истории купечества. Учитывая, что главной сферой занятий купечества была предпринимательская деятельность, то именно она так или иначе находила отражение в различных официальных источниках, периодической печати.

Между тем изучение жизненных практик женщин купеческого сословия позволяет пролить свет на частные аспекты жизни купеческой семьи, изучить процесс формирования семейных ценностей и традиций.

Говоря о понятии «женский мир» в купеческой семье, отметим, что это комплекс характеристик, составляющих сложную динамичную структуру, включавшую фактор сознания и индивидуальных личностных характеристик купчихи, поведение в быту и отношение к различным нравственным ценностям. Обладая определенным мировосприятием и стилем жизни, хозяйка купеческой семьи формировала в ней специфическую социокультурную реальность.

Основными источниками для анализа стали воспоминания о детских годах представителей купеческих семей С.Дурылина, Т.Карсон и А.Лейкина. Конечно, на основе эго-документов трех представителей купеческих родов невозможно воссоздать всестороннюю и целостную картину роли женщины в семье, но подобный микроисторический подход позволяет формировать эмпирическую базу для более масштабных исследований в будущем.

Мы изучили воспоминания, написанные как мужчинами, так и женщиной, чтобы избежать потенциальных комментариев о различиях в восприятии мира представителями разных полов. Кроме того, анализ выбранных эго-документов позволил выявить общие черты «женского мира» в семьях купцов как в столицах, так и в провинции. С.Н. Дурылин, сын первогильдейского купца, провел детские годы в Москве. Т.П. Карсон выросла в семье купца первой гильдии из Елабуги, Вятской губернии. А.Н. Лейкин воспитывался в семье петербургского купца третьей гильдии.

Учитывая, что воспринимать мысли, чувства и образы, присущие людям определенной исторической эпохи, возможно только путем работы с источниками личного происхождения, в настоящей статье мы приводим большое количество цитат, которыми подтверждаем сделанные нами выводы.

История купчих находила отражение в работах историков в разных ракурсах исследования. Предпринимательская и благотворительная деятельность купчих глубоко и всесторонне анализировалась московским историком Г.Н. Ульяновой [11; 12]. Исследованием женской повседневности в купеческих семьях активно занимаются ученые Оренбургского государственного педагогического университета [1; 2; 3; 9]. Исследования исторических биографий отдельных купчих позволяют подтвердить и дополнить отдельные стороны жизни и характеристики «женского мира» в купеческих семьях. Автор настоящей статьи писал о жизненном пути провинциальной купчихи Г.Ф. Стахеевой, проследив как приватный мир женщины в семье, так и ее общественную деятельность [8].

В настоящей статье мы поставили перед собой следующую цель: на основе обозначенных выше источников личного происхождения выявить роль женщин в формировании духовно-нравственных ценностей, поддер-

жании традиций в купеческих семьях и определить, каким образом купчихи могли способствовать росту авторитета и деловой репутации купеческого рода.

При этом необходимо отметить, что мы не ставим перед собой задачу рассмотреть направления и приемы благотворительной и общественной деятельности купчих. Для нас важно на основе эго-документов проанализировать влияние крупных благотворительных проектов и повседневных филантропических практик купчих на формирование нравственных традиций в купеческих семьях.

Женщина в купеческой семье – это прежде всего хозяйка в доме, в обязанности которой входили поддержание порядка и достатка в доме, воспитание детей, сохранение семейных традиций и гармоничной психологической обстановки в семье.

Очень емкое и яркое описание повседневных дел матери дает сын московского первой гильдии купца С.Н. Дурылин: «Это был сплошной ее рабочий день. Надо было накормить, напоить, обуь и одеть дом в тридцать человек детей, родственниц, молодцов, прислуги. До этого мама никогда не вела хозяйства, и, однако, впрягшись в хомут отцова домостройства, она так умно повела дело, так отлично умела быть и министром внутренних дел, и министром продовольствия, и просвещения в отцовском уделе, что никогда не встречала со стороны отца ничего, кроме заслуженной похвалы» [4, с.136].

Именно в семье формировались важные духовно-нравственные ценности, характер и интеллект купеческих отпрысков. Семья являлась первичной средой, где человек должен был учиться творить добро. Религиозное воспитание детей было основой патриархальной купеческой семьи XIX в. Главную роль в этом процессе играли женщины, жившие в купеческих семьях (супруга купца, его сестра или мать).

Личный пример родителей играл ключевую роль в воспитании детей. Подражая своим родителям в церкви и дома, дети учились основам морали, ответственности и социальному взаимодействию.

Купеческие дети с раннего детства приучались к ежедневным молитвам, которые совершали вместе с родителями. «Мать наша была богомольна, молилась дома утром и вечером по молитвеннику, равно, как и тетка ее... Нас, детей, мать заставляла утром, когда мы вставали от сна, и вечером, ложась спать, читать перед образом “Отче Наш”, “Богородицу”, “Верую”, поминать на молитве всех членов семьи, и при этом мы делали земные поклоны. Пока мы не знали молитв, мы повторяли их за матерью. Будучи уже мальчиком лет 12–13, я без угрызения совести не мог лечь спать, не прочитав всех этих молитв, хотя бы наскоро, бормотком» [6, с.50–52]. Ежедневные молитвы находили отражение и в повседневных практиках купеческой семьи. Подобно тому как отец семейства перед началом нового коммерческого дела возносил молитву, так и его сын обра-

шался с молитвой к Богу, чтобы нашлись потерянные вещи или вернулся потерявшийся котенок.

Еженедельно по выходным семья купца в полном составе, включая маленьких детей, посещала церковь. Из сундуков доставали праздничную одежду, чистили до блеска обувь, запрягали в коляску лучших лошадей и по главной улице города направлялись в церковь. В храме зажиточное купечество стояло ближе к иконостасу, при этом сначала женщины и дети, а за ними мужчины [10, с.381]. При входе в храм и по окончании службы на паперти купцы и купчихи обязательно подавали милостыню, доставая мелкую монету из специального кошелька.

Купеческие семьи в полном составе принимали участие и в крестных ходах по случаю выноса чудотворных и особо почитаемых икон. Татьяна Карсон вспоминала, что в начале XX в. ежегодно 8 июля на дачу Г.Ф. Стахеевой на Святом Ключе привозили из Елабуги икону Казанской Божией Матери. «Икону встречало наше духовенство, начиналось шествие. Процессия продвигалась от дома к дому, в каждом из них проводилась служба. Столы накрывались в каждом доме. Все домочадцы встречали процессии у ворот и низко кланялись иконе, высоко поднятой над нашими головами, проходили под ней, а затем следовали в дом» [5, с.36–37].

Глубокая религиозность находила визуальное отражение в интерьерах купеческих домов. Большой киот с семейными образами в гостиной, красные углы с небольшими иконами в остальных комнатах хозяйской половины дома были предметами особой заботы хозяйки дома. В духовных завещаниях купцов именно иконы записывались в начале списка передаваемого по наследству имущества¹.

С.Н. Дурылин вспоминал: «Самым прочным достоянием православной русской семьи были образа. Когда наступала огненная беда, пожар, из дома прежде всего, часто с опасностью для жизни, стремились спасти “Божье милосердие”. Ни при какой имущественной беде, ни при какой степени бедности и разоренье не отдавали в заклад и не продавали икон. При прочности этого заповедного семейного достояния иконы становились лучшей достовернейшей летописью семьи» [4, с.158–159].

Н.А. Лейкин, сын петербургского купца, вспоминая детские годы, писал: «В углах каждой комнаты было по несколько старинных икон в серебряных окладах, с серебряными же лампадами. Иконы эти были родовые, от прапрадеда, прадеда и деда, и каждая имела свою историю, которые так любил рассказывать отец» [6, с.9].

Старый распорядитель купеческой семьи Докучаевых Василий Матвеевич К. во время революционных событий сохранил принадлежащие семье старинные иконы, зашив их в кресла [5, с.19].

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.799. Оп.4. Д.761. Л.3–4.

Обязанность по поддержанию огня в лампадах, горящих перед иконами, поручали детям с 7–10 лет. С довольно раннего возраста (6 лет) купеческих детей начинали брать в церковь на праздничные службы. Случалось, что ребяташки не могли выстоять всенощные бдения и засыпали прямо в храме [6, с.40].

Так купеческие отпрыски, под пристальным вниманием со стороны матери или бабушки, с детства приучались к выполнению определенных религиозных обязанностей.

Помимо выполнения церковных обрядов, чтения молитв, соблюдения постов, важную роль в религиозно-нравственном воспитании играли семейные традиции проведения религиозных праздников. Например, в семье Лейкиных был обычай в «Вербную субботу» «ласково, ради обычая» стегать детей освященной вербой, принесенной из церкви. Затем вербу ставили к образам, а одну веточку обязательно – в бутылку с водой на окно. Весной, когда веточка давала корни, в праздник Радоницы ее отвозили на кладбище и сажали в землю на могилу [6, с.29].

Христианская традиция поминовения умерших родственников включала не только молебны в церкви, но и семейные выезды на кладбища. Приведем еще один фрагмент из воспоминания Н.А. Лейкина: «Такого же рода выезды делали и на Волково кладбище на могилки, где у нас за решеткой были похоронены дед, бабушка, прадед и другие родственники... На могилках располагались так же с самоваром и с едой. Кто-нибудь снимал с ноги сапог и голенищем раздувал самовар, что нам, ребяташкам, очень нравилось. Поездка эта иногда объединялась несколькими родственными нам семьями. Служили литии по покойникам» [6, с.23].

Летом дети, как правило, с матерью выезжали на богомолье. Татьяна Карсон в своих воспоминаниях писала о паломничестве с мамой и сестрой к Святому Серафиму в Саровский монастырь [5, с.37].

Купеческие дети получали в основном домашнее образование, под пристальным присмотром со стороны матери. Религиозный календарь определял начало учебных занятий даже дома. «Начали меня учить 1 ноября, в день Косьмы и Дамиана – патронов всех учащихся, а перед началом учения сводили в церковь и поставили им свечку», – вспоминал Н.Лейкин [6, с.41]. Христианские нормы, привитые с раннего детства, проявлялись и в том, что дети молились, чтобы получить хорошую отметку, при этом крестили книгу и клали ее под подушку.

Стоит отметить, что, например, в семье Стахеевых прививали детям уважение и к другим религиям. Татьяна Карсон вспоминала, что на территории дачи ее дяди И.Г. Стахеева была пещера, в которой находилась могила «татарского магометанина, старого святого. Иван Григорьевич восстановил пещеру, и многие татары приходили поклониться этой могиле» [5, с.37].

Одна из важных основ нравственности – уважение к старшим формировалось в купеческих семьях с самого раннего возраста. Учитывая, что

большую часть времени купеческие дети проводили с мамой, бабушкой и другими представительницами старшего поколения купеческих семей, именно им чаще всего посвящены отдельные страницы купеческих дневников и воспоминаний.

«Бабушка – это тепло, такое уютное, такое повсюдное, что от него жмуришь глаза от счастья, от невозможности выразить его. Бабушка вся мягкая и теплая: она, как ее слоеный пирожок, вся прослоена теплом и мягкостью, теплом и мягкостью. Так приятно, наигравшись, насмотревшись ее чудес и диковин, уткнуть лицо в ее колени, прижаться щекой к ее мягкой серенькой фланельке и чувствовать на себе ласкающее тепло ее маленьких рук» – с нежностью отзывался С.Н. Дурылин о своей бабушке [4, с.118].

Уважительное обращение к старшим на «вы», трогательное «тятенька», «маменька» – это лишь внешние проявления воспитания уважения к старшим. Детей учили ценить опыт и мудрость тех, кто старше, а это способствовало формированию гармоничной семейной атмосферы. Беспрекословное подчинение старшим объяснялось, с одной стороны, патриархальными традициями воспитания, однако, с другой – каждый купеческий отпрыск понимал, что гнев или немилость главы семьи может стоить ему наследства или приданого.

Малолетние дети всецело находились под присмотром матери, бабушки и няnek. К 7–8 годам обучение купеческих детей приобретало прикладной характер, и происходило своеобразное разделение на «мужские» и «женские» приемы обучения. С этого возраста купеческие сыновья больше времени проводили с отцом в торговой лавке. А вот воспитание и обучение девочек всецело ложилось на плечи матери и бабушек. Девочек нужно было воспитать так, чтобы, выйдя замуж, девушка стала хорошей хозяйкой в семье мужа.

С ранних лет девочек обучали различным техникам рукоделия. «Старшие сестры были большие рукодельницы, у них в комнате всегда стояли пяльцы; вышивали гладью по полотну, работали “строчку”: в полотняных простынях и наволочках делали особую решетку и покрывали ее узорами; шили по канве бумагой, шелком, шерстью; вязали кружева. Гардины и занавесы на окнах, подзоры у кроватей, скатерти на столах – все было работы сестер» [4, с.98].

В состоятельных семьях на работу нанимали девушек-белошвеек, которые шили постельное белье, полотенца и скатерти, вышивали фамильные вензеля и монограммы на одежде и предметах интерьера. Хозяйка дома не только следила за качеством вышитых изделий, но и сама активно занималась творчеством и обучала тонкостям рукоделия своих дочерей. Татьяна Карсон вспоминала, что их мама выписывала несколько иностранных журналов по рукоделию, один из них «Little Folks» («Маленькие умельцы») был адресован юным читателям от трех до одиннадцати лет. Помимо занимательных детских рассказов, в журнале содержались разде-

лы по рукоделию и детскому творчеству. На основе схем для вышивки, опубликованных в этом журнале, Татьяна и Вера Стахеевы должны были вышивать подушечки в подарок на дни рождения бабушек [5, с.30].

Помогая матери вести повседневную работу по дому, купеческие дочери осваивали навыки управления домашним хозяйством. При этом «женский мир» купеческих семей не ограничивался исключительно домашним хозяйством. Супруга и старшие дети купца хорошо разбирались в тонкостях семейного бизнеса и в случае долгих отлучек главы семьи могли принимать участие в руководстве деятельностью коммерческими предприятиями. Исследуя практики воспитания в купеческих семьях, М.А. Мазалова отмечает, что «специфика социального функционирования купеческой семьи детерминировалась тем, что она была больше чем семейная группа в любом другом сословии российского общества того времени, по существу семьи купцов представляли собой своеобразные коммерческие предприятия, семейные фирмы» [7, с.94].

Одной из практик повышения авторитета купеческого рода и семейного бизнеса было участие купчих в общественной и благотворительной деятельности. Мотивами филантропии купчих были религиозность, желание внести свой вклад в повышение престижа семьи и проявить себя в общественной жизни. Благотворительность купчих, не выходявшая в середине XIX в. за рамки общественной филантропии, во второй половине XIX в. распространяется и на область духовной жизни, и крупнейшие жертвовательницы начинают выполнять важные функции созидателей культурной среды.

Помощь ближнему выражалась в подаче милостыни во время каждого посещения церкви. «Купцы и купчихи являлись в церковь с кожаными кисами, наполненными медными деньгами, и раздавались то на упокой, то на здравие, произнося при каждой подачке по пяти, по шести имен» [6, с.48].

Проявлением христианского человеколюбия являлись широко распространенные практики «пропитания» в семьях купцов бедных родственников и знакомых, да и просто чужих оказавшихся в нужде людей.

С.Н. Дурылин, вспоминая свое детство, писал, что в их доме всегда было большое количество близких и дальних родственников, которые приезжали погостить под разными предлогами («на именины», «на праздники», «на летние месяцы»). «Гашивали» от нескольких недель до нескольких месяцев. Забота о питании и уходе за этими многочисленными постояльцами добавляла хозяйке дома немало дополнительных хлопот, которые воспринимались с истинно христианским смирением [4, с.164].

«Вера без дел мертва» – это выражение находило практическую реализацию в благотворительных деяниях. Татьяна Карсон, рассказывая о своей бабушке елабужской купчихе Глафире Стахеевой, подчеркивала, что важную роль в ее жизни занимала филантропия. «Бабушка занималась благотворительностью в разных областях, но главным ее делом было ос-

нование Епархиального женского училища для дочерей духовенства Вятской епархии. В течение продолжительного периода она уделяла много времени вопросам жизнеобеспечения училища и выделяла средства для этого. Так же она готовила рождественскую елку, подарки для девочек, угощала фруктами из своих садов и десертами» [5, с.41–42].

В семье Стахеевых у детей с ранних лет прививали чувство сострадания и помощи бедным людям. Но в начале XX в. эта помощь выражалась уже не столько в подаче милостыни, сколько в совершении посильных добрых дел и поступков, зачастую направленных на развитие образования и просвещения. «Мы с Верой, будучи подростками, в летнее время давали уроки французского языка дочерям главного садовника и кучера, что помогало их учебе в средней школе. Каждый ребенок нашего огромного штата служащих или любой член семьи Стахеевых, если имел способности и желание, мог получить среднее, университетское или техническое образование за счет средств нашей семьи», – вспоминала Т.Карсон [5, с.34].

С началом Первой мировой войны купчихи активно присоединялись к общественным инициативам по сбору средств на нужды фронта, «вышивали, шили вещи, посылая их через Красный Крест на фронт» [5, с.67].

Таким образом, в сфере приватной семейной повседневности купчихи хозяйственные функции сочетались с духовными практиками, формированием в детях нравственных качеств. Именно на плечи купеческих женщин (бабушек, жен) возлагались обязанности по воспитанию в подрастающем поколении христианской морали, уважительного отношения к старшим и приемам социального взаимодействия.

Глубокая вера в Бога, формировавшаяся с раннего детства путем заучивания молитв, обязательного посещения храма и соблюдения церковных обрядов, воплощалась в повседневных семейных практиках, направленных на развитие теплых внутрисемейных отношений. Всей семьей посещали церковь, отмечали религиозные праздники, выезжали на богомолье. Процесс подготовки к подобным событиям (например, к Пасхе, Рождеству) становился временем формирования культуры семейных отношений и оказывал на детей воспитательный эффект, удовлетворяя их потребность в общении со взрослыми.

Визуализация основных христианских ценностей в интерьере купеческого дома выражалась в наличии семейных икон, церковной утвари, уход и забота за которыми частично поручались детям.

Важнейшей семейной ценностью было уважение к старшим. Купеческие семьи, как правило, были многоколенными. Под одной крышей могли жить представители трех и даже четырех поколений. На хозяйку дома ложилась не только обязанность ухода за старшим поколением, но и воспитание в детях почтения и признания их опыта и мудрости.

Материнская забота о детях – это сложное дихотомическое явление, в котором любовь и забота о детях переплетались с требовательностью и контролем, которые связаны с необходимостью передачи им общеприня-

тых норм и правил. Особая роль купчихи выражалась в воспитании дочерей, которые под ее присмотром осваивали навыки ведения домашнего хозяйства, учились рукоделию и основам ухода за младшими детьми.

«Женский мир» в купеческой семье не всегда был ограничен исключительно внутрисемейными отношениями. Купчихи включались в процессы формирования и повышения авторитета семейного бизнеса, принимая активное участие в общественной жизни города. Личный пример купчих, которые занимались филантропией и общественной деятельностью, становился почвой для нравственного развития и воспитания детей. Формируя определенные духовно-нравственные установки в процессе воспитания детей, реализуя функции по ведению домашнего хозяйства, поддерживая определенный психологический микроклимат среди домочадцев, участвуя в филантропии, купчихи становились акторами, т.е. действующими субъектами, чья деятельность в итоге была направлена на поддержание авторитета купеческого рода, что положительно влияло на деловую репутацию семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдрахманов К.А.* Женское предпринимательство на Южном Урале во второй половине XIX века на примере деятельности челябинской купчихи М.М. Шиховой // Сборник материалов междунар. науч. конф. под общ. ред. проф. В.А. Веременко. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С.480–486.
2. *Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В.* Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург: Оренбургская книга, 2024. 496 с.
3. *Бурлуцкая Е.В.* Женщины в рекламе товаров для детей: социальные роли в исторической ретроспективе // Женщины России: осмысливая прошлое и создавая настоящее (в русле направлений национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2023. С.58–64.
4. *Дурылин С.Н.* В своем углу: Из старых тетрадей. М.: Московский рабочий, 1991. 336 с.
5. *Карсон Т.* Воспоминания о русской семье / пер. с англ. языка Е.В. Третьяковой. Краснодар, 2009. 84 с.
6. *Лейкин Н.А.* Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке: с двумя портр. и прил. писем к нему Ан. П. Чехова. Санкт-Петербург: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1907. 387 с.
7. *Мазалова М.А.* Эволюция элитности в семейном воспитании купечества в XIX веке // Вестник ТГПУ. 2012. №5 (120). С.91–95.
8. *Маслова И.В.* Исторический характер потомственной почетной гражданки города Елабуги Глафиры Федоровны Стахеевой // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской идентичности: сборник научных

статей. Материалы VIII Международных Стахеевских чтений / сост.: И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. Елабуга, 2017. С.98–102.

9. Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века): монография / отв. ред. Е.В. Бурлуцкая. Оренбург: ООО «Оренбург. кн. изд-во им. Г.П. Донковцева», 2020. 472 с.

10. *Стахеев Д.И.* Уездный город // Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 417 с.

11. *Ульянова Г.Н.* Три банкротства: угасание семейного бизнеса в практике женщин-предпринимательниц в Москве в 1830–1880-е гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т.14. Вып. 3 (125). URL: <https://history.jes.su/s207987840025197-5-1/>, <https://doi.org/10.18254/S207987840025197-5> (дата обращения: 01.10.2024).

12. *Ульянова Г.Н.* Московские предпринимательницы первой половины XIX в. – самопрезентация в прошениях о приеме в купечество и о ведении бизнеса // Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV-ой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН в двух частях. Т.1. Пенза: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. С.160–164.

Информация об авторе:

Маслова Инга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета (Елабуга, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0914-0707; e-mail: imaslovainga@gmail.com

Поступила 28.11.2024

Принята к публикации 31.01.2025

“Women’s world” of a merchant family in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries

I.V. Maslova

*Elabuga Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University
Elabuga, Russian Federation*

The article, based on an analysis of sources of personal origin, examines the “women’s world” in a merchant family as a complex of characteristics that make up a complex dynamic structure, which included the factor of consciousness and individual personal qualities of the merchant’s wife, behavior in everyday life and attitude to various moral values. Possessing a certain worldview and lifestyle, the mistress of a merchant family created a specific socio-cultural reality in it. The merchant women were charged with the responsibility of educating the younger generation in Christian morality, respectful attitude towards elders and methods of social interaction. By forming spi-

ritual and moral attitudes in the process of raising children, implementing functions for housekeeping, maintaining a certain psychological microclimate among household members, participating in philanthropy, merchant wives became actors, that is, active subjects, whose activities were ultimately aimed at maintaining the authority of the merchant family, which positively influenced its business reputation.

Keywords: merchant family, merchant's wife, "women's world", ego-documents, Russian Empire of the 19th century

For citation: Maslova I.V. "Women's world" of a merchant family in the Russian Empire of the second half of the 19th – early 20th centuries. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp. 26–37. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.26-37> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdrakhmanov K.A. Women's entrepreneurship in the Southern Urals in the second half of the 19th century on the example of the activities of the Chelyabinsk merchant's wife M.M. Shikhova. *Collection of materials of the international scientific conference under the general editorship of prof. V.A. Veremenko*. St. Petersburg: Cultural and educational partnership Publ., 2018. Pp.480–486. (In Russian)
2. Abdrakhmanova E.N., Burlutskaya E.V. *Child at the turn of the century. Children's everyday life in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries*. Orenburg: Orenburg book Publ., 2024. 496 p. (In Russian)
3. Burlutskaya E.V. Women in advertising of children's products: social roles in historical retrospect. *Women of Russia: understanding the past and creating the present (in line with the directions of the national strategy of action in the interests of women for 2023–2030). Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation*. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2023. Pp.58–64. (In Russian)
4. Durylin S.N. *In your corner: from old notebooks*. Moscow: Moskovsky rabochy Publ., 1991. 336 p. (In Russian)
5. Carson T. *Memories of a Russian family*. Translated from English by E.V. Tretyakova. Krasnodar, 2009. 84 p. (In Russian)
6. Leikin N.A. *Nikolai Aleksandrovich Leikin in his memoirs and correspondence: with two portraits and appendices of letters to him by A.P. Chekhov*. St. Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Partnership Publ., 1907. 387 p. (In Russian)
7. Mazalova M.A. Evolution of the elite in the family education of merchants in the 19th century. *Bulletin of the Tatar State Pedagogical University*. 2012, no.5(120), pp.91–95. (In Russian)
8. Maslova I.V. Historical character of the hereditary honorary citizen of the city of Elabuga Glafira Fedorovna Stakheeva. *Russian province as a socio-cultural field for the formation of civil identity: a collection of scientific articles. Materials of the 8th international Stakheev Readings*. Compiled by I.V. Maslova, I.E. Krapotkina, G.V. Burdina. Elabuga, 2017. Pp.98–102. (In Russian)
9. *Everyday life of a provincial townswoman in post-reform Russia (based on materials of the Orenburg province of the second half of the 19th – early 20th centuries): monograph*. Ed. by E.V. Burlutskaya. Orenburg: G.P. Donkovtsev Orenburg book Publ., 2020. 472 p. (In Russian)

10. Stakheev D.I. County town. *Stakheev D.I. Don't quench the spirit*. Kazan: Tatar book Publ., 1992. 417 p. (In Russian)

11. Ulyanova G.N. Three bankruptcies: the decline of family business in the practice of women entrepreneurs in Moscow in the 1830s–1880s. *Electronic scientific and educational journal "History"*. 2023, vol.14, no.3(125). URL: <https://history.jes.su/s207987840025197-5-1>, <https://doi.org/10.18254/S207987840025197-5> (accessed: 01.10.2024). (In Russian)

12. Ulyanova G.N. Moscow female entrepreneurs of the first half of the 19th century – self-presentation in petitions for admission to the merchant class and for doing business. *Past, memory, narrative: the gender dimension of everyday life. Proceedings of the 15th international scientific conference of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Economics and Anthropology of the Russian Academy of Sciences in two parts*. Vol.1. Penza: N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2022. Pp.160–164. (In Russian)

About the author:

Maslova Inga Vladimirovna – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Elabuga Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University (Elabuga, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0914-0707; e-mail: imaslovainga@gmail.com

Received November 28, 2024

Accepted for publication January 31, 2025

УДК 94(470.41)"18"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.38-45>

Особенности демографического поведения дворян Казанской губернии во второй половине XIX века

Е.В. Миронова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена моделям демографического поведения на примере дворян Казанской губернии второй половины XIX столетия. Исследование проводилось на основе Генеалогического словаря дворян Казанской губернии и ряда воспоминаний. Не претендуя на полноту охвата, изучаются отдельные случаи или группы случаев, связанных с рождаемостью, брачностью и смертностью. Эти характеристики сравниваются с таковыми у представителей других сословий населения России в целом, и показываются изменения в течение пяти десятилетий второй половины XIX в. Сделан вывод о том, что для демографического поведения представителей высшего сословия в указанный период был характерен новый тип отношений, сложившийся как результат эмансипации женщин, в связи с чем произошли изменения брачного возраста дворянок, а также предпринимались первые попытки регулирования рождаемости. Намечены перспективные направления дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Казанская губерния, вторая половина XIX века, демографическое поведение, рождаемость, смертность, брачность

Для цитирования: Миронова Е.В. Особенности демографического поведения дворян Казанской губернии во второй половине XIX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С. 38–45. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.38-45>

Финансирование: Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта молодым кандидатам наук (пост-докторантам) с целью защиты докторской диссертации.

Дворянское сословие в России вплоть до 1917 г. играло ведущую роль в политическом плане и немалую в культурном и экономическом. Но его демографическое поведение осталось вне поля внимания исследователей. Изучение этого вопроса сопряжено с рядом трудностей, прежде всего, с фрагментарностью статистических источников.

В рамках данной статьи мы не стремимся полностью заполнить данную лауну, но лишь создаем общий набросок для будущего досконального исследования. Казанское дворянство не имело каких-либо ярких отли-

чий от другого провинциального дворянства, поэтому вполне может послужить примером и для других нестоличных губерний Европейской России. Слово «особенности», вынесенное в название статьи, означает, что мы будем проводить параллели с другими сословиями и находить общие и отличительные черты в их демографическом поведении. Хронологические рамки установлены, исходя из основного источника, которым мы пользовались, но там, где возможно, мы берем примеры и более позднего времени, вплоть до 1917 г.

Поскольку по дворянству имеется незначительное число статистических данных по рождаемости и брачности, в качестве основного источника информации мы выбрали словарь Г.А. Двоеносовой «Казанское дворянство 1785–1917 гг.» [8]. В нем содержатся сведения о возрасте дворян, занесенных в дворянскую родословную книгу, количестве и времени рождения детей, заключении брака, имуществе дворянина и, иногда, продолжительности жизни. Но чтобы получить полную статистическую картину, этого источника недостаточно, поскольку он имеет ряд критических для этой цели недостатков. Во-первых, сохранилось лишь две родословные книги из шести [7, с.28]. Во-вторых, информация, предоставленная в словаре, не всегда однотипна: где-то нет сведений о времени рождения одного или обоих супругов, не указаны умершие в младенчестве дети. Поэтому из всего словаря мы отобрали несколько десятков дворян разного имущественного положения, разделили их по десятилетиям с 50-х до 90-х гг., в зависимости от времени рождения первого ребенка, по которым имелась наиболее полная информация. По остальным критериям эти дворяне подбирались случайно, что позволяет нам рассматривать их как примеры среднестатистического демографического поведения дворян Казанской губернии. Сведения словаря, по мере возможности, дополнялись и другими источниками, такими как воспоминания и статьи, посвященные отдельным дворянам и дворянским родам.

Хотя быт дворянства сильно отличался от быта других сословий, особенно низших, по части деторождения ситуация была практически одинаковой, что у крестьян, что у помещиков. Если крестьянки обычно кормили своих детей грудью около двух лет и, следовательно, в течение этого периода не рожали [10, с.95], то дворянки зачастую нанимали кормилиц. Действительно, вплоть до восьмидесятых годов мы видим, что даже крупные помещики не щадили своих жен и те рожали чуть ли не каждый год. Так, жена историка А.Ф. Лихачева, имевшего 4760 десятин земли, родила с 1884 по 1887 г. троих детей [8, с.330], т.е. практически каждый год. Видимо, лишь смерть самого Лихачева в 1890 г. остановила эту череду рождений. Жена же не столь богатого А.Ф. Лисовского родила 8 детей за 11 лет [8, с.330]! Причем, далеко не все дворянки пользовались услугами кормилиц. Так, мать революционерки В.Н. Фигнер, хоть и рожала детей через год-два на протяжении 10 лет, выкармливала их сама [12]. Дворянка М.П. Ватаци также писала, что, несмотря на существовавший стереотип,

не допускавший «возможности женщине из общества кормить своего ребенка», ее мать кормила грудью первую дочь [1, с.779]. Переход российских дворянок к самостоятельному кормлению происходил повсеместно и объяснялся стремлением родителей исключить возможность заражения новорожденных от кормилицы [5, с.22].

Также дворяне активнее других сословий обращались к специализированной помощи при родах. Медицинский отчет зафиксировал, что в период с сентября 1895 по сентябрь 1896 гг. в родильное отделение Казанской губернской земской больницы поступило 12 дворянок [9, с.2], что составляет примерно 0,5% от числа замужних дворянок Казанской губернии [11, с.96]. Учитывая, что в переписи населения считали вместе потомственных и личных дворян, а также чиновников, то эта цифра становится еще больше. Впереди идут только городские сословия (около 1,3%), крестьянок в процентном соотношении было ничтожно мало (около 0,1%) [9, с.97].

Мы не можем показать смертность дворянских детей в цифрах, ввиду отсутствия данных, но можем предполагать, что если были длительные перерывы в рождении, хотя до и после этого роды проходили часто, то, скорее всего, один или несколько детей не выжили. Такие перерывы есть почти у каждой многодетной семьи, из числа рассмотренных нами. Например, у П.И. Берстеля дети рождались с регулярностью в несколько лет в 1862, 1864, 1865, 1868, 1871, 1875, 1876 гг. и вдруг перерыв, и следующий ребенок появляется только спустя одиннадцать лет. Скорее всего, тут имело место быть мертворождение или смерть ребенка в раннем возрасте, возможно даже нескольких.

Во второй половине XIX в. совершенствуется организация ухода за дворянскими детьми-младенцами с целью воспитания здорового ребенка [5, с.22]. Такие примеры встречались и в семьях дворян Казанской губернии. Дворянка М.Н. Мертвяго (в девичестве Депрейс) воспитывала детей с помощью англичанки мистрис Гильби. Жизнь и обстановка были созданы по «английскому образцу»: «...отдельная детская nursery со всей чистотой, обилием воды, мытьем детей, одеванием к обеду, аккуратно распределенной по часам жизнью» [3, с.779]. Однако это не уберегло детей от смерти, и пятеро из девяти все равно умерли. В целом по России в 1860-х гг. до пятилетнего возраста доживали около 600 чел. из тысячи [13, с.162], т.е. 40% умирало. Например, у Г.В. Молостова умер 1 ребенок из 11, у А.С. Хованского – 2 из 8. Можно предположить, что у дворян условия жизни были лучше, чем у представителей низших сословий и, соответственно, смертность детей ниже, но все же была широко распространена.

К восьмидесятым годам количество выживших детей в дворянских семьях начинает снижаться. Вряд ли это связано с падением уровня жизни, поскольку возможности медицины росли, а разорение помещичьих имений было не таким уж катастрофическим. Скорее всего, это связано со снижением рождаемости в целом. Уже в начале пореформенной эпохи начинают слышаться жалобы на «упадок деторождения» [6, с.126]. Причем

эта тенденция коснулась всех слоев населения, дворяне же, особенно городские, могли использовать для этой цели как естественные методы, вроде воздержания от интимной жизни, так и контрацептивы, и аборт, против которых гневно высказывался писатель Л.Н. Толстой [6, с.125].

Также, возможно, снижение рождаемости связано с тем, что девушки стали позже выходить замуж и, соответственно, позже рожать первого ребенка. Если раньше первенца рожали в среднем немного за двадцать, то теперь средний возраст, когда женщины становились матерями, повысился до 26–27 лет. Например, К.Н. Боратынская была из богатой помещичьей семьи и не была в тягость своим родным, поэтому она имела возможность заниматься любимым делом – преподаванием. А замужество, по ее мнению, могло помешать в этом. В результате дворянка вышла замуж и родила первого ребенка к тридцати годам [1, с.375].

В то же время средний возраст прекращения родов остался прежним – примерно 35 лет. Хотя даже у крестьянских женщин физиологическая стерильность начиналась в 40 лет [10, с.95], дворянки находились в более выгодном положении и могли сознательно отказываться от физических контактов. Но мы можем найти примеры и весьма длительного периода деторождения. Жена П.И. Граве Екатерина Николаевна Булыгина родила своего последнего ребенка в возрасте 54 лет, в то время как самому Граве было 66 лет [8, с.168].

У мужчин возраст брака и рождения ребенка на протяжении всей второй половины XIX в. оставался примерно одинаковым – около 30 лет. Это отличает мужчин-дворян от крестьян. В Казанской губернии до 1880-х гг. крестьянские парни женились рано, около трети обзаводились семьями до 20 лет [2, с.129]. К 1885 г. подавляющее большинство женилось после 20. Это различие объясняется рядом причин. Крестьянину жена нужна была как хозяйка [10, с.87], дворянину же его доходы позволяли долго оставаться холостым, и он не был связан сельскими стереотипами, что «холостой – полчеловека» [10, с.86]. Кроме того, уже состоявшийся мужчина был более выгодной партией в глазах девушки или ее родителей.

В результате до восьмидесятых годов разница в возрасте между супругами составляла примерно десять лет. В условиях, когда девушка находилась в положении подчиненной (сначала родителям, а потом мужу), это было нормой, хотя и приводило зачастую к тирании главы семейства. Например, мать Веры Фигнер, Екатерина Христофоровна, была на 15 лет моложе супруга. Став невестой, будучи «совсем неразвитым по уму и характеру ребенком», она была совершенно безвластна и не смела как-либо защитить детей от физических наказаний, устраиваемых ее мужем [12].

Но уже с шестидесятых годов растет влияние женской эмансипации, которая достигает своей полной силы к восьмидесятым [4, с.150]. Девушки уже сами выбирают себе женихов, занимаются образованием и самообразованием, стремятся выбрать себе ровню, а не того, на кого укажут родители. Поэтому разница в возрасте уменьшается до 3–4 лет. У казанских

дворян Н.А. Мельникова и В.Ф. Залесского жены были даже старше их на 7 и 5 лет соответственно.

В рамках данной статьи мы наметили лишь общие вопросы исследования демографического поведения дворян пореформенной эпохи, но можем сделать и кое-какие общие выводы. С одной стороны, естественный прирост дворян почти ничем не ограничивался – женщины рожали до тех пор, пока могли или пока не умирали. Лишь с восьмидесятых годов предпринимаются какие-то попытки регулирования рождаемости, но они были еще незначительны. В этом, а также в детской смертности дворяне схожи с остальными слоями населения Европейской России. В отношении брачности в последней четверти XIX в. происходит изменение брачного возраста девушек, вызванное их эмансипацией и освобождением от чрезмерной опеки родителей. В целом, в указанный период демографическое поведение дворян еще подчинялось естественным условиям и практически не регулировалось, хотя уже начали проявляться признаки нового типа отношений.

Дальнейшее развитие данной темы должно пойти по пути сбора статистического материала. Для этого нужно использовать данные как опубликованных источников (перепись населения 1897 г., отчеты родильных отделений), так и неопубликованных материалов (метрические книги, документы Казанского губернского дворянского собрания) и др. Дополнив их субъективными взглядами из источников личного происхождения (воспоминаний и писем), можно будет создать достаточно полную картину демографического поведения провинциального дворянства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боратынская К.Н.* Мои воспоминания. М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007. 538 с.
2. *Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В.* Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1973. 164 с.
3. *Ватаци М.П.* Быль минувшего // Исторический вестник. 1913. Т.132. С.775–791.
4. *Веремченко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начала XX в.). СПб.: Европейский дом, 2009. 684 с.
5. *Веремченко В.А.* Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Вып. 3. Т.4. 2012. С.18–32.
6. *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей под ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С.105–134.
7. *Двоеносова Г.А.* Дворянская родословная книга Казанской губернии 1785–1917 гг.: реконструкция и источниковедческий анализ. Казань: КГЭУ, 2004. 171 с.

8. Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова. Казань: Гасыр, 2001. 640 с.
9. Медицинский отчет по Лихачевскому родильному отделению Казанской губернской земской больницы с сентября 1895 по сентябрь 1896 года / сост. И.М. Львов. Казань: Тип. губернского правления, 1896. 102 с.
10. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С.83–104.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XIV. Казанская губерния. СПб.: Изд. Центрального стат. комитета МВД, 1904. 284 с.
12. *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Воспоминания. Т.1. 439 с. URL: http://az.lib.ru/f/figner_w_n/text_0080.shtml (дата обращения: 07.12.2024).
13. *Чертова Г.И.* Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С.154–166.

Информация об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила 12.12.2024

Принята к публикации 27.01.2025

**Peculiarities of demographic behavior of the Kazan province nobles
in the second half of the 19th century**

E.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the models of demographic behavior using the example of the nobles of the Kazan province in the second half of the 19th century. The study was conducted on the basis of the Genealogical Dictionary of the Nobles of the Kazan Province and a number of memoirs. Without claiming to be comprehensive, individual cases or groups of cases related to birth rate, marriage and mortality are studied. These characteristics are compared with those of representatives of other classes of the population of Russia as a whole and changes are shown over five decades of the second half of the 19th century. It is concluded that the demographic behavior of representatives of the upper class in this period was characterized by a new type of relationship that developed as a result of the emancipation of women. In connection with this, there were changes in the marriage age of noblewomen, and the first attempts to regulate the birth rate were made. Promising directions for further research are outlined.

Keywords: Kazan province, the second half of the 19th century, demographic behavior, fertility, mortality, marriage

For citation: Mironova E.V. Peculiarities of demographic behavior of the Kazan province nobles in the second half of the 19th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.38–45. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.38-45> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences to young candidates of science (postdoctoral fellow) for the purpose of defending a doctoral dissertation.

REFERENCES

1. Boratynskaya K.N. *My memories*. Moscow: Alta-Print Publ., 2007. 538 p. (In Russian)
2. Busygin E.P., Zorin N.V., Mikhailichenko E.V. *Social and family life of the Russian rural population of the Middle Volga region*. Kazan: Kazan University Publ., 1973. 164 p. (In Russian)
3. Vatatsi M.P. The tale of the past. *Historical Bulletin*. 1913, vol.132, pp.775–791. (In Russian)
4. Veremenko V.A. *Noble Family and State Policy of Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Century)*. St. Petersburg: European House Publ., 2009. 684 p. (In Russian)
5. Veremenko V.A. Early Child Care in Noble Families of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2012, Issue 3, vol.4, pp.18–32. (In Russian)
6. Vishnevsky A.G. Early stages of the formation of a new type of fertility in Russia. *Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR*. Collection of articles. Ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Statistika Publ., 1977. Pp.105–134. (In Russian)
7. Dvoyenosova G.A. *Noble genealogical book of the Kazan province 1785–1917: reconstruction and source study analysis*. Kazan: Kazan State Power Engineering University Publ., 2004. 171 p. (In Russian)
8. Kazan nobility of 1785–1917. Genealogical dictionary. Compiled by G.A. Dvoyenosova. Kazan: Gasyr Publ., 2001. 640 p. (In Russian)
9. *Medical report on the Likhachevsky maternity ward of the Kazan provincial zemstvo hospital from September 1895 to September 1896*. Compiled by I.M. Lvov. Kazan: Provincial government Publ., 1896. 102 p. (In Russian)
10. Mironov B.N. Traditional demographic behavior of peasants in the 19th – early 20th centuries. *Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR*. Collection of articles. Ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Statistika Publ., 1977. Pp.83–104. (In Russian)
11. *The first general census of the Russian Empire*. Vol.14. Kazan province. Ed. by N.A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1904. 284 p. (In Russian)

12. Figner V.N. *Captured Work*. Vol.1. Memories. 439 p. URL: http://az.lib.ru/f/figner_w_n/text_0080.shtml (accessed: 07.12.2024). (In Russian)

13. Chertova G.I. Mortality of the population of Russia in the 19th century according to research of contemporaries. *Marriage, fertility, mortality in Russia and the USSR*. Collection of articles. Ed. by A.G. Vishnevsky. Moscow: Statistika Publ., 1977. Pp.154–166. (In Russian)

About the author:

Mironova Elena Valeryevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2818-8490; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Received December 12, 2024

Accepted for publication January 27, 2025

УДК 314.02

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.46-54>

О традиционных нормах брачного возраста
татарок рубежа XIX–XX вв.
(источники, методика анализа и интерпретация)

Д.М. Исаков

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Российская Федерация*

В историографии в течение длительного времени существовали взгляды о замужестве татарок в молодом возрасте. Этому способствовали и противоречивые высказывания на этот счет разных авторов дореволюционного времени. Во многом такой взгляд возник из-за отсутствия полноценного анализа массовых статистических источников, таких как метрические книги и материалы переписи населения рубежа XIX–XX вв. В настоящей публикации делается не только анализ литературы по данному вопросу, но и предлагаются результаты рассмотрения данных переписи населения 1926 г., дающих надежные сведения о брачном возрасте татарок рубежа XIX–XX вв. Косвенные сведения по этому вопросу имеются и в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В совокупности эти материалы позволяют сделать вывод о том, что татарки в массе своей на рубеже XIX–XX вв. выходили замуж в достаточно зрелом возрасте и так обстояло дело у всех этнотерриториальных групп татарского народа.

Ключевые слова: брачный возраст, массовые источники, средний возраст замужества, этнотерриториальная вариативность брачного возраста, брачный возраст горожанок и сельского населения, историческое объяснение особенностей брачного возраста татарок

Для цитирования: Исаков Д.М. О традиционных нормах брачного возраста татарок рубежа XIX–XX вв. (источники, методика анализа и интерпретация) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С. 46–54. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.46-54>

В дореволюционной литературе бытовало разное мнение относительно брачного возраста татарок. В частности, Карл Фукс, хорошо знавший жизнь татар, в особенности городских, отмечал у них склонность «выбирать себе жен из очень молодых, даже не зрелых лет девиц, особенно между богачами, несмотря на строгое запрещение от Правительства» [13, с.21]. В другом месте этого исследования есть фраза татарки «рано выходят замуж» [13, с.33]. Но это его мнение какими-либо статистическими

данными не было подкреплено, и оно скорее относится к бытовым наблюдениям. Зато во второй половине XIX в. в трудах Казанского губернского статистического комитета за 1869 г. появилось отдельное исследование – статья некоего Н-чь Н., где на основе данных по Казанскому (волости Ново-Кишитская, Б.-Атнинская, Б.-Менгерская) и Лаишевскому (Сараловская волость) уездам Казанской губернии было констатировано, что для «вступления в брак требуется, чтобы жениху было не менее 18, а невесте – 16 лет», и что «правило это соблюдается у татар очень строго». Там же подчеркнуто, что обычно жених брал невесту «моложе себя несколькими годами, хотя иногда бывает и наоборот» [7, с.21–22]. В данной публикации, вышедшей в конце 1860-х гг. и явно опиравшейся на достаточно представительный демографический материал, мы видим картину не слишком ранних по возрасту браков татарок. Затем для начала XX в. следует отметить диссертацию на степень доктора медицины А.А. Сухарева, где в составе обширных медико-антропологических сведений о татарах Казанского уезда есть и данные относительно брачного возраста у татар Заказанья, причем на основе анализа 14300 браков за 10 лет. Вывод этого автора таков: наибольшее число браков у татар приходилось на возрастную группу 21–25 лет, с замечанием, что самые ранние браки были с лицами не моложе 17 лет. Но к сожалению этот исследователь в данном случае отдельно возраст вступления в брак татарок не рассмотрел [9]. Что касается источников А.А. Сухарева, то это явно не сведения метрических книг, ибо о них он говорит отдельно (им они были использованы, но с подсчетами всего по 93 записям оттуда).

Пожалуй, вот этими работами исчерпываются исследования проблемы брачного возраста у татарок дореволюционного времени. Есть, правда, одна констатация по изучаемой проблеме в методическом введении по Казанской губернии к материалам переписи 1897 г., где сказано: «...браки в более раннем или даже несовершеннолетнем возрасте среди магометан, как не противоречащие их обычаям и религиозным воззрениям, представляют собой в Казанской губернии исключительно редкое явление» [8, с.XI]. Конечно, тут подразумеваются татары. Однако, хотя это значимое замечание, на деле по этой переписи данные о брачных возрастах переписываемых хотя и были собраны, но при издании материалов они были обобщены без указания национальности переписанных, то есть эти сведения в принципе учитывать надо, но напрямую этот вывод не может быть проверен, несмотря на то, что он скорее всего достоверен [10, с.21]. К сожалению, этот момент иногда недостаточно четко указывается современными исследователями (см., например: [10, с.21]). Поэтому выше названное примечание скорее следует считать просто *мнением* составителей издания данной переписи 1897 г. по Казанской губернии, хотя и основанным на сведениях указанной переписи, но в методологическом отношении, из-за неясности базы данных, не вполне надежным.

В дальнейшем, вплоть до 1970-х гг., в изданиях этнологического профиля по татарам вопрос о брачном возрасте у татар в целом и у татарок в отдельности, не рассматривался. Скажем, в таком фундаментальном академическом издании, как коллективная монография «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (М.: Наука, 1967), есть целый раздел о семейно-брачных отношениях у татар, но сюжет о брачном возрасте там не представлен. Но в ходе этнологических и демографических изысканий 1970–1980-х гг., связанных с подготовкой «Историко-этнографического атласа татарского народа», к рассматриваемой проблематике исследовали обратились заново, причем на более обширной источниковой базе.

В первую очередь в числе таких авторов следует назвать Р.К. Уразманову, в ряде статей которой ею был рассмотрен и интересующий нас вопрос о брачном возрасте у татар (включая и возраст выхода замуж татарок). Так, в статье, посвященной быту татар юго-восточных районов ТАССР, на основе собранных ею анкетных данных по татарам г. Альметьевска, она пришла к выводу, что в 1930-х гг. было довольно значительное число женщин, вступавших в брак в возрасте 17–18 лет, но к началу 1960-х гг. уже преобладали браки женщин в возрасте 22–26 лет [12, с.88]. Р.К. Уразманова составила даже специальную таблицу по соотношению брачных возрастов женихов и невест на основе материалов не только по г. Альметьевску, но и ряду близлежащих сельских поселений региона [12, с.89]. Из них вытекает, что в большинстве случаев женихи были старше невест, в частности, на 1–3 года – 22,8%, на 4–6 лет – 32,3%, на 7–9 лет – 17,9%, на 10–12 лет – 5,5%, на 13 лет и более – 14%. По мнению данного автора, в дореволюционное время возрастной разрыв между женихом и невестой был более значительным – если к 1900 г. разница в 6 лет наблюдалась у 37,4% брачующихся, то к 1960 г. в сельской местности такие браки наблюдались лишь у 11,8%, а в сельской местности еще меньше (10,6%) [12, с.90]. В этой статье содержится еще одно интересное наблюдение – было установлено сравнительно большое число браков – 22%, у татар Альметьевского региона, в которых муж был несколько моложе (чаще всего на 2–3 года) жены. По мнению Р.К. Уразмановой, в дореволюционный период таких браков было очень мало (не более 2%) и они считались предосудительными, особенно у казанских татар [12, с.90]. Так ли это, требует дальнейшего изучения, далее мы еще выскажем свое мнение относительно указанного вывода этого автора. Кроме рассмотренной статьи у Р.К. Уразмановой имелись и другие публикации, где вопрос о брачном возрасте татарок затрагивался применительно к некоторым территориальным группам татар. В частности, в ходе исследования чепецких (нукратких) татар она на основе данных метрических книг сделала заключение о том, что к середине XIX в. средний брачный возраст татарок равнялся 19,5 лет, а юношей – 22,7 годам. К концу XIX в. в этой группе у девушек он начал составлять 22 года, у юношей – более 23 лет. Эти данные были извлечены из метрической книги одного конкретного села (д. Пала-

гай Юкаменского района Удмуртской АССР), кстати, показавшей достаточно широкую распространенность тут в середине XIX в. браков, где невесты были старше своего мужа на 1–4 года [11, с.73–74]. Это наблюдение объяснено не было, поэтому требует комментариев, о чем далее скажем отдельно.

В ходе наших демографических изысканий 1980–1990-х гг. нам тоже пришлось обращаться к вопросу о брачном возрасте у татар, включая и тот его аспект, который связан с возрастом выхода замуж татарок [5; 2; 6; 3, с.54–83; 4, с.149–150]. Именно в этих работах было обращено внимание на такой массовый источник по брачному возрасту, как материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. В материалах этой переписи, опубликованных с большими подробностями, в каждом томе в таблице 1, названной «Население по семейному состоянию, полу, возрасту и народности», содержатся данные о брачном возрасте. Причем, в трех возрастных группах – 15–19, 20–24, 25–29 лет – они даны по годам в следующих градациях: холостые, девицы; женатые, замужние; вдовы; разведенные; не указавшие семейное положение. Вот из отмеченных трех основных возрастных групп брачевавшихся мы можем увидеть динамику выхода замуж татарок и женитьбы татар, что позволило нам сделать конкретные выкладки по этому поводу: а) применительно к горожанам на примере г. Казани; б) применительно в целом к татарскому сельскому населению, а также вообще к татарам в совокупности. По ним было установлено, что в возрастной группе 15–19 лет среди городского населения были замужем более 1/10 части татарок, тогда как парни еще в своем большинстве оставались холостыми. Да и в следующей возрастной группе – от 20 до 24 лет, большинство татар (71%) еще оставались холостыми, тогда как у татарок это был «переломный» возраст, когда свыше 2/3 (более 67%) их выходили замуж. У мужчин-татар решающий этап заключения брака в городских условиях наступал позже, в возрастной группе от 25 до 29 лет (см. таблицу 1). В целом для татар-горожан были характерны такие браки, когда женихи на момент заключения браков по возрасту превосходили своих невест на 4–7 лет.

Таблица 1

Семейное состояние татар в г. Казани в 1926 г., %*

Возрастные группы	Холостые и незамужние	Состоящие в браке	Вдовы	Разведенные
15–19 лет	98,9	1,0	–	0,1
	87,4	11,2	0,4	0,9
20–24 лет	70,7	28,0	0,1	0,3
	26,1	67,2	4,4	2,3
25–29 лет	23,1	74,8	0,6	0,8
	5,2	83,4	8,1	3,3

30–39 лет	4,6	93,6	0,7	0,6
	1,6	82,9	13,9	1,4
40–49 лет	2,2	95,2	1,7	0,6
	0,8	70,0	27,9	1,3
50–59 лет	1,7	95,0	2,8	0,2
	0,9	49,7	48,5	0,8
60 лет и старше	1,1	84,5	13,2	0,9
	0,7	18,5	79,7	0,3

* Верхняя строка – мужчины, нижняя – женщины.

После обработки материалов переписи 1926 г. в совокупности представлялась возможность определить средний брачный возраст не только по татарам в целом, но и по их этнотерриториальным группам, в том числе и в половом разрезе (см. таблицу 2).

Таблица 2

Средний брачный возраст у татар по переписи 1926 г.

Этнотерриториальные группы татар	Средний брачный возраст	
	мужчин	женщин
<i>волго-уральские татары</i>	22,7	19,7
В том числе:		
– казанские татары	23,3	20,7
– татары-мишари	22,4	19,4
– приуральские татары	22,4	18,9
<i>астраханские татары</i>	22,9	17,9
<i>сибирские татары</i>	21,9	18,4
<i>крымские татары</i>	25,0	18,3

В итоге проведенных в советский период исследований в обобщающей монографии «Татары» (2001) Р.Н. Мусина [10], принявшая к сведению и наши работы, констатировала, что в прошлом девушки-татарки выходили замуж в основном в возрасте 19–22 лет, а юноши женились чаще между 23–25 годами, но нередко и позже (26–30 лет). Ею было также отмечено, что городские татары выходили замуж раньше своих сельских сверстниц – в 1926 г. в Казани 11,2% татарок в возрастной группе 15–19 лет уже состояли в браке, тогда как в сельской местности таковых было меньше 5% (4,9%). В возрастной группе 20–24 года различия несколько сглаживались, но сохранялись – замужем в городах были в этой группе уже свыше 2/3 (67,2%) татарок, а в сельской местности – 60,3%. Для мужской части татар Р.Н. Мусина по данным переписи 1926 г. обнаружила

противоположную картину: в возрастной группе 25–29 лет состояли в браке 74,8% городских татар, а в сельской местности таковых было на 1/10 часть больше (85,6%). Общий вывод данного исследователя такой – традиционный брачный возраст у татар был более поздний, чем не только у народов Поволжья, но и чем у русских, белорусов, украинцев, молдаван, а также народов Средней Азии и Кавказского региона [10, с.330].

При изучении рассматриваемой проблемы надо также принять во внимание результаты изысканий татарских краеведов. В частности, в публикации Р.Х. Амирханова на основе анализа метрических книг д. Нижняя Мактама Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне пгт Нижняя Мактама Альметьевского р-на Татарстана) за 1833–1915 гг. была показана ложность представлений о раннем брачном возрасте татарок. По этому населенному пункту оказалось, что средний возраст женихов составил 22–25 лет, невест – 17–19 лет [1]. Как видим, эти данные согласуются с приведенными выше материалами Р.К. Уразмановой по этому же региону.

Теперь об одном историческом феномене относительно брачного возраста татарок, который был обнаружен исследователями, но не объяснен. Речь идет о том, что у казанских татар наблюдался некоторый сдвиг традиционных норм брачного возраста татарок в сторону их приближения к показателям, характерным для финно-угорских народов Поволжья (объясняемый традиционностью у них браков между очень молодыми, часто даже малолетними женихами и вполне взрослыми невестами). Ранее нами была выдвинута гипотеза о том, что такой сдвиг надо искать в прошлой истории татар. А именно, из-за того, что для одного из их коллективных предков – булгар, было характерно смешение с финно-уграми, казанские татары могли получить «в наследство» указанную выше особенность брачного возраста татарок [2, с.138].

Заключение. Таким образом, брачный возраст татар на рубеже XIX–XX вв. был достаточно высоким. Скорее всего, он был таким и ранее, но этот вопрос требует дополнительного изучения с привлечением материалов метрических книг XIX в. и ревизских сказок XVIII–XIX вв. Наиболее распространенными были в изучаемый период такие браки, в которых у основной массы мужчин средний брачный возраст составлял 22,7, а у женщин – 19,7 лет. Существовали определенные региональные особенности брачного возраста татарок из разных этнотерриториальных групп.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Р.Х. Привлечение материалов ревизского учета населения и метрических книг для анализа социально-бытовых условий сельских татар // Ту-ган жир. Родной край. №2. 2020. С.69–82.
2. Исхаков Д.М. К вопросу об этнической специфике традиционных норм брачного возраста у народов Поволжско-Приуральского региона // Этническая

история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск: ОМГУ, 1984. С.135–139.

3. *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.) Казань, Набережные Челны: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 1993. 143 с.

4. *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2014. 440 с.

5. *Исхаков Д.М.* Татарское население города Казани во второй половине XVI – начале XX вв. // Новое в археологии этнографии Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1982. С.74–84.

6. *Исхаков Д.М.* Территориальная вариативность традиционных норм брачного возраста у татар // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы Пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 28–30 января 1985 г. Уфа: БФАН СССР, 1985. С.79.

7. Н-чъ Н. Народные юридические обычаи у татар Казанской губернии // Труды Казанского губернского статистического комитета. Вып. 3. Казань, 1869. С.21–42.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XIV. Казанская губерния. СПб.: Изд. Центрального стат. комитета МВД, 1904. 284 с.

9. *Сухарев А.А.* Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904. 195 с.

10. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко / Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2001. 583 с.

11. *Уразманова Р.К.* Семейно-брачные отношения, свадебная обрядность чепецких татар (конец XIX – начало XX вв.) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, 1978. С.68–85.

12. *Уразманова Р.К.* Семейный быт татар юго-восточных районов Татарии // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР, 1976. С.79–98.

13. *Фукс К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. Казань: Фонд ТЯК, 1991. 210 с.

Информация об авторе:

Исхаков Дамир Мавлявеевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Тобольск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7556-8667; e-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила 19.12.2024

Принята к публикации 27.01.2025

On the traditional norms of the marriage age of Tatar women
at the turn of the 19th – 20th centuries
(sources, methods of analysis and interpretation)

D.M. Iskhakov

*Tobolsk Complex Scientific Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation*

For a long time, there have been views in historiography about Tatar women getting married at a young age. This was also facilitated by contradictory statements on this matter by various authors of pre-revolutionary times. In many ways, this view arose due to the lack of a full-fledged analysis of mass statistical sources, such as parish registers and census materials from the turn of the 19th – 20th centuries. This publication not only analyzes the literature on this issue, but also offers the results of examining the data of the 1926 census, which provide reliable information on the marriage age of Tatar women at the turn of the 19th – 20th centuries. Indirect information on this issue is also available in the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Taken together, these materials allow us to conclude that the majority of Tatar women at the turn of the 19th and 20th centuries got married at a fairly mature age, and this was the case for all ethnoterritorial groups of the Tatar people.

Keywords: marriage age, mass sources, average age of marriage, ethnoterritorial variability of marriage age, marriage age of urban women and rural population, historical explanation of the characteristics of the marriage age of Tatar women

For citation: Iskhakov D.M. On the traditional norms of the marriage age of Tatar women at the turn of the 19th – 20th centuries (sources, methods of analysis and interpretation). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.46–54. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.46-54> (In Russian)

REFERENCES

1. Amirhanov R.Kh. Using population census materials and register books to analyze the social and living conditions of rural Tatars. *Tugan Zhir. Native Land*. 2020, no.2, pp.69–82. (In Russian)
2. Iskhakov D.M. On the issue of the ethnic specificity of traditional norms of marriage age among the peoples of the Volga-Ural region. *Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories*. Abstracts of reports of the regional scientific conference on ethnography. Omsk: Omsk State University Publ., 1984. Pp.135–139. (In Russian)
3. Iskhakov D.M. *Historical demography of the Tatar people (18th – early 20th centuries)*. Kazan, Naberezhnye Chelny: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 1993. 143 p. (In Russian)

4. Iskhakov D.M. *Historical demography of the Tatar people*. Kazan: Fen Publ., 2014. 440 p. (In Russian)
5. Iskhakov D.M. Tatar population of the city of Kazan in the second half of the 16th – early 20th centuries. *New in the archeology and ethnography of Tatarstan*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1982. Pp.74–84. (In Russian)
6. Iskhakov D.M. Territorial variability of traditional norms of marriage age among the Tatars. *Areal studies in linguistics and ethnography. Theses of the Fifth conference on the theme "Problems of atlas cartography"*. Ufa, January 28–30, 1985. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences Publ, 1985. P.79. (In Russian)
7. N-ch N. Folk legal customs of the Tatars of Kazan province. *Works of the Kazan Provincial Statistical Committee*. Issue 3. Kazan, 1869. Pp.21–42. (In Russian)
8. *The first general census of the Russian Empire*. Vol.14. Kazan province. Ed. by N.A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1904. 284 p. (In Russian)
9. Sukharev A.A. *Kazan Tatars (Kazan district). Experience of ethnographic and medical-anthropological research*. St. Petersburg, 1904. 195 p. (In Russian)
10. *Tatars*. Ed. by R.K. Urazmanova, S.V. Cheshko. Series "Peoples and Cultures". Moscow: Nauka Publ., 2001. 583 p. (In Russian)
11. Urazmanova R.K. Family and marriage relations, wedding rituals of the Chepetsk Tatars (late 19th – early 20th centuries). *New in ethnographic studies of the Tatar people*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1978. Pp.68–85. (In Russian)
12. Urazmanova R.K. Family life of the Tatars in the south-eastern regions of Tatarstan. *From the history of culture and life of the Tatar people and their ancestors*. Kazan: Institute of language, literature and arts of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1976. Pp.79–98. (In Russian)
13. Fuchs K. *Kazan Tatars in statistical and ethnographic relations. Brief history of the city of Kazan*. Kazan: TYAK Foundation Publ., 1991. 210 p. (In Russian)

About the author:

Iskhakov Damir Mavlyaveevich – Dr. Sci. (history), Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667; e-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received December 19, 2024

Accepted for publication January 27, 2025

УДК 94(47)"18/19"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>

Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Федеральный исследовательский центр

«Казанский научный центр РАН»

Казань, Российская Федерация

В статье рассматриваются повседневные практики татарских семей в сфере детства. Обозначены традиционные моменты в уходе за младенцами, обусловленные мусульманским мировоззрением. Автор подчеркивает, что у татар и наблюдателей со стороны были разные взгляды на организацию ухода за детьми. Образованные татары были настроены критично к собственным традициям. В статье обозначены основные домашние помощники по уходу за детьми: кормилицы, няни, старшие дети; анализируются различные стратегии при выборе нянь, оценка их работы в эго-документах, возрастные и этнокультурные особенности. Кроме того, статья включает эпизод, связанный с конструированием татарскими публицистами начала XX в. новых терминов по педагогике.

Ключевые слова: история повседневности, история детства, няни, татарский язык, история татар

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>

Финансирование: Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Введение. К рубежу XIX–XX столетий сформировалось единое социально-экономическое и культурное пространство, объединившее татар всей Российской империи. Все это было связано с собственной системой образования и литературой, периодической печатью, благотворительностью, новыми формами культурного досуга. Ориентир на модернизацию трансформировал уклад людей, менялся их внешний облик и поведение, этими изменениями были охвачены даже дети.

Между тем, этот аспект истории татарской повседневности остается малоизученным, так как исследователи никогда и не ставили перед собой такую цель – изучение уклада татарских семей с новорожденными детьми в условиях модернизации экономики и трансформации привычных социальных взаимоотношений. Исключение составляли лишь этнографы, но имевшиеся в их арсенале научные знания об уходе за детьми в XIX в., главным образом, были направлены на реконструкцию обрядовой культуры [12, с.502–509].

Поэтому наше небольшое исследование базировалось преимущественно на источниках личного происхождения. Это и татарское публицистическое наследие рубежа XIX–XX вв., которое знакомит с социальными стандартами и идеалами того времени [8; 11; 14; 16], а также записки русских современников (этнографические, медицинские наблюдения). Кроме того, изучение повседневности невозможно представить без эго-документов (мемуаров, автобиографий) и визуальных материалов, в которых в разной степени нашли отражение и вопросы детства [9; 13].

Все это вкупе позволило нам не столько представить детальное описание ухода за младенцами в татарских семьях, сколько выявить некоторые проблемы этого периода.

Разные взгляды на традиции и женская уязвимость. Татарские традиции XIX в. по уходу за новорожденными и младенцами, с одной стороны, были схожи с элементами соседних культур: привлекались разные помощники, ребенка пытались защитить суеверными предписаниями, оберегами и различными обрядами. Особенно важным считался первый 40-дневный период жизни новорожденного [12, с.502–505]. С другой стороны, повседневность большинства татар того времени регулировалась мусульманским мировоззрением, поэтому были и особенности. С исламом связаны важные обряды в жизни ребенка (имянаречение, обрезание и т.д.), а также другие стороны его повседневности. Например, по Корану предписывается долгое грудное вскармливание (больше 2-х лет), поэтому матери практически не оставляли грудничков, имелись даже различные приспособления для мобильности матери и ребенка. Новорожденного укладывали не только в зыбки, а в люльку с ручками и носили с собой. В Казань были распространены оригинальные двухколесные тележки (*бала арбасы*). Грудничков матери брали с собой и на полевые работы. Такой уход увеличивал процент выживаемости среди детей татар, случайно данная традиция была подмечена и земскими медиками. Например, врач из Казанского уезда Алексей Сухарев в 1904 г. писал: «Дети татарского населения воспитываются очень недурно, причем в заботах о ребенке принимает участие и сам отец. Жовок и излюбленных баранок (сушек) татарченка видит редко» [10, с.75].

Вместе с тем сами татары больше критиковали собственный уклад, в том числе особенности воспитания. Критически оценивалось практически все: от ухода за младенцами и выбора нянь для них до роли матерей и от-

цов в воспитании детей [8, б.13]. Такая критика и вместе с ней стремление изменить традиции шли сквозь все дореволюционные годы, здесь были намешаны разные эмоции – это и комплекс человека иной культуры, вынужденного жить в условиях модернизации, и зарождающееся национальное самосознание, стремление воспитать новое поколение детей нации. Поэтому вопросам воспитания и образования в начале XX в. придавалось огромное значение.

Еще в 1900 г. в Казани на татарском языке была издана брошюра «Благонравный/Воспитанный отец», эта брошюра потом переиздавалась несколько раз. Предполагаемым автором книги считается предприниматель Ибрагим Идрис. Автор приводил разные сведения по уходу за ребенком (пеленание, прикорм и т.д.), некоторые из них актуальны и ныне. Но все эти советы должна была выполнять женщина (мать или няня), отец лишь контролировал процесс и давал необходимые указания [8, с.12]. Были и другие подобные пособия для мужчин. Образ заботливого отца с ребенком представлен и в татарских азбуках начала XX в. В целом, даже критика отцовской роли (причем критиками выступали сами мужчины) говорила о большом внимании к теме детства, но все это шло вкупе с образами идеального будущего нации.

Между тем, основные надежды в воспитании детей были связаны с женщинами. В этот период, на рубеже XIX–XX вв., появляется татарская модернистская литература, где начинает формироваться образ матери – доброй, заботливой, любящей женщины. Например, в знаменитом стихотворении Габдуллы Тукая «Туган тел» («Родной язык»), опубликованном в 1909 г., мать поет младенцу колыбельную, а бабушка рассказывает истории («*әнкәм бишектә көйлагән*», «*әбкәм хикәят сөйләгән*»). На самом деле эти традиционные образы были характерны не для всех женщин, так как они оставались довольно уязвимой социальной группой: умирали при родах и от сопутствующих заболеваний – не все доживали до статуса бабушек. Например, в жизни Г.Тукая все было не так, как в его стихотворении: ни одной из бабушек к моменту его рождения не было в живых, а мать умерла, когда ему было около 3-х лет.

В пореформенное время появляются попытки как-то повлиять на это плачевное положение: развивалась земская медицина, и образованные семьи все чаще прибегали к помощи медиков. Очень показательно, что в 1912 г. по инициативе Мусульманского благотворительного общества г. Казани открылось родовспомогательное лечебное учреждение для мусульманок. Это говорит об остроте социальной проблемы и о попытках охраны материнства и детства. Открытие мусульманского роддома (*вилядәтханә*) было встречено образованными татарскими женщинами положительно. Например, в 1913 г. учительница Магруй Музаффария отметила в одной газетной публикации, что в учреждении работают грамотные акушерки, и образованные женщины начали полагаться на них, вместо повивальных бабок [16, с.269]. Но это была лишь единичная попытка

помощи татаркам-мусульманкам Российской империи, которая не могла решить проблему высокой материнской смертности.

Основные помощники в уходе за детьми. Возрастные и этнокультурные аспекты. Для присмотра за младенцами на рубеже XIX–XX вв. в татарских семьях привлекали разных помощников. Это были не только родственники, но и наемные люди, которые за свою услугу получали определенное вознаграждение. Развитие трудовых отношений в этой сфере освобождало женщин из буржуазных семейств от домашних обязанностей и давало возможность для реализации собственных идей, в том числе в общественной жизни. Например, показателен пример Фатихи Аитовой, супруги казанского купца Сулеймана Аитова. Она состояла в браке с ним с 1887 г. и стала матерью шестерых сыновей: Исмагил – 1888 г.р., Ибрагим – 1892 г.р., Юсуп – 1894 г.р., Даут – 1896 г.р., Касим – 1903 г.р., Якуб – 1910 г.р.¹ Несмотря на многодетность, Фатихе Аитовой удавалось энергично заниматься продвижением и реализацией идеи татарской женской школы в Казани. Уже в советское время в своей автобиографии она писала о том, что «узкая домашняя жизнь с заботами о хозяйстве, о воспитании детей, жизнь, посвященная интересам замкнутой семьи, меня не удовлетворяла. Я всегда чувствовала в себе силы, энергию и любовь к деятельности, направленность на общественное благо»². Конечно, это была советская репрезентация собственного пути, попытка отгородить себя от буржуазного прошлого, тем не менее, в этом имелась и доля истины. На самом деле Фатиха много сил и времени тратила на деятельность вне семьи. Женская начальная школа была организована ею в 1897 г. (кстати, именно в этот год у Аитовых умер годовалый сын Даут) и к 1916 г. выросла до статуса частной гимназии. Надо полагать, в домашних делах Фатихе Аитовой помогала не только собственная мать (она переехала из Троицка после 1906 г.), но и наемные помощницы.

«Шариат дает право женщинам еще больше, нежели мужчинам, – писал чистопольский купец и депутат Государственной думы Гариф Бадамшин в 1909 г. в брошюре «Мусульманство, или ответ тем, кто нападает на мусульманство», – он допускает даже нанимать посторонних служанок, например, кормилицу, в помощь женщине, родившей дитя»³. Действительно, не все женщины в силу слабого здоровья или же многодетности могли обеспечить долгое грудное вскармливание. Для этого состоятельные семьи звали кормилиц, которых в XIX в. называли «*сөт анасы*» («молочная мать»). Интересно, что в средневековый ханский период к кормилицам обращались также словом «*дая*». Например, вот какие требования к таким помощницам предъявляла в 1898 г. уроженка Царевококшайского

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.3. Оп.1. Д.14790. Л.15.

² ГА РТ. Ф.74. Оп.1. Д.1. Л.2–3.

³ ГА РТ. Ф.969. Оп.1 Д.47. Л.21 об.

уезда Казанской губернии, ставшая супругой муллы из Касимовского уезда Рязанской губернии, публицистка Галимательбанат Бикtimiрия. По ее мнению, кормилица должна обладать хорошим здоровьем, быть нравственной, доброй, приветливой женщиной от 25 до 30 лет, с всегда позитивным эмоциональным состоянием [11, с.33]. На практике получалось по-разному. Так, помощница-кормилица была у супруги казанского купца Салиха Губайдуллина. Об этом вспоминал их сын Кадыр, 1888 г.р. Он отмечал, что мать была больна и не могла сама кормить его, поэтому у него появилась кормилица-няня, к которой Кадыр очень сильно привязался впоследствии. «Ее я называл моей матерью и чуждался своих родителей, называя их, как называла и она, хозяевами. Я помню, как за это меня укоряли», – писал он. К.Губайдуллин характеризовал свою кормилицу как женщину «простую, честную, религиозную и неразговорчивую» и подчеркивал, что и сам усвоил эти черты [9, с.44].

Помимо кормилиц в состоятельных семействах были и няни. В конце XIX в. по-татарски их называли просто «*бала караучылар*» (смотрящие за ребенком). За это столетие немного изменились подходы к выбору таких помощниц. Сначала присматривали за детьми в качестве нянь одинокие старушки. Иногда родители (чаще один из родителей) временно оставляли у них своих детей даже на долгий срок. Это было похоже на практику русских крестьянок той поры, которые промышляли тем, что брали на «выкармливание» детей из воспитательных домов Москвы и Санкт-Петербурга. Например, оренбургский купец Габдулгани Хусаинов, 1839 г.р., был рожден во втором браке своего отца. После смерти матери, его и младшего брата Габдрахмана отдали временно одной старушке по имени Гульбагида из деревни Чебенле Оренбургской губернии. В этой деревне братья провели несколько лет, посещали местное медресе. Отец при этом проживал в Оренбурге [5, б.6–7]. Аналогичной была история раннего детства и у поэта Габдуллы Тукая, 1886 г.р. Он родился в деревне Кошлауч Казанского уезда в семье муллы. Его мать Мамдуда овдовела, когда ему было пять месяцев. Через какое-то время она вновь вышла замуж за муллу и уехала в деревню Сосна. Младенца мать оставила в Кошлауче, поручив его на попечение старушки по имени Шарифа [13, б.10].

Кроме такой практики, когда няня смотрела за младенцем у себя дома, были случаи работы няни непосредственно в доме работодателя. Например, в одной из своих назидательных работ, посвященной семье («Гаилә»), ученый Ризаэтдин Фахреддин рассуждал и о домашних помощниках. Татарский просветитель призывал крайне осторожно подходить к выбору нянь и довольно эмоционально сравнил негативное влияние домашних помощниц на детей с образом больного животного, которое способно заразить все стадо [14, б.86]. Интересно, что некоторые богатые городские семьи татар в это время предпочитали нанимать в качестве нянь деревенских женщин. Вероятно, это было связано с тем, что женщины из

городских мещанских слоев в силу маргинальных нравов вызывали мало доверия у татарских купцов.

Историк Газиз Губайдуллин тоже воспитывался няней – он упоминал о ней очень кратко. «Меня пугали в детстве “русскими”, особенно няня – деревенская женщина», – писал будущий ученый в 1910 г. [9, с.40]. Братья Газиз и Кадыр Губайдуллины были практически погодками. О роли нянь в их развитии они рассуждали в экзаменационных автобиографиях Казанской мужской гимназии, их нарративы рассказывали о культурной отсталости в начале пути и стремлении героя к просвещению. Образ няни, судя по всему, был необходим для подчеркивания остроты «темного царства», в котором пребывал герой в детстве. В целом, в начале XX в. прослеживается некое противопоставление образа темной няни и просвещенной матери. Например, в случае братьев Губайдуллиных образ матери в тех же сочинениях, безусловно, был связан не только с добротой и участием в жизни детей, но и с прогрессивным мышлением. В романе Г.Ибрагимова «Яшь йөрәкләр» («Молодые сердца»), опубликованном впервые в 1912 г., у главной героини Марьям, дочери мурзы, тоже была старушка-няня, которая знакомила ее «с темным и скрытым миром» [7, б.314]. Таким образом, с нянями-старушками ассоциировалась культурная отсталость, а мать присутствовала в рассказах как некий светлый образ, особенно если она рано умерла. Хотя и первая, и вторая женщина жили примерно в одинаковой среде, но, вероятно, с увеличением разрыва между традиционным укладом и модернизированным (буржуазным), эта разница стала ощутимой.

Такой же подход мы видим у Г.Тукая. Старушка Шарифа, судя по всему, присматривала за ним, когда ему было около одного-двух лет. Он ничего из этого жизненного опыта не запомнил, так как первые воспоминания человека относятся к возрасту от двух половиной до трех с половиной лет. Тем не менее, образ Шарифы как довольно жестокой няни сохранился в автобиографии поэта. Там есть эпизод о том, как она якобы оставляла малыша на улице, на морозе, и долго не пускала домой. Поэт и сам уточняет, что сам он этого не помнит и передает лишь слова каких-то очевидцев, жительниц этой деревни. При этом мать Тукая, освоившись на новом месте, забрала ребенка к себе, когда ему было около трех лет. Момент приезда в Сосну он запомнил, как довольно яркое событие в своей жизни [13, с.10–11]. В рассказе Тукая тоже есть определенный контраст: добрая мать, забравшая его, наконец, к себе, и такой же добрый отчим, а также бессердечная старушка-няня. Хотя по факту он был на попечении няни больше года в младенчестве, за это время не заболел и не умер; значит, уход за ним был не самым плохим.

В целом, в татарской культуре начала XX в. няни, за исключением автобиографии Тукая, оставались практически невидимыми фигурами. Это касалось не только письменного, но и визуального выражения. Например, сохранилось множество фотографий татарских детей начала XX в. (в основном это семьи купцов и интеллигенции), но среди данных источ-

ников практически нет снимков с нянями или с кормилицами. Возможно, это связано и с недостаточностью визуальных источников или является следствием нежелания самих нянь-старушек фотографироваться. Это еще предстоит выяснить с привлечением более широкой источниковой базы по этой проблематике. Вместе с тем фотографирование вошло в татарский обиход примерно одновременно с модернистской литературой и с педагогической публицистикой, где критиковалось все старое, в особенности традиции воспитания и ухода за детьми. В какой-то степени это сформировало в татарском сообществе начала XX в. условные границы между молодым поколением женщин, которых рассматривали как воспитанных матерей (*тәрбияле ана*), несущих ответственность за будущее нации (*милләт аналары*), и старшим поколением, в том числе нянь, привязанным к традициям. В более широком смысле этот межпоколенческий разрыв созвучен и с известным в научной литературе противостоянием джадидов (сторонников реформ в системе образования) и кадимистов (противников этих преобразований). Стоит подчеркнуть, что эти две группы всегда изучались лишь как мужские сообщества.

На рубеже XIX–XX вв. в какой-то момент стало, судя по всему, даже не модно доверять попечение малышей на женщин-татарок пожилого возраста. Более того, в татарских купеческих семьях появились няни Маши, Нади, «апайки Дуни», гувернантки Мэри, Эльзы и другие воспитательницы, т.е. не татарки. Такие няни и гувернантки нужны были для лучшего усвоения детьми русского и других языков. Эта тенденция начала проследиваться среди казанских купцов еще в конце 1860-х гг. Например, «...в последнее время, как исключение, появились у богатых татар гувернантки, от одной до трех, обучающих детей русскому, французскому и немецкому языкам», – писал А.Ф. Риттих в издании 1870 г. [3, с.329]. К началу XX в. такая практика встречалась и в купеческих семьях за пределами Казани. Например, в семье купца-миллионера Муллагали Яушева, проживавшего в г. Троицке Оренбургской губернии, дети выучили с гувернанткой немецкий язык [15, с.32–35].

Интересно, что в татарской публицистике критике подвергались только взрослые няни-татарки. Например, Р.Фахреддин приводил рассуждения неизвестного автора-современника о состоянии общества, которое он сравнивал с дикостью лесных животных и обвинял в этом воспитателей. Именно последние, по мнению самого татарского просветителя, внушали детям разные «лживые вещи», «испорченные мысли и мечты» [14, б.87]. Журналистка Фатима-Фарида Наурузова (Вагапова), считала, что у татарских детей вовсе нет профессиональных нянь, как у «европейцев». Такие профессиональные воспитатели, по ее словам, получали жалованье за свою работу от 25 до 50 рублей. «Но разве у нас есть такие?» – вопрошала она в газете «Сибирия» в 1912 г. [16, б.62].

Между тем, публицисты обходили стороной еще одну повседневную практику татарских семей: при отсутствии бабушек или посторон-

них взрослых, за малышами присматривали их братья или сестры, или другие малолетние родственники. Например, вот рассказ учителя Хабиба Зайни, 1890 г.р., который рос в г. Троицке, в семье мещанина среднего достатка. Его мать время от времени просила присмотреть за малышом племянника мужа. Это как раз было связано с тем, что в семье не было бабушек. Молодая женщина отправляла 15–16-летнего мальчика на прогулку с ребенком, которому не было и года. При этом у него не было никаких приспособлений, вроде люльки или коляски, он выносил малыша на улицу на руках. В итоге, в возрасте 7 месяцев Хабиб получил травму головы, так как подросток запнулся и уронил ребенка⁴. Таким образом, малолетние помощники в деле ухода за малышами были не самым лучшим решением вопроса, поскольку они сами были детьми и не могли нести в полной мере ответственность за жизнь и здоровье младенцев. Тем не менее, девочки-подростки (*асрау кыз*), которых более-менее состоятельные семьи брали на воспитание и использовали для различной домашней работы, – это довольно расхожий образ в татарской повседневности начала XX в. Очевидно, эти помощницы-подростки привлекались и для присмотра за малышами.

Вероятно, именно из таких девочек-подростков выросла в итоге небольшая группа – молодых нянь-татарок. Некоторых из них мы можем видеть на фотографиях начала XX в. Например, в фондах Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ («Мирасханә») сохранилась фотография дочери казанского издателя Ахматгарая Хасани – Амины с няней, датируемая 1907 г. Есть похожие снимки и в частной коллекции Низами Ибраимова. Все это свидетельствует еще о том, что в силу разных факторов (урбанизация, распространение идей Просвещения и т.д.) уход и присмотр за детьми становился способом заработка для молодых девушек. Такое занятие требовало от них меньшей квалификации, в отличие, например, от профессии учительниц (мугаллима), но, как и работа в татарских женских школах, труд няни давал новые возможности для женской эмансипации.

Помимо домашних помощников в уходе за младенцами в период модернизации экономики империи появилась совершенно иная форма помощи матерям – это организация яслей. На рубеже XIX–XX вв. няни особенно были нужны работающим женщинам, а их со второй половины XIX в. становилось больше. Например, в Казани татарки из бедных семей устраивались на текстильные фабрики Алафузовых, мыловаренный завод Крестовниковых. Некоторые предприятия организовывали для младенцев работниц ясли. В Казани первое такое учреждение открылось при Алафузовской фабрике в 1900 г. Там содержались груднички от трехмесячного месячного возраста до 2-х лет, за рабочую смену матерей дважды отпус-

⁴ Зэйни Х. «Баштан кичкәннәр»дән истә калганнары. Беренче кисәк // Из личного архива И.Б. Зайни. Л.5.

кали покормить детей [4, с.196–197]. В годы Первой мировой войны детские сады возникали по инициативе благотворительных обществ в разных городах, для детей солдаток. Этот момент освещался и в татарской прессе тех лет [6].

Однако для большинства татарок передача ребенка в специальное детское учреждение все равно оставалась практикой, которая вызывала мало доверия. Например, после событий 1917–1920 гг. в Татарской АССР при женотделе открыли специальные татарские детские сады, часть татарок сопротивлялась этому начинанию, они не хотели отдавать туда своих детей. Активисткам Абруй Сайфи и Кояш Джаббаровоной, а также Магруй Музаффариной предстояло провести огромную работу, прежде чем завоевать доверие матерей-татарок.

«Воспитательница» в татарском языке: поиски нового слова. В начале XX в. просмотр за детьми (*бала карау*), судя по всему, не рассматривался как трудовая деятельность с четким функционалом и фиксированной оплатой труда. Даже отсутствие какого-то отдельного термина (нянь продолжали называть «*бала караучы*») говорит о том, что еще не было четко выстроенных трудовых отношений в этой сфере. Поэтому для некоторых семей было проще нанять нетатарский персонал, который обеспечивал еще и новый языковой навык.

Интересно, что в татарской прессе тех лет традиционное обозначение «*бала караучы*» конца XIX в. пытались заменить другим словосочетанием. Так, в начале XX в. появляется слово «*мөрәббия*». Например, Габдулла Тукай в 1909 г. писал о своей воспитательнице-старушке (*мөрәббия карчыгым*) [13, б.10]. Фатима-Фарида Наурузова в 1912 г. упоминала о европейских гувернерах и гувернантках (*мөрәбби вә мөрәббияләр*) [16, б.262]. Наконец, в одной из газетных публикаций 1914 г., с подачи Фатиха Амирхана, мы видим словосочетание «*мөрәббия туташ*», где соединились турецкое обозначение гувернантки (*mürebbiye*) и татарское обращение к незамужним женщинам из образованных семей (*туташ*). Это был репортаж с детского праздника в казанском «Восточном клубе». При этом автор называл сопровождавших детей женщин (среди которых были и матери, и няни), как обычно, «смотрящие за ребенком» (*бала караучылар*). Праздник тогда посетили 243 ребенка и около 130 женщин. Кроме того, в числе организаторов праздника были 40 женщин от самого «Восточного клуба», именно они играли с детьми. Это были молодые девушки из татарских буржуазных семейств Казани, именно их Ф.Амирхан и называл «*мөрәббия туташлар*» [1, б.249]. Это было похоже на внедрение в татарский язык в тот период другого обозначения представительниц женского пола – «*шиәфкать туташы*» (сестра милосердия) [2]. Однако словосочетание «*мөрәббия туташ*» не закрепилось в татарской лексике. В советское время для обозначения воспитательниц в детских садах появилось слово «*тарбияче*».

К слову, в раннесоветское время для обозначения яслей применяли словосочетание «*бала бишеге*» (детская колыбель), также в материалах тех лет употреблялось и выражение «*бала учагы*» (детский очаг) [6].

Выводы. Рубеж XIX–XX вв. – время столкновения традиций и новаций в воспитании детей в татарском обществе, и татарская интеллигенция была готова к переменам. Однако по истечении ста лет мы видим, что в традиционных предписаниях по уходу за младенцами на самом деле были и полезные моменты. Например, это постоянная связь матери с ребенком, грудное вскармливание по требованию, а не по режиму. Хотя и реформаторов с их стремлением к новой культуре тоже можно понять, они старались адаптировать европейские установки того времени. Но уже раннесоветский период показал, что критиковавшее накануне так называемую культурную отсталость старшего поколения, мечтавшее об образованных матерях и нянях, татарское сообщество не было готово к кардинальным переменам и резкому разрыву с традициями и привычным укладом. За этот короткий промежуток – несколько десятилетий рубежа XIX–XX вв. – так и не состоялся окончательный переход от традиционных координат к нормам буржуазного времени. Это отразилось, прежде всего, на татарском языке, где до сих пор нет определенного обозначения для слова «няня». Этот термин продолжают переводить как «*бала караучы*», т.е. смотрящий за ребенком. Между тем такую роль могут исполнять не только профессиональные помощники, но и ближайшие родственники. В целом, данный аспект татарской повседневности – уход за младенцами на рубеже XIX–XX вв., до внедрения советской практики охраны материнства и детства, изучен крайне слабо и еще требует дальнейших дополнений, насыщения фактами и освещения роли многих «невидимых фигур» прошлого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Әмирхан Ф. Әсәрләр. Т.3. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 512 б.
2. Габдрафикова Л.Р. Исторические предпосылки возникновения понятия «сестра милосердия» в татарском языке // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.126–138. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138>
3. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 367 с.
4. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 276 с.
5. Гани бай / төз. М.Ф. Рәхимкулова. Оренбург, 1998. 259 б.
6. Зиннатуллина А.Ә. Татар балалар бакчаларының барлыкка килү алшартлары һәм беренче адымнары (XX нче гасырның беренче чиреге) // Историческая этнология. 2017. Т.2. №2. С.338–345.

7. *Ибраһимов Г.* Сайланма әсәрләр. Т.1. Казан: Таткнигоиздат, 1957. 528 б.
8. *Идрис И.* Тәрбияле ата яки тормыш дәресе / Басмага әзерләүчеләр А.Гайнетдинов, И.Низамиев. Казан: Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2019. 32 б.
9. «Приступая к своей биографии, не могу говорить только о себе...» (Автобиографии жителей г. Казани начала XX века) / отв. сост. С.Т. Рахимов, сост. О.В. Федотова. Казань, 2017. 135 с.
10. *Сухарев А.А.* Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1904. 195 с.
11. Татар тәрбиясе: Г.Биктимерия һәм Ф.Сөләймания хезмәтләрендә гаилә тәрбиясе мәсьәләләре / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2021. 232 б.
12. Татары / отв. ред.: Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. 2-е изд., доп., переработ. М.: Наука, 2017. 799 с.
13. *Тукай Г.* Әсәрләр. Т.5. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 368 б.
14. *Фәхредин Р.* Гаилә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. Казан: Рухи Мәгърифәт Академиясе, 2006. 123 б.
15. *Чайчиц А.* Купцы Яушевы. Семейная история. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020. 83 с.
16. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жыентыгы) / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 09.01.2025

Принята к публикации 31.01.2025

Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in child care

L.R. Gabdrāfikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the everyday practices of Tatar families in the sphere of childhood. Traditional aspects of child care, conditioned by the Muslim worldview, are outlined. The author emphasizes that Tatars and outside observers had different views on the organization of child care. Educated Tatars were critical of their own traditions.

The article identifies the main domestic assistants in child care: wet nurses, nannies, older children; various strategies for choosing nannies, assessment of their work in ego-documents, age and ethnocultural features are analyzed. In addition, the article includes an episode related to the construction of new terms in pedagogy by Tatar publicists of the early 20th century.

Keywords: history of everyday life, history of childhood, nannies, Tatar language, history of the Tatars

Fot citation: Gabdrafikova L.R. Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in child care. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

REFERENCES

1. Amirkhan F. *Works*. Vol.3. Kazan: Tatar book Publ., 1989. 512 p. (In Tatar)
2. Gabdrafikova L.R. Historical prerequisites of the “Sister of Mercy” concept in Tatar language. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.126–138. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.126-138> (In Russian)
3. Gabdrafikova L.R. *Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change (second half of the 19th – early 20th century)*. Kazan: Tatar book Publ., 2015. 367 p. (In Russian)
4. Gabdrafikova L.R., Izmailov B.I., Salikhov R.R. *Alafuzov’s company (second half of the 19th – early 20th centuries): industrial history of Russia*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2015. 276 p. (In Russian)
5. *Gani bai*. Ed. by M.F. Rakhimkulova. Orenburg, 1998. 259 p. (In Tatar)
6. Zinnatullina A.A. Prerequisites of Emergence of the Tatar child care facilities and their first steps (the first quarter of the 20th century). *Historical Ethnology*. 2017, vol.2, no.2, pp.338–345. (In Tatar)
7. Ibragimov G. *Selected works*. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1957. 528 p. (In Tatar)
8. Idris I. *A well-mannered father or life lessons*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 32 p. (In Tatar)
9. “*Starting my biography, I cannot speak only about myself...*” (*autobiographies of residents of Kazan at the beginning of the 20th century*). Compiled by S.T. Rakhimov, O.V. Fedotova. Kazan, 2017. 135 p. (In Russian)
10. Sukharev A.A. *Kazan Tatars (Kazansky district)*. Experience of ethnographic and medical-anthropological research. St. Petersburg: P.P. Soikin Publ., 1904. 195 p. (In Russian)

11. *Tatar education: issues of family education in the works of F. Suleimani and G. Biktimiri*. Ed. by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. 232 p. (In Tatar)
12. *Tatars*. Ed. by G.F. Gabdrakhmanova, V.V. Trepavlov, R.K. Urazmanova. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ., 2017. 799 p. (In Russian)
13. Tukay G. *Works*. Vol. 5. Kazan: Tatar book Publ., 1986. 368 p. (In Tatar)
14. Fakhreddin R. *Family. Well-mannered mother. Well-mannered woman*. Kazan, 2006. 123 p. (In Tatar)
15. Chaichits A. *The Yaushev merchants. Family history*. Kazan: Tatar book Publ., 2020. 83 p. (In Russian)
16. *Issues of female education in the Tatar press of the early 20th century*. Ed. by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Gabdratikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received January 9, 2025

Accepted for publication January 31, 2025

УДК 297

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.68-88>

Женщина-мусульманка в контексте
модернизационных процессов начала XX века
(на материалах Уфимской губернии)

А.В. Ахтямова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию участия мусульманских женщин в общественной и культурной жизни Уфимской губернии в начале XX в. На рубеже веков Уфа превратилась в крупный центр российской уммы. В губернском центре располагалось Оренбургское магометанское духовное собрание. Учитывая это обстоятельство, а также специфику региона (конфессиональное многообразие), представляет большой интерес исторический опыт женского мусульманского движения в Уфимской губернии. В работе на основе широкого круга источников рассматриваются формы проявления социально-культурной активности женщин-мусульманок под влиянием модернизации, тесно связанной с процессом складывания принципиально новых социальных институтов и эволюцией традиционных институтов. Раскрывается результативность разнообразных инициатив мусульманского женского общества. Исследование показало, что социально-политическая обстановка побудила к консолидации женщин-мусульманок. У них появилось больше возможностей для самореализации, в особенности в губернском городе, раскрытия своего творческого потенциала и формирования активной жизненной позиции. В итоге либеральные круги мусульманского духовенства признали необходимость пересмотра отношения к социальному статусу женщины.

Ключевые слова: женщина-мусульманка, мечеть, мектеб, благотворительное общество, пресса, театр, Сабантуй, земская библиотека, Уфимская губерния

Для цитирования: Ахтямова А.В. Женщина-мусульманка в контексте модернизационных процессов начала XX века (на материалах Уфимской губернии) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С. 68–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.68-88>

Введение. В основу статьи положена идея рассмотрения женщин-мусульманок как участниц социально-культурных институтов в новых общественно-политических условиях, вызванных Первой русской революцией 1905–1907 гг. Начало XX в. ознаменовалось развитием женского движения, активизацией участия женщин не только в общественной, но и в культурной жизни. Исследование динамики социального статуса мусульман-

ской женщины в значительной степени позволяет реконструировать ее образ.

Актуальность темы обусловлена повышением роли женщины в современном мире. Целью настоящей работы является изучение положения женщины в мусульманском сообществе, главным образом в городском социуме, в условиях модернизации начала XX в. на примере одного из полиэтнических и поликонфессиональных регионов Российской империи – Уфимской губернии.

По сведениям Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в губернии насчитывалось 2 196 642 чел. (из них мужчин было 1 089 801 чел., женщин – 1 106 841 чел.) [38, с.III]. Особенностью региона была высокая доля мусульман (49,9%) [38, с.VIII]. Учитывая это, процент женщин-мусульман, по данным 1897 г., составлял примерно четверть от общей численности населения губернии, или 537 411 чел. [37, с.39]. Другой характерной чертой региона был низкий удельный вес городского населения. В процентном выражении уровень урбанизации региона на 1865 г. составлял 4% [44, с.2], по данным переписи, в 1897 г. он равнялся 4,9% [37, с.4], в то время как в Европейской России доля городского населения составляла 12,9% [20, с.57].

«Женский вопрос» получил подробное освещение в периодической печати того времени. В настоящей статье этот вид опубликованных источников является главным объектом анализа. В частности, мы ориентировались на татарские газеты: «эл-Галәме эл-Ислами» (Уфа, 1906–1907), «Тормыш» (Уфа, 1913–1918), «Вакыт» (Оренбург, 1906–1918), «Казан мөхбире» (Казань, 1905–1911), «Йолдыз» (Казань, 1906–1918), «Таң йолдызы» (Казань, 1906).

Исторический опыт женского мусульманского движения в Уфимской губернии был рассмотрен в трудах А.Б. Юнусовой [66], Л.А. Ямаевой [67], Р.Н. Сулеймановой [49], В.К. Ахмадуллина [3], Г.Б. Азаматовой и Д.Д. Азаматова [1], А.А. Зиннатуллиной [14] и др. В контексте изучаемой проблемы представляет интерес совместное исследование А.Ю. Хабутдинова, М.М. Имашевой и М.М. Хабутдиновой [63], в котором на основе широкого круга источников анализируются позиции женщин-мусульманок (татарок) Волго-Уральского региона по вопросам гражданских и политических прав, участия в национальных органах власти и органах самоуправления в ходе революционных событий 1917 г. Фрагментарные сведения о социальной активности мусульманок Уфы содержатся в монографии С.В. Фаизова [62].

Отдельные сюжеты о деятельности местных мусульманок на культурно-просветительском поприще получили освещение в ряде работ по истории Башкортостана дореволюционного периода [16; 17] и истории татарского театра [41]. Для изучения темы имеют также значение опубли-

кованные сборники документов и материалов. К числу таких публикаций следует, например, отнести: «Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сборник документов и материалов» [13], «Вопросы женского образования в татарской периодической печати начала XX века (сборник документов)» (на татарском языке) [68].

Таким образом, к настоящему времени исследованы различные аспекты общественного движения женщин-мусульманок в Уфимской губернии. Новизна данной работы заключается в том, что в ней на основе широкого круга источников рассматриваются формы проявления социально-культурной активности женщин-мусульманок на региональном уровне под влиянием модернизации, тесно связанной с процессом складывания принципиально новых социальных институтов и развитием традиционных институтов. Изложение материала построено по хронологическому и проблемно-тематическому принципам. Хронологически данная статья охватывает период с 1905 г. до Февральской революции 1917 г.

Мусульманские женщины как участницы социально-культурных институтов.

А. Татарская периодическая печать. С 1906 г. до февраля 1917 г. в регионе издавалось 5 наименований арабографических татарских газет и журналов, и все они выходили в губернском центре, в Уфе. Это газеты «эл-Галэме эл-Ислами» (1906–1907) и «Тормыш» (1913–1918), журналы «Мәгълүмәтә мәхкәмәи шәрғыяи Ырынбургыя» (1908–1910, 1916–1917), «Мәгълүмәтә жәдидә» (1911–1912), «Уфаның авыл көнкуреше журналы» (1914–1917). Как отмечают исследователи, на рубеже XIX–XX вв. именно газета все увереннее завоевывает ведущие позиции не только по количественным показателям, но прежде всего – по общественной значимости. Это было связано в первую очередь с возросшей потребностью самого общества в оперативном получении и обсуждении информации. С этой точки зрения особый интерес представляет изучение проблемы женской активности на страницах местных газет.

Татарская периодика в регионе началась с издания газеты «эл-Галэме эл-Ислами» («Мусульманский мир»). Первая газета в Казани на татарском языке «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), опережая события, 3 марта 1906 г. поспешила сообщить читателям: «В Уфе начала выходить газета “Галэме ислам”, отражающая интересы конституционных демократов» [47, 6.4]. Между тем первый номер газеты «эл-Галэме эл-Ислами» увидел свет только 3 мая 1906 г. Накануне выхода первого номера газеты, 2 мая 1906 г., уфимский губернатор А.С. Ключарёв в адрес Главного управления по делам печати писал: «Согласно циркуляру от 9 декабря 1905 года за №14508, уведомляю ... мною, на основании п. 4 с. VII Высочайшего Указа от 24 ноября 1905 года, разрешено имеющему звание народного учителя Галляму Гандалифову Мустафину издавать в городе Уфе, под его ответст-

венным редакторством, еженедельную газету под названием «Мусульманский мир» на татарском языке...»¹.

Итак, издателем «эл-Галэме эл-Ислами» стал Г.Мустафин. Редакционная коллегия газеты состояла из 4 человек: редактор Шаихгаттар Абызгильдин, за свой труд получал ежемесячно 50 руб.; Зия Камали – 50 руб.; секретарь Фаизханов – 20 руб. и еще один человек (имя не указано) – 10 руб. [23, б.1]. Изданием руководил Зия Камали. Большая часть выпусков газеты вышла под редакторством Ш.Абызгильдина, с №29 временным редактором был назначен Багаутдин Максудов². Газета выходила до 30 января 1907 г. (всего было издано 43 номера).

На страницах этой газеты появлялись материалы и на женскую тематику. Например, уже в четвертом номере издания под рубрикой «Ханымнар фикере» («Женское мнение») было опубликовано письмо мугаллимы Камили-ханум³. Автор затронул проблему актуальности развития женского профессионального образования [19, б.5]. О правовом положении женщины-мусульманки вышла достаточно объемная статья Зии Камали [4, б.1–2; 5, б.4–5]. Через газету выражали слова признательности неравнодушным жителям, проявившим инициативу на поприще благотворительности. Так, например, «эл-Галэме эл-Ислами» опубликовала благодарность в адрес Фасахат Назировой (в будущем действительный член «Уфимского мусульманского дамского общества», с 1912 г. – член правления общества) за подаренные воспитанницам «Башкирского женского пансиона» книги [15, б.2].

17 июля 1913 г. крестьянину Казанской губернии Мухаммад-Вагизу Шагивалиевичу Наврузову⁴ было выдано свидетельство на право издания газеты «Тормыш» («Жизнь»)⁵. Утвержденная программа газеты включала следующие пункты: «1. Передовые статьи. 2. Правительственные распоряжения. 3. Корреспонденция из разных городов Сибири и Европейской России. 4. Перепечатка из разных газет и переводы. 5. Обзорение русской

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.770. Оп.21. Ч.П. Д.185. Л.1.

² Максудов Б. Уфада матбагачылык эше // Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф.50. Оп.1. Д.73. Л.2.

³ Статья подписана: «Мәктәб Назыйриядә мөгаллимә Камилә ханым». Вероятно, автором письма являлась мугаллима Камиля-ханум Касимия (Касимова). В 1905 г. известный татарский купец и общественный деятель Садретдин Назиров основал в Уфе татарские женские школы, получившие название «Мәктәб Назыйрия», или «Мәдрәсәи Назыйрия», в одной из них преподавала Камиля-ханум, в другой – Газима Такаева [см.: 68, б.161–164].

⁴ В источниках в написании имени и фамилии (Мухаммад-Вагиз Наврузов) встречаются разночтения. Фамилия пишется и как «Новрузов», в татарских источниках: Нәүрузов (Нәүрузев). Имя пишется и как Мухамет-Вагиз, в татарских источниках: Мөхәммәтвәгыйз (Вәгыйз).

⁵ РГИА. Ф.776. Оп.21. Ч.П. Д.158. Л.1.

жизни. 6. Обзорение жизни за границей. 7. Фельетон (романы, повести, рассказы, стихотворения и проч.). 8. Театр и музыка. 9. Судебная хроника. 10. Торгово-промышленный и справочный отдел. 11. Библиография. 12. Смесь. 13. Объявления»⁶.

«Тормыш» – преемница первой в Сибири татарской газеты «Сибирия» (1912–1913), которая издавалась и редактировалась супругами Мухаммад-Вагизом и Фатимой-Фаридой Наврузовыми. Ее первый номер вышел 18 октября 1913 г. Весной 1914 г. издание обновило содержание. В программу газеты были включены новые пункты, в том числе касающиеся «женского вопроса и педагогики»⁷.

Следует отметить, что с первых выпусков газета уделяла большое внимание женской тематике. Имелась и специальная рубрика «Хатын-кыз дөнъясы» («Мир женщины»), которую первоначально возглавляла Фатима-Фарида-ханум [32, б.1]. К этому времени она имела большой опыт не только преподавательской, но и журналистской и редакторской деятельности. О томском периоде ее жизни газета «Сибирская жизнь» сообщала: «Фатима Наврузова часто заменяла своего мужа, редактируя газету, сама писала статьи, работала в обществе мусульман-прогрессистов, пыталась улучшить преподавание в местных мусульманских школах»⁸ [22, с.6]. Ранняя смерть прервала творчество талантливой журналистки. 16 февраля 1914 г. в возрасте 25 лет она ушла из жизни.

В сентябре 1914 г. новым издателем газеты стал купец Гибадулла Усманов, редактором являлся Закир Кадыри⁹. В январе 1918 г. права редактора перешли Гумдатель-Исламу (Гумда) Хабинову (уроженец д. Богаты, Белебеевский уезд)¹⁰.

На страницах издания есть много статей авторов-женщин. Печатались статьи учительниц или мугаллимок (*мөгаллимә*), видных общественных деятельниц, среди которых были Сания Гиффат-Кадрия (Уфа), Газима Такаева (Уфа), Камиля Музаффария (Уфа, Актюбинск), Марьям Каримия (Белебей), Карима Ишмухаметова (Петропавловск), Фархинас Басрия (Касимов), С.Ибрагимова (Орск), Фатима Нугаева (Бухара) и многие другие.

Газета выходила до апреля 1918 г.

Б. Татарский театр. 21 апреля 1906 г. в Уфе в клубе приказчиков в пользу неимущих и нуждающихся шакирдов был сыгран первый публич-

⁶ РГИА. Ф.776. Оп.21. Ч.II. Д.158. Л.2.

⁷ РГИА. Ф.776. Оп.21. Ч.II. Д.158. Л.7.

⁸ Статья была подписана инициалами «М. В-ъ». Вероятно, автор некролога – Мухаммед-Вагиз Наврузов. В феврале и марте 1914 г. многие татарские газеты и журналы опубликовали некрологи о Фатиме-Фариде-ханум [подробнее см.: 24, с.170–171].

⁹ РГИА. Ф.776. Оп.21. Ч.II. Д.158. Л.10.

¹⁰ Там же. Л.9.

ный спектакль на татарском языке по пьесе Гаяза Исхаки «Өч хатын белән тормыш» («Жизнь с тремя женами»). Женские роли исполняли, по некоторым данным, Зухра и Уммугульсум Ахтямовы, Бахрелхат Девлеткильдеева [9, б.3–4; 43, б.3]. По другим сведениям, в числе участников спектакля также были Рукия Терегулова (Кинзикеева), Рауза Урманцева и Хадича Ямашева (Таначева)¹¹.

В период Первой русской революции театральные постановки на сценах Уфы, особенно с участием в них татарских женщин, вызвали в мусульманском сообществе оживленное обсуждение. Прогрессивная часть мусульманского населения высоко оценила значение этого яркого культурного события, между тем молодые актеры-любители испытывали серьезные трудности, в частности, сопротивление со стороны консервативно настроенных кругов. По мнению последних, театр противоречит нормам шариата [51, б.3], ими осуждалось как участие в спектакле, так и посещение театра. «Театр подвергся нападкам со стороны неграмотного и отсталого народа, который начал избивать артистов палками», – вспоминал Г.Исхаки. В этих условиях татарская молодежь была вынуждена обратиться за помощью к полиции. По его словам, «в день, когда состоялось представление, здание театра охранялось жандармами, и всех артистов, лично женщин, жандармы проводили до дома» [18, б.309].

24 сентября 1906 г. в Уфе была сыграна другая пьеса Г.Исхаки «Ике гашыйк» («Двое влюбленных»). Помимо Гумера Терегулова, главные исполнители – это вышеупомянутые Х.Ямашева и У.Ахтямова. Молодые актеры-любители продолжали испытывать давление представителей консервативного духовенства и буржуазии, однако, несмотря на это, премьера спектакля все же состоялась.

В мае 1912 г. в Уфе была основана профессиональная татарская труппа «Нур» («Луч») под руководством Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской (1885–1974). В эту труппу в числе других входили прославленные актрисы: Фахрениса Самитова (1890–1939), Зулейха Богданова (1886–1950), Лиза Сыртланова (Елизавета Александровна Шляхтина, 1881–1961), известная под псевдонимом «Сумчинская». Во время Первой мировой войны некоторых мужчин из труппы, в частности Бария Тарханова, Шакира Шамильского, Гиляза Казанского, Нуретдина Ханжарова, призвали на военную службу, и театральный коллектив стал преимущественно женским [10, б.3–4; 50, б.153].

Уфа и Оренбург являлись основными резиденциями труппы. Актеры часто выезжали на гастроли и в другие российские города и селения с

¹¹ Кудашев А.Г. Первые национальные театральные постановки, труппа «Нур» в Уфе и литературные вечера, концерты в Уфе в начале XX в. // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.18. Л.20.

компактным проживанием мусульман¹². В августе 1916 г. труппа решила остаться в Уфе, открыть в сентябре зимний сезон и практически каждую неделю ставить спектакль [31, б.4].

«Нур» просуществовал шесть лет, распался в мае 1918 г.

В. Женский мектеб. В начале XX столетия приметой времени стали женские мектебы. По некоторым данным земской статистики, в 1913 г. в Уфимской губернии насчитывалось всего 2615 мектебов¹³. Из них 1610 являлись организованными («*монтазам*» – тәртипкә салынган) (в том числе мужские – 1335, женские – 239, смешанные – 36¹⁴); 1005 – неорганизованными («*гайре монтазам*» – тәртипкә салынмаган) (т.е. обучение в частных домах), здесь преобладали женские (557) и смешанные (337) типы [54, б.2].

Конфессиональное образование претерпело значительные изменения. После Первой русской революции в крае начинают открываться новометодные (джадидистские) женские школы [2, с.13]. В новометодных учебных заведениях при обучении детей применялись методы, такие как слововой («*осуле маддия*») и звуковой («*осуле саутия*»). Однако звуковой метод «в чистом виде» применялся лишь в 34 мектебах [25, с.33–34; 53, б.2–3]. Среди других особенностей новометодных мектебов отметим включение в учебные программы светских предметов, введение классно-урочной системы, применение наглядных пособий, приглашение учителей. Устанавливались также сроки приема для обучения и т.д.

Г. Женское мусульманское благотворительное общество. 12 декабря 1907 г. «Уфимское мусульманское дамское общество» («*Уфада мөселман ханымнарының җәмгыяте*») было внесено в реестр обществ и союзов Уфимской губернии. Как отмечала газета «Тормыш», это была первая организация подобного рода в истории мусульманской уммы [56, б.3].

Идея создания женского общества возникла весной 1907 г. Эта тема неоднократно поднималась на собраниях, причем наибольшую активность в дискуссии проявили женщины из дворянских семей – Марьям Султанова (впоследствии председатель женского общества), Суфия Джантюрина, Магипарваз Шейхалиева, ставшие затем в числе других учредительницами общества [46, б.2–3].

¹² Кудашев А.Г. Первые национальные театральные постановки, труппа «Нур» в Уфе и литературные вечера, концерты в Уфе в начале XX в. // НА УНЦ РАН. Ф.50. Оп.1. Д.18. Л.22.

¹³ Сведения являются неполными. Как отмечала газета «Вакыт» в декабрьском номере за 1913 г., в губернскую управу к тому времени не поступило информации примерно от 300 приходов [54, б.2].

¹⁴ В то же время следует отметить, что позже в материалах земской статистики приводятся другие данные: из 1579 мектебов Уфимской губернии мужских было 1078, женских – 347, смешанных – 154 [52, б.2].

В мае 1907 г. был составлен проект устава, в подготовке которого большую помощь женщинам оказали видные мусульманские интеллектуалы Уфы, такие как Салимгирей Джантюрин, Искандербек (Искандер) Султанов, Сабир (Мухаммадсабир) Хасанов [11, б.3; 30, б.1]. Согласно уставу, общество преследовало «цели культурно-просветительные, нравственно-воспитательные и трудовспомогательные»¹⁵. В разные годы количество его членов варьировалось. Так, например, в 1911 г. в женское общество входило 62 человека [33, с.1–2], в 1912 г. – 37 [34, с.5–6], в 1913 г. – 59 [35, с.5–7], в 1914 г. – 37 человек¹⁶ [36, с.4–6].

Деятельность Уфимского мусульманского дамского общества была многогранна: открытие женских учебных заведений; участие в организации культурно-просветительских и духовных мероприятий, таких как, например, литературные вечера, детские вечера, религиозные и национальные праздники; создание библиотеки-читальни; проведение курсов для мугаллимок («*мөгаллимәләр курсы*»); поддержка участников Первой мировой войны (устройство лазарета, пошив одежды для раненых солдат); содержание приюта для девочек; выдача пособий нуждающимся ученицам, вдовам и т.д.

Доходы женского общества складывались из членских взносов, разных пожертвований и прибылей от проведенных мероприятий, пособий от Уфимской городской управы, земства, Уфимского купеческого общества, Уфимского попечительства о бедных мусульманах (с 1915 г. – Уфимское мусульманское благотворительное общество), из процентов с капитала и прочих поступлений.

Итак, 1910-е гг. стали временем поиска благотворительными организациями новых источников финансирования. Одно из таких новшеств было связано с праздником Сабантуй: часть денежных средств, собранных в ходе его проведения, поступала в кассу благотворительных обществ. Причем первыми инициативу в свои руки взяли благотворительные организации Казани и Оренбурга (1910) [28, б.201]. В дальнейшем национальные праздники в пользу благотворительных обществ устраивались и в других местах с компактным мусульманским населением.

Д. Национальный праздник (Сабантуй). Эта давняя традиция в Уфе возобновилась лишь в 1911 г. Тогда, 22 мая 1911 г., Сабантуй был проведен в рамках празднования 25-летнего юбилея вступления в должность муфтия Мухамедьяра Султанова [45, б.3; 55, б.3]. В 1912 г. в Уфе праздник не состоялся. Но в последующие годы горожане и гости губернского города с радостью отмечали это событие. Инициатором праздничного ме-

¹⁵ Устав Уфимского Мусульманского Дамского Общества=Уфа шәһәрәндә мөселман ханымнары жәмгыятенәң низамнамәсе. Уфа: Губернская электрическая типография, 1908. 12 с., 13 б. // РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.1204. Л.78–85.

¹⁶ В том числе пожизненные члены, действительные члены, члены-соревнователи.

роприятия было Уфимское попечительство о бедных мусульманах (Уфимское мусульманское благотворительное общество).

Примечательно, что в рассматриваемый период этот праздник отмечался не только в губернских, но и в уездных городах, где местные благотворительные организации тоже стали прибегать к такому способу получения дохода. Так, основанное осенью 1914 г. в Стерлитамаке Исламское благотворительное общество организовало Сабантуй трижды – в 1915, 1916, 1917 гг. [12, с.78–79, 151].

Однако в указанных выше городах Уфимской губернии в плане аудитории этого популярного праздника были свои особенности. В Уфе женщины-мусульманки принимали активное участие в проведении праздничного мероприятия. В частности, 29 и 30 мая 1916 г. на уфимском Сабантуе среди организаторов работы буфета значились Сара Гайнуллина, Хадича Ямашева и Зайнап Алмаева [42, б.2–3]. В Уфе женщинам-мусульманкам предоставлялась возможность смотреть состязания и даже для этого отводились специальные ложи [39, б.2; 40; 45, б.3].

Между тем в Стерлитамаке члены благотворительного общества придерживались противоположного мнения. Так, 5 апреля 1915 г. в здании Стерлитамакской городской думы под председательством купца Калимуллы Баязитова состоялось очередное собрание Исламского благотворительного общества, в котором приняли участие 70 человек. На нем обсуждался ряд вопросов, в том числе организация 9, 10 и 11 мая 1915 г. Сабантуя на ипподроме (находился на правом берегу р. Ашкадар [12, с.18]). В ходе обсуждения по данному вопросу были приняты следующие решения:

- создать комиссию по организации и проведению праздника (избрано 24 человека);

- не впускать на праздник женщин;

- проведение лотереи в пользу благотворительного общества, причем часть прибыли направить в Уфимское местное отделение Российского общества Красного Креста (РОКК) с целью размещения и содержания в течение 6 месяцев одной кровати в лазарете, подведомственном РОКК. Другую часть перечислить в кассу Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям (Петроград) [48, б.4].

Таким образом, мы видим, что в начале XX столетия в мусульманском сообществе в вопросе организации и проведения массового национального праздника не было единства, и, следовательно, в среде губернского города мусульманская женщина имела больше возможностей вносить свой вклад в развитие праздничных традиций. С чем это могло быть связано?

По нашему предположению, здесь сказывалось взаимовлияние функционировавших в губернском городе мусульманских благотворительных организаций (мужского и женского). В составе «Уфимского мусульманского благотворительного общества» были приверженцы либеральных взглядов, которые состояли в родственной связи с членами «Уфимского

мусульманского дамского общества» и старались поддерживать их инициативы. В свою очередь, активная деятельность женщин-мусульманок на культурно-просветительском поприще способствовала учету потенциала женского движения в решении социальных проблем. Кроме того, большую роль сыграла позиция видных татарских интеллектуалов, таких как, например, Хасан-Гата Габаши и Зия Камали, которые открыто поддерживали национальный праздник Сабантуй [45, б.3].

Е. Мечеть. Другая насущная проблема, с которой столкнулась женщина-мусульманка, это сопротивление отдельных мулл и прихожан посещению женщинами мечетей для совершения намазов [подробнее см.: 62, с.50]. По этому поводу 3 мая 1915 г. в Уфе прошло собрание имамов, купцов и мугаллимов. Участники собрания единогласно приняли фетву, согласно которой женщине дозволено посещение мечети, ведь в шариате нет ничего, что препятствовало бы этому (лишь один хазрат сначала выразил свое несогласие, однако, когда пришло время проголосовать, он примкнул к большинству). На собрании также был рассмотрен вопрос о ношении хиджаба и вынесена фетва о том, что женщине можно показывать свое «лицо, руки и ноги» (*«йөзләре, кул вә аяклары»*), очевидно, следует читать: лицо, кисти рук и ступни ног), т.е. нет необходимости закрывать эти части тела [58, б.3; 61, б.3].

Достижению единодушия по данным вопросам, скорее всего, предшествовали следующие события. Мы полагаем, что это стало возможным во многом благодаря именно Мусе Бигиеву, известному татарскому общественному и религиозному деятелю. 4 марта 1915 г. в честь прибытия высокого гостя в Уфу в доме купца Гибадуллы Усманова был устроен меджлис (праздничный ужин). Во время встречи обсуждался ряд важных тем: текущая деятельность «Уфимского мусульманского дамского общества» в частности¹⁷ и женский вопрос в целом. Судя по материалам прессы, обстоятельно изложенная М.Бигиевым информация и обмен мнениями позволили внести ясность в дискуссию [58, б.3; 61, б.3].

Несомненно, ориентирами в женском вопросе могли служить и авторитетные мнения мусульманских лидеров, в частности вышеуказанного Х.-Г.Габаши как казья Оренбургского магометанского духовного собрания (1895–1899, 1908–1915)¹⁸. Как писали газеты того времени, он был человеком широких взглядов в вопросах музыки, живописи, хиджаба и др.¹⁹

¹⁷ Кстати, именно личная просьба богослова подвигла одну из активных деятелей «Уфимского мусульманского дамского общества» Фатиму Алкину, несмотря на плохое состояние здоровья, продолжать исполнение обязанностей помощника председателя (до ноября 1915 г.) [57, б.3; 60, б.1–2].

¹⁸ В мае 1915 г. Х.-Г.Габаши вернулся в д. Малый Сулабаш Казанского уезда (ныне в Высокогорском районе РТ).

¹⁹ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.654. Л.72 об. [см. также: 64, б.1].

Эти изменения в общественном сознании хорошо прослеживаются в отношении к проблеме беженцев в условиях Первой мировой войны. Первые группы беженцев прибыли в губернию в мае 1915 г., и уже через год, на 1 мая 1916 г., их общее число достигло свыше 71 тыс. человек. Значительная их часть состояла из русских, поляков, латышей и евреев [65, с.107]. Среди эвакуированных поляков были и мусульмане – польско-литовские татары [подробнее см.: 8, с.228].

Региональные лидеры не остались равнодушными к проблеме размещения и трудоустройства беженцев-мусульман. Так, например, осенью 1915 г. часть прибывших в Уфу мусульман устроилась на «кожевенный завод» (Нижегородская слобода) купцов братьев Ягудиных. 19 октября 1915 г. в губернский город прибыла новая партия беженцев-мусульман – 12 человек (из них мужчин – 2, остальные женщины, в том числе дети, потерявшие своих родителей). Они относились к махалле д. Даубутишки (Довбутишки) Кревской волости (Ошмянский уезд, Виленская губерния; ныне в Сморгонском районе Гродненской области Республики Беларусь). Лидеры мусульманской общины Уфы также оказали поддержку нуждающимся единоверцам из г. Слоним (Гродненская губерния; ныне центр Слонимского района Гродненской области Республики Беларусь). Большой вклад в помощь беженцам внесли Садретдин и Бадретдин Назировы, Гариф Хамидов, Ильяс Аминев, Гибадулла Усманов [29, б.3–4].

Духовно-религиозные нужды данной группы населения обслуживала соборная мечеть. Как стало известно газете «Тормыш» в ноябре 1915 г., места поклонения посещали и мусульманки-беженки. Оказывается, писала газета, они были удивлены тому, что местные женщины «не ходят» в мечеть. «"Неужели им не хочется слушать проповеди?" – говорят они», – цитировало издание слова беженки-мусульманки [59, б.3].

В то же время источники свидетельствуют о важности для местных мусульманок слушать пятничные проповеди (*Жомга вагазьләре*). Если мы обратимся к материалам той же газеты, то увидим, что они продолжали испытывать сопротивление со стороны некоторых консервативно настроенных прихожан Первой соборной мечети, однако, несмотря на эти трудности, не отчаивались. Так, в №456 газеты «Тормыш» в рубрике под названием «Идарәгә мәктүбләр» («Письма в редакцию») была опубликована статья одного из прихожан первой махаллы Уфы, который придерживался прогрессивных взглядов. В письме описаны некоторые события из жизни мусульманской общины: 15 апреля 1916 г. Марьям Султанова и еще несколько мусульманок за несколько минут до начала пятничной молитвы зашли в Первую соборную мечеть и, устроившись в отдельной комнате, вместе с мужчинами совершили пятничный намаз, а также с наслаждением слушали вагаз ахуна Джихангира Абызгильдина. Впоследствии в намерении Марьямбики-ханум было за свой счет организовать специальный вход для женщин, т.е. установить отдельную дверь в эту комнату для того, чтобы они могли совершать пятничный намаз (*Жомга намазы*) и Таравих

намаз (*Таравих намазы*). «Конечно, найдутся те, кто окажет протест, однако сами эти люди не совершили ничего во благо мечети», – отмечал автор статьи [27, б.3].

Таким образом, по сути, активистки мусульманского женского движения в рассматриваемый период поднимают вопрос об устройстве в мечетях отдельных помещений для представительниц женского пола. В общем, часть мусульманской элиты и рядовые мусульмане выступили в защиту женщин.

Ж. Земская библиотека. Характерной приметой развития библиотечного дела стало привлечение женской аудитории. Это обстоятельство отмечали и современники. Заведующий Чекмагушевской районной библиотекой (Белебеевский уезд)²⁰ Нурсултан Уталиев на совещании по внешкольному образованию, прошедшем 10–12 февраля 1916 г. при Белебеевской земской управе, подчеркнул, что «читательницы и посетительницы из татарок в библиотеке-читальне составляют новое явление в жизни библиотек вообще; для них отводятся в течение недели особые дни (как правило, один день в неделю. – А.А.)» [7, приложение, с.21].

Такой подход применялся и другими заведующими. По словам заведующего Стерлибашевской библиотекой (Стерлитамакский уезд)²¹ Фариды Альбекова, в этот день (сначала таким днем был вторник) мужчины в библиотеку не допускались [6, с.75].

Анализируя земские материалы по внешкольному образованию, можно отметить, что среди нерусского населения татары являлись самыми активными читателями. Так, например, согласно отчету о внешкольном образовании заведующего земскими библиотеками-читальнями Бирского уезда А.П. Кощеева, в 1915/16 учебном году читателей по всем библиотекам уезда насчитывалось 11845 человек, из них русские составляли 66%, татары – 30%, другие народности – 4% [21, с.97]. Поэтому нередко возникал вопрос о пополнении фонда библиотек национальными изданиями. Отнюдь не случайно заведующая Ерлыковской районной библиотекой (Белебеевский уезд)²² А.С. Шевченко-Красногорская на состоявшемся 12 и 13 февраля 1915 г. совещании представителей Уфимской губернской и Белебеевской уездной земских управ в заключение своего доклада обратила внимание участников мероприятия на необходимость снабжения библиотек татарскими книгами и завершила речь словами: «Библиотека нуждается в пополнении ее татарскими книгами, спрос на них весьма большой, так как население района на 3/4 состоит из татар. Наибольшие комплекты татарских книг до сего времени Ерлыковской библиотекой абонировались из Каргалинской инородческой библиотеки. Библиотека располагает своей большой аудиторией, вмещающей в себя приблизительно до

²⁰ Библиотека была основана в конце 1914 г.

²¹ Библиотека была основана в ноябре 1914 г.

²² Библиотека была основана в 1907 г.

250 человек» [6, с.40]. Подобные пожелания звучали и ранее. В этой связи на том же совещании Гумер Терегулов, заведующий отделом «инородческого» образования при Уфимской губернской земской управе, высказался за увеличение количества «инородческих» библиотек. По его словам, «потребность в книге среди инородческого населения в уезде действительно весьма велика, о чем красноречиво свидетельствует просьба всех заведующих библиотеками о пополнении последних книгами на татарском языке» [6, с.61].

Примечательно, что заведующими библиотеками назначались и женщины-мусульманки. Пионером на этом пути стал Мензелинский уезд. В 1916 г. здесь функционировало 4 библиотеки для мусульман («районные»), а именно в таких населенных пунктах, как: Поисево (Поисевская волость), Мастеево (Байсаровская волость), Старый Кашир (Старокаширская волость), Старый Багряш (Ерсубайкинская волость). Все эти библиотеки были основаны в 1914 г. Мастеевской библиотекой, подписчиками (читателями) которой значилось около 300 человек, заведовала Аминаханум Султанова [26, б.3].

Отметим, что при назначении на должность заведующего «районной инородческой библиотекой» губернская управа, как правило, исходила из того, что библиотечарь должен был быть хорошо знаком и с русской литературой, и с татарской литературой²³.

Заключение. Таким образом, под влиянием новых реалий рубежа XIX–XX вв. произошли значительные изменения в социальном поведении мусульманских женщин, главным образом горожанок, перед которыми открылись широкие возможности для формирования активной жизненной позиции. Рассматриваемый период отмечен усилением их роли в общественной и культурной жизни городов. Наибольшую активность проявляли женщины в основном из влиятельных и богатых дворянских семей.

С появлением и развитием в регионе благотворительных обществ, а также различных культурно-просветительских учреждений мусульманки становятся не только участниками, но и организаторами ряда социально значимых проектов. На волне общественного подъема 1914 г. они оказывали посильную помощь фронту.

В целом, как показало исследование, женские инициативы принесли свои плоды: либеральные круги мусульманского духовенства признали необходимость пересмотра отношения к социальному статусу женщины. Некоторые идеи, которые отстаивали активные участницы в предреволюционные годы, оказали существенное влияние на общественное движение российских мусульман и в дальнейшем нашли свое воплощение в резолюциях съездов (1917, 1923) по «женскому вопросу».

²³ Личный фонд А.А. Еникеева. Земские материалы по истории народного образования в Уфимской губернии в XIX веке. Т. II // Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.Р-95. Оп.1. Д.40а. Л.464.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаматова Г.Б., Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии // Проблемы востоковедения. 2009. №3 (45). С.43–52.
2. Аминова Л.Я. Генезис женского образования в Башкирии: Вторая половина XIX – начало XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2005. 22 с.
3. Ахмадуллин В.К. Благотворительные общества мусульманских интеллигентов в Уфимской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. 2011. №88. С.54–57.
4. *эл-Кәмәли З.* Хатыннар хокукы хакында шәригать жәһәтәннән нәзар // *эл-Галәмә әл-Ислами*. 1906. 29 июнь.
5. *эл-Кәмәли З.* Хатыннар хокукы хакында шәригать жәһәтәннән нәзар // *эл-Галәмә әл-Ислами*. 1906. 3 июль.
6. Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1915. №2.
7. Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1916. №4.
8. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 396 с.
9. *Габдулла бине Габдрахман.* Уфа // Казан мөхбире. 1906. 30 апрель.
10. *Гыйззәтуллина С.* «Нур» труппасы тарафыннан (идарәгә мәктүб) / *С.Гыйззәтуллина, И.Алмашев, Г.Казанский, Ф.Сәмитова, З.Богданова, Ж.Сормашев* // *Вақыт*. 1915. 11 сентябрь.
11. Дахили хәбәрләр. *Вақыт*. 1907. 3 май.
12. Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Татар мулласы Мөхәммәтгариф Рәмиев көндәлеге / сост. Р.Ф. Масагутов, пер. А.М. Гайнутдинов. Казань: Грумант, 2022. 180 с.
13. Женское движение в Башкортостане. 1900–1941: Сборник документов и материалов / Р.Н. Сулейманова (отв. ред.), Ш.Н. Исянгулов, Г.Ю. Султангужина. Уфа: Гилем, 2007. 274 с.
14. *Зиннатуллина А.А.* Роль первого мусульманского женского общества в распространении просвещения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. №126. С.35–39.
15. *Идарә.* Тәшкер // *эл-Галәмә әл-Ислами*. 1906. 5 октябрь.
16. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т.II. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 368 с.
17. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.2: История Башкортостана. XX век / сост.: И.Г. Акманов, С.Ф. Касимов. Уфа: Китап, 2006. 600 с.
18. *Исхакый Г.* Шималь төрекләрәндә театр // *Әсәрләр*: 15 томда. Т.9: Публицистика (1917–1926) / томны төз.: Э.Галимжанова, Г.Хөснетдинова, З.Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. Б.307–314.
19. *Камилә ханым.* Газизем мөхәррир әфәнде! // *эл-Галәмә әл-Ислами*. 1906. 27 май.

20. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 448 с.

21. Кощеев А. Отчет о внешкольном образовании уездного заведующего за 1915–16 учебный год по Бирскому уезду // Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы. 1916. №5/6. С.95–99.

22. М. В-ъ. Фатима Наврузова // Сибирская жизнь. 1914. 23 февраля.

23. Максудов Баһаветдин. Идарэдән игътизар шикаять дәңел // әл-Галәме әл-Ислами. 1906. 5 октябрь.

24. Махмутова А.Х. К 130-летию со дня рождения журналистки Фатимы-Фарида Вагаповой-Наурузовой // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. №9. Т.2. С.158–172.

25. Мектебы Уфимской губернии. Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы 1912–13 года / сост. М.И. Обухов. Уфа: Электрическая типография «Печать», 1915. 94 с.

26. Мәктәп тышында уку эшләре // Тормыш. 1916. 22 март.

27. Мәхәллә кешесе. Мәсҗеддә мәслимәләр // Тормыш. 1916. 4 май.

28. Миңнуллин Ж.С. Хәйрия жәмгыятьләре тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. №2. Б.196–207.

29. Мөселман качаклар // Тормыш. 1915. 23 октябрь.

30. Мөслимәләр жәмгыяте // Вакыт. 1908. 5 гыйнвар.

31. «Нур» труппасы Уфада калачак // Тормыш. 1916. 14 август.

32. Наурузов М.-В. Уфа – 18 октябрь // Тормыш. 1913. 18 октябрь.

33. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1911 год. Уфа: Электрическая типография Т-ва «Печать», 1912. 10 с.

34. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1912 год. Уфа: Паровая типо-литография Н.В. Шаровкина, 1913. 15 с.

35. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1913 год. Уфа: Электро-Типография «Восточная печать», 1914. 15 с.

36. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1914 год. Уфа: Электро-Типография «Восточная печать», 1916. 11 с.

37. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд. Центрального стат. комитета МВД, 1904. 189 с.

38. Плешко С.П. Краткий обзор цифровых данных по Уфимской губернии // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд. Центрального стат. комитета МВД, 1904. С.III–XI.

39. Сабан туге // Тормыш. 1915. 13 май.

40. «Сабантуй» // Искры. 1914. №23. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000031709/view/?#page=5> (дата обращения: 05.12.2024).

41. Салихова А.Р. Уфимский государственный татарский театр «Нур»: традиции и современность // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 15–16 апреля 2021 года / редкол.: А.Н. Тарасов, Д.А. Беляев, Ю.В. Караваева [и др.]. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С.147–151.

42. *Самад*. 29, 30 нчы майларда Уфа жәмгыяте хэйриясе файдасына булган Сабан туе // Тормыш. 1916. 1 июнь.
43. *Самад*. Театрда сөйләнгән нотык // Тормыш. 1916. 1 октябрь.
44. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа: Уфим. губ. стат. ком., 1868. [5], 15, 57, 119 с.
45. «Сиражи». Уфада Сабан туе // Йолдыз. 1913. 6 июнь.
46. *Солтанов Искәндәрбәк*. Мөслимәләр жәмгыяте // Вакыт. 1907. 28 декабрь.
47. Соң хәбәрләр // Казан мөхбире. 1906. 3 март.
48. Стәрлетамак хәбәрләре. Үз мөхбирләребездән // Вакыт. 1915. 17 апрель.
49. *Сулейманова Р.Н.* В единении – сила! Женские общества в Башкортостане на рубеже XIX–XX вв. Краткий исторический очерк. Уфа: Изд-во «Белая река», 2008. 135 с.
50. Татар театры (1906–1926). Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. 308 б.
51. *Усал*. Татарча театр // Таң йолдызы. 1906. 4 октябрь.
52. Уфа вилайәтендәге мөселман мәктәпләре (Земство статистикасы) // Тормыш. 1915. 15 октябрь.
53. Уфа вилайәтендәге мөселман мәктәпләре (Земство статистикасы) // Тормыш. 1915. 16 октябрь.
54. Уфа губернасында булган мөселман мәктәпләре // Вакыт. 1913. 8 декабрь.
55. Уфа хәбәрләре // Тормыш. 1914. 9 май.
56. Уфа хәбәрләре // Тормыш. 1914. 29 май.
57. Уфада // Тормыш. 1915. 6 март.
58. Уфада // Тормыш. 1915. 5 май.
59. Уфада // Тормыш. 1915. 4 ноябрь.
60. Уфада мөселман ханымнар жәмгыяте (Уфа ханымнарына багышлана) // Тормыш. 1915. 25 февраль.
61. Уфада хатынларның мәсҗедгә йөрүләре илә хижаб мәсьәләләре // Вакыт. 1915. 14 май.
62. *Фаизов С.Ф.* Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: Махинур, 2005. 106 с.
63. *Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М., Хабутдинова М.М.* Общественно-политическое движение женщин-мусульманок Волго-Уральского региона в 1917 г. // Женщина в российском обществе. 2023. №1. С.135–151. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.10>
64. Хәсәнгата хәзрәт китү мөнәсәбәтилә // Вакыт. 1915. 20 май.
65. *Шилова Р.Р.* Оказание помощи беженцам в Уфимской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т.22. Вып. 2 (166). С.106–111. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-2\(166\)-106-111](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-106-111)
66. *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

67. Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

68. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жыйнагы) / төз.-авт.: Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Поступила 22.01.2025

Принята к публикации 17.02.2025

Muslim woman in the context of modernization processes of the early 20th century (based on materials of the Ufa province)

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the participation of Muslim women in the social and cultural life of the Ufa province in the early 20th century. At the turn of the century, Ufa became a major center of the Russian ummah. The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly was located in the provincial center. Considering this circumstance, as well as the specifics of the region (confessional diversity), the historical experience of the Muslim women's movement in the Ufa province is of great interest. Based on a wide range of sources, the work examines the forms of manifestation of the socio-cultural activity of Muslim women under the influence of modernization, closely related to the process of formation of fundamentally new social institutions and the evolution of traditional institutions. The effectiveness of various initiatives of the Muslim women's society is revealed. The study showed that the socio-political situation prompted the consolidation of Muslim women. They had more opportunities for self-realization, especially in the provincial capital, to reveal their creative potential and form an active life position. As a result, liberal circles of the Muslim clergy recognized the need to reconsider their attitude toward the social status of women.

Keywords: Muslim woman, mosque, mekteb, charitable society, press, theater, Sabantuy, zemstvo library, Ufa province

For citation: Akhtyamova A.V. Muslim woman in the context of modernization processes of the early 20th century (based on materials of the Ufa province). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp. 68–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.68-88> (In Russian)

REFERENCES

1. Azamatova G.B., Azamatov D.D. From the history of Muslim charity in the Ufa province. *Problems of Oriental Studies*. 2009, no.3 (45), pp.43–52. (In Russian)
2. Aminova L.Ya. *Genesis of female education in Bashkiria: second half of the 19th – beginning of the 20th century: Dissertation abstract of a Candidate of Pedagogical Sciences*. Ufa, 2005. 22 p. (In Russian)
3. Akhmadullin V.K. Charitable societies of Muslim intellectuals in the Ufa province at the turn of the 19th–20th centuries. *Bulletin of the Samara State University*. 2011, no.88, pp.54–57. (In Russian)
4. Al-Kamali Z. Women's rights from the point of view of Sharia. *Al-Ghalami al-Islami*, 1906, June 29. (In Tatar)
5. Al-Kamali Z. Women's rights from the point of view of Sharia. *Al-Ghalami al-Islami*, 1906, July 3. (In Tatar)
6. *Bulletin of the Department of Public Education of the Ufa Provincial Zemstvo Council*, 1915, no.2. (In Russian)
7. *Bulletin of the Department of Public Education of the Ufa Provincial Zemstvo Council*, 1916, no.4. (In Russian)
8. Gabdratikova L.R., Abdullin Kh.M. *Tatars during the First World War (1914–1918): monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 396 p. (In Russian)
9. Gabdulla bin Gabdrakhman. Ufa. *Kazan muhbire*, 1906, April 30. (In Tatar)
10. Gizzatullina S., Almyashev I., Kazanskiy G., Samitova F., Bogdanova Z., Surmashev Z. From the “Nur” troupe (letter to the editor). *Vakyt*, 1915, September 11. (In Tatar)
11. Domestic politics news. *Vakyt*, 1907, September May 3. (In Tatar)
12. *Diary of Tatar mullah Mukhammetgarif Rameev*. Compiled by R.F. Masagutov, trans. by A.M. Gaynutdinov. Kazan: Grumant Publ., 2022. 180 p. (In Russian and Tatar)
13. *Women's movement in Bashkortostan. 1900–1941: collection of documents and materials*. Ed. by R.N. Suleymanova, Sh.N. Isyngulov, G.Yu. Sultanguzhina. Ufa: Gilem Publ., 2007. 274 p. (In Russian)
14. Zinnatullina A.A. The first muslim women society and its role in the development of enlightenment. *News of the A.I. Gertsen Russian State Pedagogical University*. 2010, no.126, pp.35–39. (In Russian)
15. Editorial board. Gratitude. *Al-Ghalami al-Islami*, 1906, October 5. (In Tatar)
16. *History of Bashkortostan in the second half of the 19th – early 20th century*. In 2 volumes. Vol.2. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
17. *History of Bashkortostan from ancient times to the present day*. In 2 volumes. Vol.2. History of Bashkortostan. 20th century. Ed. by I.G. Akmanov, S.F. Kasimov. Ufa: Kitap Publ., 2006. 600 p. (In Russian)

18. Iskhaki G. Theatre among the Northern Turks. *Works: in 15 volumes*. Vol.9: Journalism (1917–1926). Compiled by E. Galimzyanova, G. Khusnutdinova, Z. Ramiyev. Kazan: Tatar book Publ., 2012. Pp.307–314. (In Tatar)

19. Kamilya-khanum. Dear Mr. Editor! *Al-Ghalami al-Islami*, 1906, May 27. (In Tatar)

20. Koshman L.V. *City and urban life in Russia in the 19th century: social and cultural aspects*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 448 p. (In Russian)

21. Koshcheev A. Report on out-of-school education of the district head for the 1915–1916 academic year in Birsk district. *Bulletin of the Department of Public Education of the Ufa Provincial Zemstvo Council*, 1916, no.5/6. Pp.95–99 (In Russian)

22. M.V. Fatima Navruzova. *Siberian life*, 1914, February 23. (In Russian)

23. Maksudov B. Explanation of the reasons for the editorial board's failure to fulfill its obligations is not a complaint. *Al-Ghalami al-Islami*, 1906, October 5. (In Tatar)

24. Makhmutova A.Kh. To the 130th anniversary of the birth of journalist Fatima-Farida Vagapova-Nauruzova. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*, 2019, no.9, vol.2, pp.158–172. (In Russian)

25. *Mektebs of Ufa province. Statistical outline of Tatar and Bashkir primary schools (mektebs) of Ufa province based on the research data of Ufa provincial zemstvo council of 1912–13*. Compiled by M.I. Obukhov. Ufa: Print Publ., 1915. 94 p. (In Russian)

26. Extracurricular education. *Tormysh*, 1916, March 22. (In Tatar)

27. Parishioner. Muslim women in the mosque. *Tormysh*, 1916, May 4. (In Tatar)

28. Minnullin Z.S. Excerpts on the history of charitable societies. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*, 2018, no.2, pp.196–207. (In Tatar)

29. Muslim refugees. *Tormysh*, 1915, October 23. (In Tatar)

30. Muslim women's society. *Vakyt*, 1908, January 8. (In Tatar)

31. Nur troupe will remain in Ufa. *Tormysh*, 1916, August 14. (In Tatar)

32. Navruzov M.-V. Ufa – October 18. *Tormysh*, 1913, October 18. (In Tatar)

33. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1911*. Ufa: Print Publ., 1912. 10 p. (In Russian)

34. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1912*. Ufa: N.V. Sharovkin steam typo-lithography Publ., 1912. 15 p. (In Russian)

35. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1913*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1914. 15 p. (In Russian)

36. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1914*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1916. 11 p. (In Russian)

37. *First general population census of the Russian Empire of 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol.45. Ufa Province: notebook 2. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 189 p. (In Russian)

38. Pleshko S.P. Brief overview of digital data on the Ufa province. *First general population census of the Russian Empire of 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol.45. Ufa Province: notebook 2 (last). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. Pp.3–11. (In Russian)

39. Sabantuy. *Tormysh*, 1915, May 13. (In Tatar)

40. Sabantuy. *Sparks*, 1914, no.23. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000031709/view/?#page=5> (accessed: 05.12.2024). (In Russian)

41. Salikhova A.R. Ufa State Tatar theatre "Nur": traditions and modernity. *Traditions and innovations in the space of modern culture: materials of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference, Lipetsk, April 15–16, 2021*. Lipetsk: P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy Lipetsk State Pedagogical University, 2021. Pp.147–151. (In Russian)
42. Samad. May 29, 30 Sabantuy in favor of the Ufa Charity Society. *Tormysh*, 1916, June 1. (In Tatar)
43. Samad. Speech delivered in the theater. *Tormysh*, 1916, October 1. (In Tatar)
44. *Collection of statistical, historical and archaeological information on the former Orenburg and current Ufa provinces, collected and developed during 1866 and 1867*. Ed. by N.A. Gurvich. Ufa: Ufa Provincial Statistical Committee Publ., 1868. 119 p. (In Russian)
45. Sirazi. Sabantuy in Ufa. *Yulduz*, 1913, June 6. (In Tatar)
46. Sultanov Iskanderbek. Muslim Women's Society. *Vakyt*, 1907, December 28. (In Tatar)
47. Late news. *Kazan muhbire*, 1906, March 3. (In Tatar)
48. Sterlitamak news. From our correspondents. *Vakyt*, 1915, April 17. (In Tatar)
49. Suleymanova R.N. *Strength in unity! Women's societies in Bashkortostan at the turn of the 19th and 20th centuries. A brief historical essay*. Ufa: Belaya Reka Publ., 2008. 135 p. (In Russian)
50. *Tatar theater (1906–1926)*. Kazan: Magarif Publ., 2003. 308 p. (In Tatar)
51. Angry. Tatar theater. *Tan yulduzy*, 1906, October 4. (In Tatar)
52. Muslim schools of Ufa province (zemstvo statistics). *Tormysh*, 1915, October 15. (In Tatar)
53. Muslim schools of Ufa province (zemstvo statistics). *Tormysh*, 1915, October 16. (In Tatar)
54. Muslim schools that existed in the Ufa province. *Vakyt*, 1913, December 8. (In Tatar)
55. Ufa news. *Tormysh*, 1914, May 9. (In Tatar)
56. Ufa news. *Tormysh*, 1914, May 29. (In Tatar)
57. In Ufa. *Tormysh*, 1915, March 6. (In Tatar)
58. In Ufa. *Tormysh*, 1915, May 5. (In Tatar)
59. In Ufa. *Tormysh*, 1915, November 4. (In Tatar)
60. Ufa Muslim Ladies' Society (dedicated to Ufa ladies). *Tormysh*, 1915, February 25. (In Tatar)
61. Questions about women visiting the mosque and about hijab. *Vakyt*, 1915, May 14. (In Tatar)
62. Faizov S.F. *Russian Muslim women's movement for women's rights in 1917: pages of history*. Nizhniy Novgorod: Mahinur Publ., 2005. 106 p. (In Russian)
63. Khabutdinov A.Yu., Imasheva M.M., Khabutdinova M.M. The socio-political movement of Muslim women in the Volga-Ural region in 1917. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no.1, pp.135–151. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.1.10> (In Russian)
64. On the occasion of the passing of Khasangata khazrat. *Vakyt*, 1915, May 20. (In Tatar)
65. Shilova R.R. Assistance to refugees in Ufa province during the World War I. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University*

Review. Series: Humanities, 2017, vol. 22, no.2 (166), pp.106–111. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-2\(166\)-106-111](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-106-111) (In Russian).

66. Yunusova A.B. *Islam in Bashkortostan*. Ufa: Ufimskiy Poligrafkombinat Publ., 1999. 352 p.

67. Yamaeva L.A. *Muslim liberalism of the early 20th century century as a socio-political movement (based on materials of Ufa and Orenburg provinces)*. Ufa: Gilem Publ., 2002. 300 p. (In Russian)

68. *Issues of women's education in the Tatar periodical press of the early 20th century: collection of documents*. Compiled by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Received January 22, 2025

Accepted for publication February 17, 2025

УДК 93/94

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.89-99>

**Женщина: работница, защитница, мать
(по мемуарам участников блокады
Ленинграда 1941–1944 гг.)**

И.В. Синова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье проанализированы мемуары людей, переживших блокаду Ленинграда 1941–1944 гг. Исследование проведено через призму пирамиды Маслоу, а выявление и структурирование вопросов, которые затрагиваются в воспоминаниях, позволяют рассмотреть трансформацию человеческих потребностей в экстремальных условиях военного времени. Мемуары способствуют выявлению условий, в которых выживали семьи, и ответственности, лежавшей на женщинах, не только работавших, но и дежуривших в отрядах противовоздушной обороны, решавших вопросы обеспечения питанием, организации быта и повседневной жизни в целом, санитарных условий членов семьи, создания обстановки взаимной поддержки и заботы. В ходе анализа воспоминаний выявлены общие и особенные сюжеты и оценки, касающиеся внутрисемейных отношений, организации быта, обеспечения едой, санитарных условий жизни. Анализ сюжетов и фактов позволяет сделать вывод о том, что потребность в отношениях и принадлежности к семье являлись базовой основой, без которой невозможно было достижение и решение всех остальных – еды, воды, жилья, тепла, безопасности, состоящей из стабильности, здоровья, отсутствия страха.

Ключевые слова: мемуары, блокада Ленинграда, женщины, повседневная жизнь, дети, питание

Для цитирования: Синова И.В. Женщина: работница, защитница, мать (по мемуарам участников блокады Ленинграда 1941–1944 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.89–99. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.89-99>

Блокада Ленинграда 1941–1944 гг. занимает значимое место в исследованиях специалистов, среди них работы, посвященные экономическим вопросам, управлению городским хозяйством, снабжению города, повседневной жизни, социальным вопросам [3; 8; 9; 20]. Гораздо меньше публикаций отражают разнообразные аспекты «женского лица» войны [6; 5]. Нарративы блокадников и верификация в результате сопоставления фактов, событий, сюжетов, связанных с повседневностью, социальной ролью

женщин в борьбе за выживание, способствуют выявлению и классификации жизненно важных вопросов.

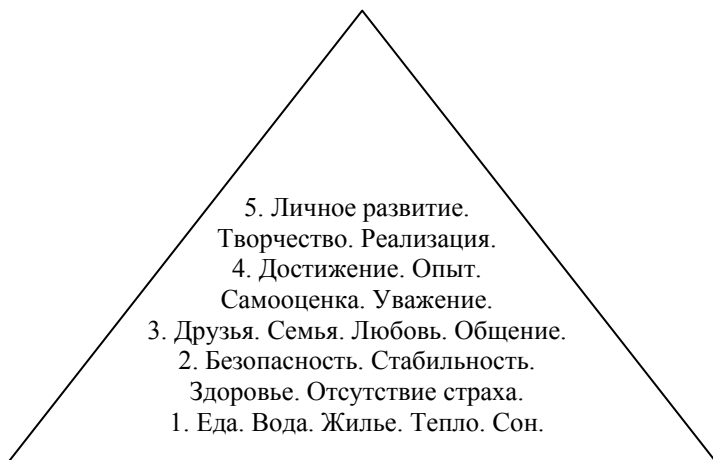
Опубликованные мемуары записаны как самими участниками событий, так и журналистами с их слов. В частности, К.Добровотворская, родившаяся через двадцать лет после окончания войны, объединила в книге воспоминания своей бабушки и мамы, переживших блокаду, а также женщин, чье детство пришлось на 1940-е гг. [4]. Большинство авторов дневников школьного возраста, поскольку взрослые были заняты борьбой за выживание, а не записью событий [1, 7, 14]. С учетом гендерной принадлежности, сюжеты нарративов мальчиков отличались рациональностью и связаны с обстрелами и военными действиями [7, 11, 18], а девочкам были свойственны эмоциональность и рассказы о семье и быте [12, 15, 2].

Мемуары позволяют воссоздать условия и обстановку, в которых люди трудились и жили, преодолевая голод и бомбежки. Они дают представление о существовании людей на грани жизни и смерти; роли семьи и той ответственности, которая лежала на женщинах, не только работавших, но и дежуривших в отрядах противовоздушной обороны (ПВО), решавших вопросы обеспечения питанием, организации быта и повседневной жизни в целом, создания обстановки взаимной поддержки и заботы.

В воспоминаниях отражены горькие потрясения, личные страхи, чувства, эмоции, порой обрывки событий и практически во всех – слова благодарности матери и бабушке, иногда тете или старшей сестре. Но в любом случае именно женщина была тем стержнем, который не только объединял всю семью, но и боролся за жизнь каждого ее члена, беря на себя всю тяжесть и физическую, и морально-психологическую.

Анализ мемуаров, с точки зрения частоты упоминаний, показывает преобладание таких тем, как еда и питание, физическое состояние, смерть. Реже упоминаются книги, которых практически не осталось, их использовали в первую блокадную зиму 1941–1942 гг. на растопку печей. Но при этом, о чем бы ни писали авторы, все повествование осуществляется через призму семьи: прежде всего матери и бабушки и гораздо реже других родственников.

Исследование проведено через призму пирамиды Маслоу, а выявление и структурирование вопросов, которые затрагиваются в воспоминаниях о блокаде, позволят рассмотреть трансформацию человеческих потребностей в экстремальных условиях военного времени. Согласно классической пирамиде, основными потребностями людей являются физиологические.

Но анализ сюжетов блокадных мемуаров на основе теории Маслоу позволяет сделать вывод о том, что потребность в отношениях и принадлежности к семье являлись базовой основой, без которой невозможно было достижение и решение всех остальных, т.е. еды, воды, жилья, тепла, безопасности, состоящей из стабильности, здоровья, отсутствия страха. Несмотря на то, что книги и радио относятся к высшей точке пирамиды, т.е. к личному развитию и творчеству, в годы блокады дети, а именно они упоминают о книгах, читали их, а чаще одну, скорее для того, чтобы отвлечься от окружавшего людей страха, для создания относительной стабильности и поддержки психического здоровья. И даже в этом случае именно семья расставляла приоритеты, т.е. каким образом следует использовать книги, для духовного развития или для физиологической потребности в тепле, а значит, для здоровья и выживания.

Несмотря на общие трудности, которые переживали все жители Ленинграда, у каждой семьи своя блокадная история. В значительной степени жизнь близких зависела от стойкости, силы воли и мудрости женщин, матерей и бабушек, которых условия военного времени заставили принять на себя ответственность и функции главы семьи. Именно бабушки во многих семьях брали на себя основную заботу о семье и детях не только из-за того, что мужчины были на фронте, но и из-за постоянного отсутствия матерей дома, которые, помимо работы, участвовали в расчистке снега и завалов после бомбардировок, дежурили ночами в отрядах местной противовоздушной обороны (МПВО). В ряде воспоминаний говорится о господствовавшем матриархате в этот период.

Во всех мемуарах прежде всего писали о физиологических потребностях, т.е. о еде, это касалось как самих продуктов питания, так и способов приготовления пищи. Народная артистка СССР Алиса Фрейндлих, выжившая в блокадном Ленинграде благодаря жесткости бабушки и ее

умению организовать семейный быт, с большой теплотой вспоминает о ней [12].

Среди переживших блокаду – люди разных национальностей, но даже несмотря на голод, они старались следовать религиозным нормам. «Татар-информ» опубликовал со слов Алии Ялышевой историю семьи ее отца, пережившего блокаду Ленинграда. «Бабушка во время блокады, чтобы трое ее детей не умерли с голоду, обменяла на еду все, что было дома. В такое время уже не выбираешь – что дадут, то и берешь. Но если давали сало, она не ставила его на стол. Как только появлялась возможность, старалась обменять на что-то другое – сахар или чай... С одной стороны, сало очень питательный продукт, и насколько я знаю, по исламу, когда стоит вопрос жизни и смерти, недозволенное все-таки можно употребить в пищу. Но бабушка находила в себе силы отказаться, оставалась преданной своей религии, культуре – и я с большим уважением отношусь к этому» [13].

Ленинградские женщины в это тяжелейшее время особенно заботились о своих детях. Они жертвовали всем, чтобы сохранить им жизнь, и более того – дать хоть каплю радости детства. Валентин Владимирович Звонарев вспоминает, как его мать, чтобы их, детей, хоть как-то порадовать, стала выпекать блины, но в это время начался артобстрел. Вместо того чтобы укрыться в бомбоубежище, она отвела их в коридор, а сама в перерыве между обстрелами бегала на кухню и возвращалась с очередным блином [7]. И такие примеры, когда матери своей самоотверженностью превращали самые страшные мгновения в яркий момент торжества жизни, – в каждом рассказе блокадников.

В одной квартире или даже комнате могли проживать родственники, переехавшие из других районов города, области или даже из других регионов. Причины объединения и совместного проживания были связаны с переселением дальше от линии фронта, из домов, разрушенных в результате бомбежек. Вместе было легче выживать с точки зрения обеспечения продуктами и теплом, заботиться друг о друге, старшее поколение – бабушки занимались детьми, которых было небезопасно оставлять дома одних.

Зима 1941–1942 гг. была очень холодной, и вопрос тепла в квартирах стоял очень остро. Жители ходили одетыми и спали по несколько человек в кровати, согревая друг друга. Семья Спириных жила на Васильевском острове, и из экономии тепла все поселились на кухне: в помещении примерно в 14 кв. м размещалась печка, стояли кровати и стол. С утра дедушка и старшая дочь уходили на работу, бабушка с двумя младшими оставалась дома [16].

Нина Александровна Алдошина вспоминает, что «мама купила где-то буржуйку, маленькую-маленькую. И все – мама, я, бабушка, дедушка,

тетя и ее двое детей – жили в этой комнате метров на 19. Там мы пережили первую зиму 1942-го. С нами, детьми, была только тетя. Всем по дому – печку затопить, воду принести – заведовала она» [17]. Она также пишет, что мама иногда уходила на работу на целую неделю, поскольку транспорт не ходил, а пешком преодолевать длинные расстояния не было сил [17].

Нина Семеновна Махотина вспоминает с благодарностью свою мать, которая спасла детей, забирая их зимой на работу, где было гораздо теплее, чем дома, а также из-за опасений за их жизнь [10]. Переживший ребенком блокаду И.М. Воронцов, вспоминает, что мама работала почти круглые сутки, а по ночам тушила зажигательные бомбы на крыше [3].

Бабушка автора статьи ходила в блокаду каждый день на работу на трикотажную фабрику, производившую одежду для фронтовиков от Финляндского вокзала до Банковского переулка. Для здорового, полного сил человека это расстояние можно преодолеть минимум за полтора часа, а обессиленному для этого требовалось гораздо больше времени.

Несмотря на необходимость проявлять стойкость и выдержку для поддержки близких, нередко от морального бессилия и физической слабости, женщины эмоционально реагировали на проблемы, прибегая к крикам и истерикам. Хотя были случаи, когда именно жесткость матерей, может быть, даже излишняя, в экстремальных условиях останавливала детей от психологического и физического отчаяния и смирения. Очевидец событий Юра Рябинкин в своем дневнике рассказывает, как его обессиленная и отчаявшаяся мать именно криками и давлением на самолюбие пыталась заставить сына двигаться, действовать, а не «притворяться» больным и бесильным» [3].

Зимой 1941–1942 гг. администрация города перевела детские сады и ясли в режим круглосуточной работы, а количество воспитанников в них доходило до 70%, другие находились на попечении бабушек и родственников, т.к. матери работали для обеспечения своих близких и получения рабочей карточки.

Как никогда в годы блокады для членов семьи было необходимо душевное тепло, несмотря на атрофированные чувства и эмоции. Лена Мухина в своем дневнике писала о том, как они с матерью мечтали о будущей жизни после войны и о том, что будут готовить на обед [14]. И эти мечты объединяли членов семьи и придавали им силы.

Следующая потребность, согласно пирамиде Маслоу, – экзистенциальная, которая включает безопасность, стабильность, здоровье, отсутствие страха, уверенность в завтрашнем дне. И для жителей блокадного Ленинграда крайне важной являлась поддержка физического и психического здоровья. Несмотря на истощение и слабость, было необходимо не переставать двигаться, чтобы ощущать свою полезность, выполняя какие-либо

обязанности по дому. Именно понимание и следование этому способствовало спасению себя и своих родных. Женщины, несмотря на собственное бессилие, заставляли детей и других членов семьи проявлять хоть какую-то активность, спасая их не только дополнительным кусочком хлеба.

Во многих дневниках содержатся факты, свидетельствующие о моральной силе и духе женщин, которые находили физические занятия и возлагали обязанности детям по хозяйству или получению хлеба по карточкам в булочной [11, с.142]. Блокадница Евгения Синотова вспоминает, что они с мамой, несмотря на ослабленность, ходили пешком до Никольских рядов и только после этого позволяли себе обедать [18, с.103]. И только самодисциплина, жесткий режим, моральная сила и стойкость матерей шли во благо не просто здоровью близких, но и помогали выжить.

Н.С. Осина рассказывает о том, что дом, где они жили, находился недалеко от завода «Арсенал», который часто подвергался бомбежкам. Поэтому женщины для спасения вырыли во дворе землянку, в которую поставили кровати, сколотили нары и установили чугунную буржуйку. Днем «ребятишки – человек семь – оставались со старенькой бабушкой, а матери уходили: кто на работу, кто на добычу еды, воды, дров, керосина. Мы уж потом поняли, что бабушка нас охраняла не только от бомбежек, но и от лихих людей: чуть что – бегом в землянку» [19].

Следующая ступень пирамиды Маслоу, связанная с потребностью в уважении и признании, не нашла своего отражения в мемуарах, что является вполне закономерным, прежде всего потому, что она носит индивидуальный характер, не связана с тяжелыми условиями блокады, особенно когда речь идет о выживании.

Высшая точка пирамиды Маслоу – личное развитие, творчество, реализация. Несмотря на то, что эта потребность также носит индивидуальный характер, но в условиях блокады она была тесно связана с семьей и фактически являлась формой выживания, а не личного развития. Семья как основа пирамиды рассматривала творчество и реализацию совсем в другом контексте, прежде всего, как потребность для устойчивого психического здоровья и как возможность отвлечься от мыслей о еде и бомбардировок.

Важную роль в повседневной жизни блокадного Ленинграда играло радио не только как источник информации, но и как средство для отвлечения от жизненных тягот и проблем. «Больше всего запомнились сказки, конечно. А вот над чем я рыдала, так это над повестью “Дети подземелья” В.Г. Короленко. Я готова была слушать радио каждый день, как только оно заговорит» [18, с.34]. Другая девочка вспоминает, что читала в период блокады «Гекльберри Финна», но больше слушала радио. «По радио в страшную зиму 42-го передавали “Кондуит и Швамбранию”. Когда читали про Оську, который священника спутал с тетенькой, я улыбалась. И мама

сказала: “Господи, какое счастье, я хоть раз вижу, как ты улыбаешься!” Еще я слушала стихи Берггольц...» [4, с.74].

Алиса Фрейндлих вспоминала: «У нас самих в буржуйке сгорело полное собрание сочинений Толстого, прижизненное издание. Но тут так: или смерть, или книжки в огонь... И вот наша соседка по коммуналке – дворничиха тетя Шура, имевшая доступ ко всем квартирам, которые бросали, где умирали и так далее, принесла откуда-то книжку Лидии Чарской “Лизочкино счастье”. Это была моя единственная книжка за всю войну. Я читала ее по кругу: заканчивала последнюю страницу и тут же начинала первую» [12].

В других семьях книги также использовали либо для отопления, либо, как описывает блокадница И.Старикова, для приготовления котлет из обложек книг. «Отделяли обложку от книги, резали на мелкие кусочки и клали, на несколько часов в кастрюлю с водой. Когда бумага разбухала, из нее отжимали лишнюю воду и в эту массу всыпали немножко “муки” из жмыха... и фарш готов. Лепили котлеты и обваливали в той же “мукe”. Затем клали на горячую поверхность буржуйки и воображали, что поджариваем котлеты. Ох как трудно было проглотить кусочек такой котлеты! Держу, держу во рту, а проглотить никак не могу, но глотать надо – это была единственная еда на день, не считая паечки хлеба» [18, с.135].

Анализ человеческих потребностей, проведенный на основе мемуаров людей, переживших блокаду, подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что в экстремальных условиях военного времени основой для их удовлетворения являются семья, любовь и общение. И именно они являются необходимым условием для реализации всех остальных.

Воспоминания и восприятие повседневной жизни блокадного Ленинграда позволяют взглянуть на пережитое под иным ракурсом и рассмотреть со стороны, с позиции очевидцев действия и поступки своих родных. И, прежде всего, женщин, на которых легло основное бремя защиты как города, так и своей семьи. Война возложила на женщин ответственность и определила для них новые социальные роли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блокадные дневники / подг. Н.Соколовская, Е.Бунтман. URL: <https://arzasmas.academy/materials/1464> (дата обращения: 11.12.2024).
2. Гломозда С. «Холод, обстрелы, постоянно хотелось есть». Как я пережила блокаду, эвакуацию и вернулась в Ленинград. URL: <https://www.pravmir.ru/holod-obstrely-postoyanno-hotelos-est-kak-ya-perezhyila-blokadu-evakuacziyu-i-vernulas-v-leningrad/> (дата обращения: 11.12.2024).
3. Дзенискевич А.Р. Непокоренный Ленинград. Л.: Наука, 1970. 416 с.
4. Доброворская К.А. Блокадные девочки. М.: Новое изд-во, 2013. 125 с.

5. Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.: сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 314 с.

6. Женщины города Ленина: Рассказы и очерки о женщинах Ленинграда в дни блокады / ред. колл.: А.Ф. Волкова, Т.В. Закржевская, В.М. Инбер и др. Л.: Лениздат, 1944. 184 с.

7. *Звонарев В.В.* Записки блокадника. Санкт-Петербург, 2013. 31 с.

8. *Зотова А.В.* Экономика блокады. СПб.: Остров, 2016. 320 с.

9. *Ковальчук В.М.* 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 234 с.

10. *Леякина Т.* «Умирали в очереди за хлебом». URL: http://omsregion.info/news/39064-umirali_v_ocheredi_zh_xlebom/?print&ysclid=m4zi40aa3655132533 (дата обращения: 11.12.2024).

11. *Маграчев Л.Е.* Репортаж из блокады. Л.: Лениздат, 1989. 270 с.

12. Меня записали русской, и это спасло мне жизнь // Официальный сайт Алисы Фрейдлих. URL: http://alisa-freindlih.ru/page/7dney_October2012.html (дата обращения: 11.12.2024).

13. «Мы готовились умереть»: история татарской семьи, пережившей блокаду Ленинграда. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/my-gotovilis-umeret-istoriya-tatarskoi-semi-perezivsei-blokadu-leningrada-5933463?ysclid=m4zhifwy7g796975514> (дата обращения: 11.12.2024).

14. *Мухина Е.В.* «Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: КоЛибри, 2023. 384 с.

15. Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах. М.: Кучково поле, 2023. 672 с.

16. *Тугарина О.И.* Блокада в истории моей семьи. URL: <https://etu.ru/ru/vospitatelnaya-i-socialnaya/patrioticheskoe-vozpitanie/lichnaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-bessmertnyy-polk/tugarina-o-i?ysclid=m4zhw7uny2876688830> (дата обращения: 11.12.2024).

17. *Тюменева Т.* «В блокаду не было дефицита совести». URL: <http://vppress.ru/stories/V-blokadu-ne-bylo-defitsita-sovesti-17307?ysclid=m4zii41yo396704870> (дата обращения: 11.12.2024).

18. Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда. М.: АСТ, 2014. 217 с.

19. *Яковлева Н.* «Мама кормила нас землей с места сгоревшего склада». Они пережили блокаду Ленинграда детьми. URL: <https://www.pravmir.ru/ya-nichego-ne-boyus-krome-goloda-oni-perezihili-blokadu-leningrada-detmi/?ysclid=m4zryu37mh942170405> (дата обращения: 11.12.2024).

20. *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2014. 320 с.

Информация об авторе:

Синова Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-9109-2980; e-mail: s-irina@yandex.ru

Поступила 20.12.2024

Принята к публикации 12.01.2025

Woman: worker, defender, mother
(based on the memoirs of participants
in the Leningrad siege of 1941–1944)

I.V. Sinova

*St. Petersburg State University of Economics
St. Petersburg, Russian Federation*

The article analyzes the memoirs of people who survived the siege of Leningrad in 1941–1944. The study is conducted through the prism of Maslow's pyramid, and the identification and structuring of issues raised in the memoirs allow us to consider the transformation of human needs in extreme conditions of wartime. Memoirs help to identify the conditions in which families survived and the responsibility that lay on women, not only working, but also on duty in air defense units, dealing with issues of nutrition, organization of everyday life and daily life in general, sanitary conditions of family members, in creating an environment of mutual support and care. In the course of the analysis of memories, general and specific plots and assessments were revealed concerning intra-family relations, organization of everyday life, provision of food, sanitary living conditions. An analysis of the plots and facts allows us to conclude that the need for relationships and belonging to a family were the basic foundation, without which it was impossible to achieve and solve all the others – food, water, shelter, warmth, security, consisting of stability, health, lack of fear.

Keywords: memoirs, siege of Leningrad, women, everyday life, children, nutrition

For citation: Sinova I.V. Woman: worker, defender, mother (based on the memoirs of participants in the Leningrad siege of 1941–1944). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.89–99. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.89-99> (In Russian)

REFERENCES

1. *Blockade diaries*. Ed. by N. Sokolovskaya, E. Buntman. URL: <https://arzas.academy/materials/1464> (accessed: 11.12.2024). (In Russian)
2. Glomozda S. “Cold, shelling, I was constantly hungry.” *How I survived the blockade, evacuation and returned to Leningrad*. URL: <https://www.pravmir.ru/holod-obstrely-postoyanno-hotelos-est-kak-ya-perezhila-blokadu-evakuacziyu-i-vernulas-v-leningrad/> (accessed: 12.11.2024). (In Russian)

3. Dzeniskevich A.R. *Unconquered Leningrad*. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 416 p. (In Russian)
4. Dobrotvorskaya K.A. *Blockade girls*. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publ., 2013. 125 p. (In Russian)
5. *Woman and war. About the role of women in the defense of Leningrad. 1941–1944: collection of articles*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2006. 314 p. (In Russian)
6. *Women of the city of Lenin: stories and essays about the women of Leningrad during the days of the siege*. Ed. by A.F. Volkova, T.V. Zakrzhevskaya, V.M. Inber, et al. Leningrad: Lenizdat Publ., 1944. 184 p. (In Russian)
7. Zvonarev V.V. *Notes of a blockade survivor*. St. Petersburg, 2013. 31 p. (In Russian)
8. Zotova A.V. *Economics of the blockade*. St. Petersburg: Ostrov Publ., 2016. 320 p. (In Russian)
9. Kovalchuk V.M. *900 days of the blockade: Leningrad 1941–1944*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 234 p. (In Russian)
10. Lelyakina T. “They died in line for bread”. URL: http://omskregion.info/news/39064-umirali_v_ocheredi_zh_xlebov/?print&ysclid=m4zi40aa3655132533 (accessed: 11.12.2024). (In Russian)
11. Magrachev L.E. *Report from the blockade*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1989. 270 p. (In Russian)
12. They registered me as Russian, and it saved my life. *Official website of Alisa Freundlich*. URL: http://alisa-freindlih.ru/page/7dney_October2012.html (accessed: 11.12.2024). (In Russian)
13. “We were preparing to die”: the story of a Tatar family that survived the siege of Leningrad. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/my-gotovilis-umeret-istoriya-tatarskoi-semi-perezivsei-blokadu-leningrada-5933463?ysclid=m4zhifwy7g796975514> (accessed: 11.12.2024). (In Russian)
14. Mukhina E.V. “Save my sad story...”. *Blockade diary of Lena Mukhina*. St. Petersburg: KoLibri Publ., 2023. 384 p. (In Russian)
15. *Everyday life in besieged Leningrad in eyewitness diaries and documents*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2023. 672 p. (In Russian)
16. Tugarina O.I. *Blockade in the history of my family*. URL: <https://etu.ru/ru/vospitatelnaya-i-socialnaya/patrioticheskoe-vozpitanie/lichnaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-bessmertnyy-polk/tugarina-o-i?ysclid=m4zhw7uny2876688830> (accessed: 11.12.2024). (In Russian)
17. Tyumeneva T. “There was no shortage of conscience during the blockade”. URL: <http://vppress.ru/stories/V-blokadu-ne-bylo-defitsita-sovesti-17307?ysclid=m4zii41yo396704870> (accessed: 11.12.2024). (In Russian)
18. *School of life. Memories of children of blockaded Leningrad*. Moscow: AST Publ., 2014. 217 p. (In Russian)
19. Yakovleva N. “Mom fed us ground from the site of the burnt-down warehouse”. *They survived the siege of Leningrad as children*. URL: <https://www.pravmir.ru/ya-nichego-ne-boyus-krome-goloda-oni-perezili-blokadu-leningrada-detmi/?ysclid=m4zryu37mh942170405> (accessed: 11.12.2024). (In Russian)

20. Yarov S.V. *Everyday life of besieged Leningrad*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2014. 320 p. (In Russian)

About the author:

Sinova Irina Vladimirovna – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of International Relations and Political Science, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9109-2980; e-mail: s-irina@yandex.ru

Received December 20, 2024

Accepted for publication January 12, 2025

УДК 94(470.41)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.100-108>

«Я, наверное, самый счастливый человек в мире»:

Саима Сафиевна Каримова

А.Г. Галлямова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается жизнедеятельность Героя Социалистического Труда, заслуженного геолога РСФСР Саимы Сафиевны Каримовой (1926–2013) в актуализированном с точки зрения женской истории концепте. В 1960–1980-е гг. С.С. Каримова имела всесоюзную славу как руководитель комплекса геологоразведочных работ в Южно-Якутском каменноугольном бассейне. О ее успехах по завершению разведки Нерюнгринского угольного месторождения сегодня достаточно хорошо известно благодаря широкодоступной информации из открытых источников. В данной статье на основе проведенного в 1994 г. глубинного интервью представлен эксклюзивный материал, раскрывающий С.С. Каримову как цельную личность, ее мироощущение как профессионала, жены, матери, представителя татарского народа. Многочасовая беседа с ней подвела к выводу, что достигнутый в обществе статус, блестящая карьера не дают женщине всей полноты ощущения счастья. Достигнув вершины в профессиональном росте и удостоившись заслуженно ценных регалий, Саима Сафиевна, по ее собственному признанию, была не готова повторить свою судьбу, если бы представилась такая гипотетическая возможность. Нашу встречу она резюмировала словами: «Женщине от природы начертано иное, высшее: семья, дом, дети».

Ключевые слова: советская женщина, Саима Сафиевна Каримова, Герой Социалистического Труда, татары, гендерная история, женская история

Для цитирования: Галлямова А.Г. «Я, наверное, самый счастливый человек в мире»: Саима Сафиевна Каримова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.100–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.100-108>

Введение. С легендарной в Южной Якутии женщиной Саимой Сафиевной Каримовой мне удалось встретиться и провести развернутое интервью в феврале 1994 г. в г. Нерюнгри¹, куда я была командирована для сбора материала по истории татар. Тогда в условиях стремительных политических перемен актуализировалось расширение исследовательского поля по советской истории татар. Как известно, оно в соответствии с идеологи-

¹ Нерюнгри как центр Южно-Якутского территориально-производственного комплекса (ЮЯТПК) был образован 6 ноября 1975 г.

ческими императивами сверху ограничивалось рамками Татарской АССР. Отдел истории Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова (ныне Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ), в котором я работала, начал ориентироваться на написание всемирной истории татар. Случайно от своих соседей – вездесущих коммерсантов-«челноков» – я узнала, что в далеком южно-якутском городе Нерюнгри есть татарский магазин «Ай-гуль». В нем наряду с товарами повседневного спроса хозяйка организовала специализированный отдел по продаже исламской литературы и предметов религиозного назначения. Это стало причиной того, что в магазин потянулись татары и башкиры не только за покупками, а как в клуб, чтобы пообщаться с земляками на родном языке. Это показалось любопытным не только мне, но и руководству отдела. В результате я, единственная тогда в отделе, специализировалась на истории послевоенной эпохи и была командирована для сбора материала по истории татар в позднесоветский и современный период.

Материал, собранный в командировке, показал, что татары-северяне, прибывшие в этот регион поздней урбанизации, проявили себя ярко, колоритно, играя решающую роль в самых важных событиях освоения этого сурового края [1]. Его содержание способствовало приращению нарратива о татарах в условиях складывания и развития мультиэтничного континуума. Среди них одним из самых достойных представителей являлась Саима Сафиевна Каримова, глубинное интервью с которой дало ценное наполнение первичного банка данных посредством «oral history» по истории татар в Восточной Сибири, ментальной составляющей женской истории. В основе данной статьи и представлены материалы 5–6-часовой беседы, проведенной 21 февраля 1994 г. в г. Нерюнгри в квартире С.С. Каримовой по улице Дружбы народов. Записанные в ходе нее ответы на около сотни вопросов о личностном росте, социально-профессиональной детерминации, соотношении общественного и личного, взаимоотношениях в обществе, семье и многих других позволили зафиксировать персональную самоактуализацию в различных аспектах: социо-антропологическом, этнокультурном, гендерном. Кроме того, интервью происходило в период неустоявшихся политических реалий после распада СССР с сопровождавшейся идеологической ломкой системно-структурных связей, социально-психологическим банкротством аксиоматичности коммунистических постулатов. Поэтому ценным было услышать ответы 67-летней персоны, являющей собой «высший пилотаж» в социальной реализации в советское время, которое к моменту нашей встречи круто трансформировалось.

«Хозяйка угольной горы». В 1970–1980-х гг. г. Нерюнгри по темпам роста численности населения занимал первое место по Якутской АССР [5, с.23]. Это было обусловлено строительством Байкало-Амурской магистрали, Нерюнгринской ГЭС и крупнейшей в стране углеобогатительной фабрики. К последнему самое прямое отношение имела Саима Сафиевна Каримова, которую по меткому определению журналистов называли «хозяй-

кой угольной горы». Собственно, и экономическая модернизация региона началась с подвижнической миссии геологов, с открытия уникального месторождения коксующихся углей в Южной Якутии. Именно С.С. Каримова составила отчет по запасам Нерюнгринской «черной жемчужины», убедивший Государственную комиссию по запасам СССР в необходимости ее промышленной разработки. Тот факт, что в городском архиве г. Нерюнгри документы, относящиеся к жизнедеятельности С.С. Каримовой, хранятся в фонде под №1, свидетельствует о том, что в истории города она имеет первостепенное значение.

**ТАКИХ ЛЮДЕЙ,
КОТОРЫЕ СВОИМ ПРИМЕРОМ
ОСВЕЩАЮТ ПУТЬ ВПЕРЕД,
У НАС В СТРАНЕ СОТНИ ТЫСЯЧ.
Л. И. Брежнев**

Саима Сафиевна Каримова, главный геолог Южно-Якутской комплексной экспедиции Якутского территориального геологического управления, Герой Социалистического Труда.

*Фрагмент плаката «Знаменосцы пятилетки».
Из личного архива А.Г. Галлямовой*

О блестящей карьере Саимы Сафиевны написано достаточно много, ее имя фигурирует в энциклопедиях, онлайн-ресурсах [2, 3, 4], что избавляет от детального анализа ее профессионального пути. Трудовая биография Каримовой имеет довольно типичную траекторию для целеустремленных по-хорошему амбициозных советских людей, входивших во взрослую жизнь в послевоенное десятилетие. После окончания в 1950 г.

геологического факультета Казанского государственного университета С.С. Каримова по распределению попала в сибирскую тайгу, где проработала 35 лет, пройдя путь от рядового геолога партии до главного геолога экспедиции. Заслуги Саимы Сафиевны отмечены многими наградами. Среди них орден Трудового Красного Знамени, медаль «За трудовую доблесть», звание заслуженного геолога РСФСР. В 1976 г. она была удостоена самого высокого признания трудовых достижений в СССР – звания Героя Социалистического Труда. В 1982 г. ей была присуждена Государственная премия СССР и ее имя было занесено на Всесоюзную доску почета. С.С. Каримова являлась и почетным жителем города Нерюнгри.

Как известно, в советскую эпоху яркие успешные личности непременно должны были вести активную общественную деятельность. С.С. Каримова в этом плане не была исключением. Она неоднократно избиралась депутатом Верховного Совета Якутской АССР, членом Якутского обкома КПСС.

Сама Саима Сафиевна относилась к этому без тщеславия, спокойно и как-то даже буднично. Это явственно подтверждают ее слова: «У меня в геологической судьбе эффектов нет. Я – не первооткрыватель. На поиске работала мало. А разведка – дело будничное. Копаем канавы, проходим скважины, бурим, бурим...». Образ Каримовой в моей памяти сохранился как человека, лишённого выпяченного позерства, спокойного, мягкого и очень женственного. При этом она призналась, что в молодости в трудовом коллективе была жесткой, «правда-матку резала», за что ее прозвали «топориком». Со временем она пришла к выводу, что руководитель должен ладить с людьми, быть терпимым. «Самое страшное в руководстве, – говорила С.С. Каримова, – чванство, взгляд свысока. И знаете, чаще такой руководитель перед своим начальством гнется, льстит. А тому, кто свое дело знает, в этом нет необходимости».

На вопрос о том, как ей живется в лучах славы, Саима Сафиевна ответила: «Да что вы, какая слава. Когда мне дали Героя труда, я долго плакала, не от радости, как писали журналисты. Как оправдать? Доказать хотелось, что не зря дали. У меня уже диссертация была готова, кандидатские экзамены все сданы. Так я все отбросила, не до этого, надо дело делать, оправдывать Звезду». А трудностей в работе было немало. Она вспоминала, как часто было «плохо с техникой: буровыми станками, тракторами. Все урываем, как разбойники с большой дороги. Дают все сначала алмазникам и золотодобытчикам. А нам, что останется». Развивая тему, Саима Сафиевна сказала, что работала вовсе не ради славы. «Работала, потому что надо было работать. Любила, когда много работы. Когда ее не было, чувствовала себя какой-то опустошенной!» – призналась Саима Сафиевна. А это слова о С.С. Каримовой из документального фильма «Ищу и нахожу», снятого в 1985 г.: «Я была как скаковая лошадь. Скакала, скакала на всех парах и вдруг остановилась. Я настолько привыкла к работе, что, наверное, без нее не смогу жить».

Из всего вышеозначенного следует, что судьба Саимы Сафиевны была вполне благополучной, ведь смысл своей жизни, как вытекает из уже изложенного, она видела в труде. К этому выводу подводит и ее собственное выражение в уже упомянутом фильме: «Я, наверное, самый счастливый человек в мире. При мне на моем веку все состоялось. От нуля до такого размаха! Мы сделали огромное дело, государственное. Дух захватывает...» Казалось бы, безупречная оценка состоявшегося человека. Но дальше в сценарии фильма Льва Гуревича, с рукописью² которого познакомил Саима Сафиевна, она говорит: «Но ведь какая рана природе! Грязные ручьи и реки, ободранная земля... Нельзя забывать, во что встал природе наш уголек. Трудно без этого, но без безобразий ведь можно. Тут все хрупко – Север, канавы 10 лет зарастают, раны не затягиваются». В этом высказывании, которое не вошло в сам фильм, проявился какой-то бесстрашный осознанный взгляд на пережитое.

Саима Сафиевна, человек высочайшей степени социальной реализации, пользовалась всеобщим уважением и авторитетом. Все, у кого мы спрашивали, говорили о ней с особым пиететом, рассказывали, что пока она шла с работы до дому, с ней здоровался каждый встречный. При этом к моменту нашей встречи она с мужем жила не в самом престижном районе города, не имела телефона. Я с ней связывалась через телефон дочери, который мне дали в райисполкоме. Дачи у них тоже не было. В их доме царил культ знаний, образования. Главным предметом роскоши в ее скромной двухкомнатной квартире, которую она получила в 1990 г., были книги. По ее признанию, они не гнались за материальным.

Саима Сафиевна производила впечатление думающего, творчески мыслящего человека, принципиального, но не готового воинствующе отстаивать свои взгляды человека. Она вполне трезво и более стойко, чем многие из ее сверстников, осознавала многие ошибки общества, которому были отданы силы, знания, мастерство. Саима Сафиевна являлась цельным человеком, имеющим свои принципы, не стремилась кроить свою биографию по лекалам официальной поощрительности. Подтверждением тому является факт, что она не сдала свой билет члена КПСС, хотя и перестала участвовать в политической деятельности. На мой вопрос: «Почему?» она ответила весьма уклончиво, сославшись на возраст. Ее ответ на мой вопрос о религиозных взглядах был весьма неординарным: «Никаких ритуалов не придерживаюсь, ни к какой религии себя не причисляю, не прижилось естественным образом, а делать вид не хочу. Но есть, видимо, какой-то непостижимый высший разум, которого люди и называют Богом!»

При этой работе женщина много теряет как женщина, как мать. Меня поразило признание сполна состоявшейся в профессии Саимы Сафиевны Каримовой в том, что, если бы можно было бы начать все сначала, она не повторила бы свою судьбу: работать женщине геологом

² У С.С. Каримовой хранилась копия этой рукописи.

сложно. При этом объективно у нее все хорошо с семьей. Ее муж, тоже геолог с сорокалетним стажем Салимхан Вафинович Зиннуров. С ним они сумели создать крепкий союз. На вопрос об отношениях с мужем, она ответила, что главное в них было то, что они были хорошими товарищами по работе. В доме царил дух взаимовыручки, взаимопонимания. Конечно, признается Саима Сафиевна, домашнее хозяйство было в основном на ней, поскольку муж часто был в «поле». Но, бывало, что и ему приходилось оставаться «на хозяйстве». «Мужчине сложно, когда жена все время на работе. Семья – это ведь устроенный быт, вовремя приготовленная еда. Ему этим тоже приходилось заниматься. Если бы не он, не было бы и моих успехов», – признавала Саима Сафиевна.

Вместе с мужем они вырастили и воспитали трех дочерей, дав им всем высшее образование и музыкальное образование. С гордостью рассказывая об этом, она призналась, что отговаривала их стать геологами. Среднюю дочь Софу отговорить, правда, у нее не получилось.

Когда речь зашла о дочерях, Саима Сафиевна сожалела, что, слишком фанатично относясь к работе, недостаточно времени уделяла детям. Вспоминала и о трудностях, когда нужно было и печку истопить, и воды налить с колонки. При этом она отметила, что пыталась совмещать работу и дом, старалась и там, и там успеть. «Успевала вроде, но все-таки страдало и то, и другое», – говорила она. И резюмировала сказанное: «Я не против эмансипации. Удастся работать, работай, но женщине от природы начертано иное, высшее: семья, дом, дети. И для девочек моих я больше всего хотела бы этого. Теперь я в этом убеждена».

На вопрос о том, что следует изменить в социальном положении женщин сейчас, она ответила: «Укороченный рабочий день, чтобы женщина оставалась в форме, и чтобы в семье было не меньше трех детей и хватало бы время на их воспитание». Несколько раз она повторила, что, всегда следя за тем, чтобы у девочек была чистая одежда, выученные уроки, не додала им ласки, любви. Она призналась, что смысл жизни у каждого человека свой, но, что она лично пришла к выводу, что самое интересное – это дети, что счастье видеть, как они растут.

«Знаете, как-то жалко даже: уходит куда-то татарское...» Саима Сафиевна, высоко культурный и эрудированный человек, с сожалением призналась, что, неплохо разбираясь в зарубежной и русской классике, она не знает произведений татарских писателей. А свою ностальгию по чему-то щемящему родному, затаенному в душе, заглушает при помощи татарских пластинок и кассет, которые они с семьей привозят из каждой своей поездки в Татарстан. У них дома имелась неплохая фонотека, свидетельствовавшая об основательном знании татарской классической музыки.

В беседе Саима Сафиевна призналась в сидящем в глубине души чувстве тоски по родине, родной культуре. И это не было просто желанием попасть в модный в начале 1990-х гг. тренд неизбывной этнической приверженности. Об этом можно судить также по фрагменту фильма, создан-

ного еще в советское время. Тогда, как известно, было «престижно» быть интернационалистом, тем не менее Саима Сафиевна произносит там такую фразу: «Знаете, как-то жалко даже: уходит куда-то татарское... Вот он (говоря о муже Салимхане Вафиновиче) зовется здесь Александр Васильевич, а я – Александра Сергеевна». При этом необходимо заметить, Саима Сафиевна родилась не в Татарстане и, казалось бы, у нее не было основной подоплеку для ностальгических чувств относительно татарского.

В истории родительской семьи Саимы, которую судьба перебрасывала из одного места в другое, отчетливо прочитываются жизненные перипетии татарского, да и всего советского народа. В голодном 1921 г. ее родители переехали в г. Фрунзе, ныне Бишкек. Оттуда, опасаясь репрессий, в конце 1920-х гг. переехали на Донбасс. Здесь Саима Каримова пошла в школу и училась только на отлично. В 1941 г., когда началась война, семья переехала в Буинск. В 1945 г. Саима Каримова, окончив школу, переезжает в Казань, где проходят ее студенческие годы. С 1950 г. ее жизнь связана с Восточной Сибирью, где состоялась ее профессиональная карьера, где она создала семью, воспитала детей.

Таким образом, лишь около 10 лет ее жизни прошли в Татарской республике. Тем не менее Саима Сафиевна Каримова на вопрос об этнической самоидентификации, органически не перенося патетики и позерства, выразилась с несвойственной для нее эмоциональностью: «Боль какая-то, память живет в душе. Конечно, все у нас в стране равноправные, но свою нацию как-то выразить хочется».

Заключение. Подводя итог встречи, я тогда для себя отметила, что распространенный вывод о том, что у людей, мигрировавших во вновь осваиваемые районы, главным мотиватором является высокая степень ориентации на материальные условия, далеко не всегда подтверждается. Знакомство с Саимой Сафиевной Каримовой показало, что достигнутый в обществе статус, блестящая карьера не дают женщине всей полноты ощущения счастья. Достигнув вершины в профессиональном росте и удостоившись заслуженно ценных регалий, она, по ее же собственному признанию, была не готова повторить свою судьбу, если бы представилась такая гипотетическая возможность. Внешне являющая собой образ идеальной любимой учительницы младших классов Саима Сафиевна Каримова поразила своим умением смотреть без стереотипов, мыслить масштабно. Глубокий след в душе оставили прямота, мудрое бесстрашие перед противоречиями жизни, способность рассмотреть за радостью победы боль постижения ее цены, а также ее акцент на первостепенной важности для женщины семьи и ощущения для человека культурной связи со своим народом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галлямова А.Г. Татары на освоении Южно-Якутского ТПК в 1970-е гг. (по материалам экспедиции 1994 г.) // История и культура народов Поволжья: региональные аспекты исследования. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.148–156.
2. Герои страны. Международный интернет-проект: Герой Социалистического Труда Каримова Саима Сафиевна. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=15922 (дата обращения: 10.12.2024).
3. Каримова, Саима Сафиевна. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каримова,_Саима_Сафиевна (дата обращения: 10.12.2024).
4. Каримова Саима Сафиевна. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/karimova-saima-safievna> (дата обращения: 10.12.2024).
5. Южная Якутия: социально-экономический аспект. Сборник научных трудов / редкол.: Я.Т. Васильев (отв. ред.) и др. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1985. 94 с.

Информация об авторе:

Галлямова Альфия Габдульнуровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4344-902X; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Поступила 23.12.2024

Принята к публикации 03.02.2025

"I am probably the happiest person in the world":
Saima Safievna Karimova

A.G. Gallyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article examines the life of the Hero of Socialist Labor, Honored Geologist of the RSFSR Saima Safievna Karimova (1926–2013) in a concept updated from the point of view of women's history. In the 1960s and 1980s, S.S. Karimova had All-Union fame as the head of the geological exploration complex in the South Yakut coal basin. Its success in completing the exploration of the Neryungrinsky coal deposit is now well known due to widely available information from open sources. Based on an in-depth interview conducted in 1994, this article presents exclusive material that reveals S.S. Karimova as a whole person, her worldview as a professional, wife, mother, and representative of the Tatar people. Many-hours' conversation with her led to the conclusion that the status achieved in society and a brilliant career do not give a woman a full sense of happiness. Having reached the top in professional growth and deservedly awarded valuable regalia, Saima Safievna, by her own admission, was not ready to repeat her fate if such a hypothetical opportunity presented itself. She summed up our

meeting with the words: “A woman is naturally destined for something different, higher: family, home, children”.

Keywords: Soviet woman, Saima Safievna Karimova, Hero of Socialist Labor, Tatars, gender history, women's history

For citation: Gallyamova A.G. “I am probably the happiest person in the world”: Saima Safievna Karimova. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.100–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.100-108> (In Russian)

REFERENCES

1. Gallyamova A.G. Tatars in the development of the South Yakut mining and processing complex in the 1970s (based on the materials of the 1994 expedition). *History and culture of the Volga region peoples: regional aspects of research*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2011. Pp.148–156. (In Russian)
2. *Heroes of the country. International Internet project: Hero of Socialist Labor Karimova Saima Safievna*. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=15922 (accessed: 10.12.2024). (In Russian)
3. *Karimova, Saima Safievna*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каримова,_Саима_Сафиевна (accessed: 10.12.2024). (In Russian)
4. *Karimova Saima Safievna*. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/karimova-saima-safievna> (accessed: 10.12.2024). (In Russian)
5. *South Yakutia: socio-economic aspect. Collection of scientific papers*. Ed. by Ya.T. Vasiliev et al. Yakutsk: Yakut branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1985. 94 p. (In Russian)

About the author:

Gallyamova Alfiya Gabdulnurovna – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4344-902X; e-mail: alfiya1955@gmail.com

Received December 23, 2024

Accepted for publication February 3, 2025

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 392.51:394.014:396.1:297.17

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.109-119>

Абдуррашит Ибрагимов о проблемах брачной церемонии (никах) и брака у татар: этнопсихологический аспект

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

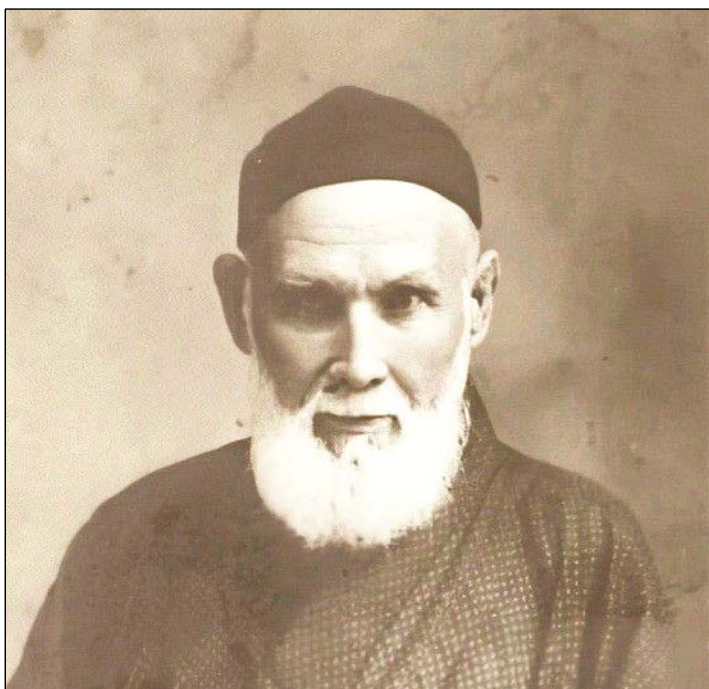
Казань, Российская Федерация

В публикации представлен аналитический обзор статьи Абдуррашита Ибрагимова (1857–1944) «Никах в кызы кийәүгә бирмәк» («Брачная церемония и выдача дочери замуж»), посвященной критике негативных явлений в практиках бракосочетания (никах) и устройства семейной жизни у татар-мусульман. Являясь видным татарским религиозным и общественным деятелем, знавшим жизнь своих соплеменников во всех нюансах и тонкостях, А. Ибрагимов считал крайне важным обретение счастья и благополучия не только мусульманской уммой в целом, но и каждым ее членом в отдельности. По этой причине он обратил внимание и подверг критике этнопсихологические особенности заключения брака, противоречащие интересам девушек. В приложении приводится комментированная транслитерация источника со старотатарского языка.

Ключевые слова: Абдуррашит Ибрагимов, этнопсихология, никах и семья у татар-мусульман, права мусульманки, татарская публицистика, татарская лингвистика, русско-татарские языковые связи

Для цитирования: Хайрутдинов А.Г. Абдуррашит Ибрагимов о проблемах брачной церемонии (никах) и брака у татар: этнопсихологический аспект // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С. 109–119. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.109-119>

В 1899 г. в Санкт-Петербурге обосновался выдающийся татарский религиозный и общественный деятель, путешественник, проповедник, писатель, публицист, просветитель Абдуррашит (Габдеррашит) Гумерович Ибрагимов (1857–1944). Здесь он открыл свою типографию и приступил к изданию журнала «Миръят йахууд Кюзге» («Зеркало»; 1900–1903, 1907–1909, всего вышло в свет 22 номера). Кроме этого, Ибрагимов основал и издавал на татарском языке газету «Ульфат» («Дружба»; 1905–1907), журнал «Наджат» («Спасение»; 1907) и на арабском языке газету «ат-Тильмиз» («Ученик»; 1906–1907).

Абдуррашит Гумерович Ибрагимов (1857–1944).

Из личного архива Неслихан Арул Аксой, правнучки А.Г. Ибрагимова

Настоящая публикация основана на одной из статей Ибрагимова, увидевшей свет в №18 журнала «Миръат» за 1903 год. В ней автор ведет речь об отрицательных явлениях, имеющих место в традициях создания семьи у татар-мусульман. Но прежде чем перейти к данной теме, остановимся на опубликованной в этом же номере предыдущей редакторской статье под названием «Ислахат гомуми» («Всеобщие реформы»). В ней Ибрагимов, уделяя внимание нареканиям в адрес характера и направленности редакционной политики своего журнала, пишет: *«Наши мусульманские братья всегда обвиняют “Миръат” и ругают его владельца, заявляя, что он обнажает пороки, недостатки и мерзости у татар, показывая их всему миру и, тем самым, превращая свой журнал в очаг непотребства»* [3].

Подобные выпады в адрес Ибрагимова можно понять, ведь он, будучи активным общественным деятелем и прогрессивным мыслителем, разоблачал пороки и недостатки, корни которых уходили в этнопсихологические и религиозные факторы, присущие татарскому мусульманскому обществу. По оценке современного исследователя Д. Р. Гильмутдинова, «Г.-Р. Ибрагимов выплескивает на страницы выпускаемых им изданий

всю имеющуюся критику, не боясь последствий. ...правда ислама сама себя проявит. Главное для человека – не препятствовать ей» [2, с.161].

Такое поведение Ибрагимова, во-первых, было совершенно новым явлением для татарской общественности, в течение веков привыкшей жить изолированно, укрывшись от окружающего мира за высокими заборами как в физическом, так и в ментальном смысле. Во-вторых, оно, конечно, вызывало неприятие у татарского читателя, для которого были характерны закрытость и личной, и семейной жизни, в том числе как по религиозным, так и по историко-политическим причинам. Народу веками приходилось выживать, сохраняя свою идентичность в сложных условиях, поэтому большинство не хотело «выносить сор из избы». Говоря иначе, люди даже глазами своего же авторитетного соплеменника боялись взглянуть на собственную жизнь со стороны, усматривая в этом вызов, способный поколебать душеспасительный баланс между диктатом общественных реалий и жизнью по религиозным правилам.

На упомянутые выше претензии читателей Ибрагимов отвечает вопросом: «Так ли это на самом деле?» Его ответ на данный вопрос выглядит весьма интересным: Ибрагимов пишет, что в каждом цивилизованном (мадани) государстве днем и ночью культивируются прогрессивные идеи, нацеленные на развитие общества. Благодаря этому складывается впечатление, что в цивилизованных странах Запада все хорошо и в них отсутствуют недостатки. Однако западная пресса непрерывно пишет о недостатках, обнажает общественные проблемы. Отметив этот факт, Ибрагимов приводит в пример одного французского публициста, выступавшего в национальной прессе с исследованием, в котором доказывал, что широкая распространенность проституции во Франции наносит большой урон демографии. Публицист сопровождал свою статью соответствующими статистическими данными. Этим примером Ибрагимов старается показать, что знание общественности о своих проблемах, недостатках и трудностях не мешает развитию, а напротив, помогает ему. Далее Ибрагимов пишет: *«Направление, которого мы держимся, таково: прежде всего мы должны видеть наши недостатки и должны стремиться их исправить, а затем искать способы и методы прогрессивного развития и движения вперед»* [3, б.13–14].

В свете сказанного становится более понятным, почему Абдуррашит Ибрагимов обратил внимание на весьма деликатный вопрос о проблемах никаха и создания семьи у татар-мусульман. Во-первых, он демонстрирует свое намерение и в дальнейшем последовательно проводит в жизнь социально-ориентированную концепцию журнала «Миръат»; во-вторых, он показывает, что обнажает социальные недуги сознательно; в-третьих, он выражает свою убежденность в том, что проблемы решаются тогда, когда на них фокусируется общественное внимание. В целом, Ибрагимов действует в полном согласии с татарской поговоркой: *чирен яшергән – үлгән* (погиб тот, кто скрыл свой недуг).

Перейдем к обзору статьи Абдуррашита Ибрагимова «*Никях в кызы кийәүгә бирмәк*» («Брачная церемония и выдача дочери замуж») [4].

Обложка журнала «Миръят», №18, 1903 г.

Следует отметить, что автор не подписал свою статью. Это верно и в отношении упомянутого выше материала под названием «Ислахат гому-ми» [3]. Однако в исследуемом номере журнала под одной из заметок, все же, присутствует его подпись – *Габдеррәшид* (عبدالرشيد) [1, б.12]. Кроме этого, на обложке журнала он разместил следующую информацию: *Сахиб вә нашире Габдеррәшид бине Гомәр Ибраһимов* (Владелец и издатель Абдуррашит бин Гумар Ибрагимов). И наконец, на последней странице журнала издатель на русском языке сообщает данные для контактов: С.-Петербург. Жуковская улица, дом №7-й, Ибрагимову. При этом следует отметить, что тираж журнала печатался в Казани в лито-типографии И.Н. Харитонова.

Дальнейшее изучение журнала на предмет наличия статей за подписями других авторов показало, что в нем присутствует только одна подобная статья. Из этого становится очевидным, что авторы журнала подписывали свои публикации, и что в нем не практиковалась их анонимность. Та-

ким образом, мы приходим к выводу, что, поскольку в данном номере журнала «Мирьят» присутствует только одна статья, подписанная другим автором, то все остальные статьи написаны лично Абдуллахитом Ибрагимовым. На основании вышеупомянутого мы можем с уверенностью утверждать, что рассматриваемые нами здесь публикации принадлежат перу Ибрагимова.

В самом начале статьи Ибрагимов подчеркивает, что в семье отношение к детям обоих полов должно быть одинаковым вне зависимости от того, мальчик это или девочка. Тем не менее, отмечает Ибрагимов, в татарских семьях издавна дела обстояли не очень хорошо в том, что касается выдачи замуж дочерей, а также он предполагает, что ситуация и впредь будет оставаться столь же проблематичной. Говоря о причинах своего печального прогноза, автор сетует на то, что никто из тех, кто отдает свою дочь замуж, не проявляет заботы о ее личных интересах, не задумывается о том, как сложится ее замужняя жизнь, о том, установятся ли между супругами любовь и добрые взаимоотношения. Ибрагимов заявляет, что стоит только дочерям достичь зрелости, как их отцы озадачиваются тем, сколько денег они получают, переживают о свадебных подарках и о расходах на свадьбу. Так обстоят дела и в деревне, и в городе. Иными словами, Ибрагимов демонстрирует хорошее знание реалий татарской жизни. Удивительно звучат слова Ибрагимова о «несчастной девушке», беда которой заключается в том, что она совершенно не знает, за кого ее отдают замуж, поскольку она никогда не видела своего будущего мужа. Она несчастна потому, что идет за него только потому, что так решили ее родители. Ибрагимов делает грустный вывод, согласно которому дочери многих родителей, выйдя замуж, становятся несчастными и заболевают чахоткой.

Будучи просвещенным и высокообразованным мусульманином своей эпохи, Ибрагимов отмечает такого рода проблемы, присущие и цивилизованному Западу. Он пишет о том, что отцы юношей ищут богатых невест и даже договариваются с отцами девушек о размере приданого. Таким образом «глупый отец» девушки покупает себе зятя. При этом его совершенно не волнует благополучие дочери, напротив, он за свой счет бросает ее в огонь. Подобно этому, не избавлены от проблем и те из мусульман, которые считают себя цивилизованными. В вопросе о выборе их детьми будущего спутника жизни они отдают дело в их собственное ведение. Если речь идет о дочери, то несчастная общается с мужчинами, выбирает себе того, кто превзойдет других в ухаживаниях и выходит за него. Ее родители, даже если не одобряют выбор дочери, все же, хранят молчание. В итоге, с течением времени девушка начинает глубоко сожалеть о своем выборе и губит себя. Причина в том, что молодая особа, полностью увлеченная внешними факторами, не задумывалась о своем будущем.

Далее Ибрагимов переносит фокус внимания на положение бедноты в татарском мире. Он пишет, что, хотя бедняк и старается воспитывать свою дочь согласно правилам и требованиям современной культуры, это все

равно приводит к беде. Ибо его красивая, образованная, но бедная в финансовом смысле дочь хоть и имеет право на свободу общения с мужчинами, но никто из них на ней не женится по причине ее бедности. Сама же она не пойдет замуж ни за некультурного татарина, ни за бедняка. И что же в итоге с ней происходит? – спрашивает автор. Он отвечает так: если она будет жить по совести и чести, то это хорошо. Но не может каждый человек быть ангелом, ведь свою роль играет и душа (нафс). Ибрагимов пишет, что отсутствие востребованности таких девушек имеет не только социальный аспект, но и религиозный и этический, поскольку за такое воспитание родители будут спрошены в обоих мирах. Заканчивая эту мысль, Ибрагимов делает следующий вывод: *«Между тем, несмотря на крайнюю значимость данной проблемы, до настоящего времени у татар все еще отсутствует соответствующий дискурс»* [4].

После постановки проблемы Ибрагимов переходит к предложениям по ее решению. Он советует небогатым родителям предпринимать хоть какие-то шаги ради благополучного будущего своих детей. Он советует давать детям образование и обучать их различным ремеслам и умениям. Девушка должна быть научена писать и читать, уметь рукодельничать, готовить еду, доить корову, стирать, ткать и шить. Если ее жизнь будет благополучной, то она сможет сидеть сложа руки и смотреть, как за нее все делают другие. Но если судьба уготовила ей перемены, по причине которых она вдруг окажется бедной, то она всегда сможет поддержать себя материально, благодаря своим умениям, не испытывая при этом неловкости или стыда. Именно в таком русле родителям следует задумываться о положении своих детей и обеспечивать их будущее. Обязанность родителей заключается в том, чтобы предпринять необходимые меры в этом направлении. Ибрагимов заканчивает свою статью констатацией того факта, что о данной проблеме можно говорить долго и много, но, поскольку короткая статья не позволяет этого сделать, то проблему следует возложить на плечи и волю отцов.

В целом, рассматриваемая публикация Абдуррашита Ибрагимова позволяет глубже представить интересовавший и беспокоивший его круг проблем и вызовов этнопсихологического плана, отягчающих условия жизни татар-мусульман и препятствующих их духовному и цивилизационному развитию, а также методы, которыми он оперировал в стремлении к реализации «всеобщей реформы». Для Ибрагимова на этом пути не существовало незначительных вопросов. Несмотря на кажущуюся мало-значимость выбранной им проблемы, ее анализ, осуществленный автором, характеризует его как социального философа и этнопсихолога. Действительно, поставленные А.Ибрагимовым вопросы, его критический подход затрагивают крайне интимные аспекты жизни татарского мусульманского общества, а именно: брачные и семейные традиции, скрытые от посторонних глаз и исследовательского интереса плотным занавесом религиозных табу.

С другой стороны, текст Ибрагимова, на наш взгляд, представляет интерес также и с точки зрения истории татарского языка, будучи образцом татарской публицистики, автор которого, не колеблясь, использует в своей письменной речи слова русского языка, адаптируя их передачу буквами арабского алфавита и даже отражая их артикуляцию татарами. Сказанное позволяет пополнить арсенал данных о состоянии лексического состава татарского языка в начале XX в., о степени влияния русской речи на татарский язык в его письменной и разговорной сферах функционирования, об особенностях лингвистических контактов между носителями двух совершенно отличающихся друг от друга языковых систем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Никях вә кызны кийәүгә бирмәк¹

Һәркемнең баласы чекәр² парчасы димәкдер, кирәк ир баласы, вә кирәк кыз баласы һәммәсе, ата ана күзендә бәрабәр улмак ляземдер³. Безнең татарларда кызны кийәүгә бирмәк мәсьәләсе, әүвәлдән дәхи бик йахшы дөгел иде, бундан сонра дәхи йылдан йылга мүшкелкә⁴ каладыр, бездә бер адәм кызны кийәүгә бирмәк ичүн, шимдийә⁵ кадәр һичбер заманда, кызның мәнфәгатене, вә кызның киләчәкдә ничүк гомер идәжәкне, вә кийәү берлән кыз арасында, табган⁶ мүнәсәбәт вә мэхәббәт улыб улмайажагы, вә бу ике кәнж⁷ адәмләрнең ижтимагындан⁸, киләчәкдә хасыйл улажак⁹ мәнфәгать вә мәззарәт¹⁰ һич мүляхәза¹¹ улыныйур, бер адәмнең кызы бәлягатә¹² ирешүрсә, аталары шул кызны кийәүгә биркәндә, ала торган акчасыны, вә кода-кодагылар арасында, туй заманында алуб бирелә торган (бирнә) бүләкләрне, туй расхуты, белмәм нә расхуты? диб ала торган акчаларны, фикир идәрләрде. Бу хәл гавам-ы нас¹³ вә карыйә

¹ Транслитерация оригинального текста на кириллический алфавит современного татарского языка по мере возможности максимально полно отражает буквы, их сочетания и особенности произношения. Пунктуация автора сохранена без изменений.

² чекәр – жегәр, бавыр.

³ лязем – тиеш.

⁴ мүшкел – кыен, авыр.

⁵ шимдийә – хәзергә.

⁶ табган – табигыт төстә, табигыт рәвештә, табигыт.

⁷ кәнж – яшь.

⁸ ижтимагындан – кавышуыннан.

⁹ хасыйл улажак – барлыкка киләчәк.

¹⁰ мәззарәт – зыян китерү; зарар; житешсезлек, кимчелек.

¹¹ мүляхәза – фикир йөртү; тирәнтен уйлау.

¹² бәлягатә – яше житүгә, балиг булуга.

¹³ гавам-ы нас – гади халык.

әһалиләре¹⁴ арасында, бикрәк дә шаигъдыр¹⁵. Йа кыз, бичара, ниндәй адәмкә кийәүкә бара торганны һәм белмәйдер, кийәүне төшөндә һәм күркәне йук, ата-анасы биркәч бара, бу сәбәбдән күбә адамләренң, газиз балалары зар аглайарак¹⁶, гакыйбәт¹⁷ чахутка улыйур.

Бер дә вар ки (мәдәнийәт) ЦИВИЛИЗАЦИЯ мәйданында булган кемсәнәләренң кызларны кийәүкә бирмәкләре, йахуд балаларны үйләндермәкләре. Бу кешеләр ир балаларны үйләндермәк үчен, мотлакан¹⁸ акчалы кыз эзлиләр, хәтта болар кызның атасы берләң, гадәтән¹⁹ сәүдәләшәләр, никадәр приданә бирәсен? диярәк әүвәл бер мұкавалә²⁰ йасыйлар. Кыз атасы ахмак; иллә мең тәнкәгә кийәү сатуб ала, әмма кызның истирахәтә²¹ һәмишә²² мәлхуз²³ дөгел, бәлки бил-гакес²⁴, кызны үз акчасы берләң тере тере утка сала. Бичара кыз, кийәүнең төймәсенә алдана, йалтыравыклы төймә, бичара ата, фәляң адәмкә кода булдым диб шадлана, гакыйбәт бу хәл әсәф²⁵ иштимальдә²⁶ бик шаигъдыр. Кемсә дә инкяр идәмәз.

Бу мәдәнийәт фикерендә булган адәмләр, кызларны кийәүгә биргәндә, әксәре²⁷ кызның үз ихтиярына куйа, кыз бичара йашьләр арасында йөри, букүн²⁸ бер ыстудинт берләң, иртәгә бер әфисәр берләң, үбүр²⁹ күндә, купич баласы берләң. Шулай йөри торгач, кайсы кавалир, артыграк ухаживит идә кыз әлбәттә бер күн шуңа мәйел идә³⁰, шуңа кийәүкә чыга. Ата анасы мұнасиб күрсә күрмәсә дә, бер сүз әйтмәй, гакыйбәт бунларда дәхи пәришанлык³¹ улыб, кыз хараб ула. Зира³², йашь

¹⁴ карыйә әһалиләре – авыл халкы.

¹⁵ шаъигъ – киң таралган.

¹⁶ аглайарак – елап.

¹⁷ гакыйбәт – ахыр чиктә, нәтижәдә.

¹⁸ мотлакан – шартсыз, шиксез, ничек булса да, һичнәрсәгә карамастан.

¹⁹ гадәтән – гадәттә, гадәттәгечә.

²⁰ мұкавалә – бәхәс; килешү, договор, контракт; эшкә ялланы.

²¹ истирахәт – рәхәтләнү; ял итү, эштән бушап тору.

²² һәмишә – давамлы сурәттә, һаман, һәрчак.

²³ мәлхуз – игътибар белән уйланган, уйлап каралган, искә алынган, хәтерләнгән.

²⁴ бил-гакес – киресенчә.

²⁵ әсәф – ачыну, көенү, кайгыру, хәсрәт кичерү.

²⁶ иштималь – төрү, төргәкләү; эченә алу, эченә алган булу, эчендә булу.

²⁷ әксәре – күбесе.

²⁸ букүн – бүгән.

²⁹ үбүр – башка.

³⁰ мәйел идә – авыша.

³¹ пәришанлык – үкенүчелек, харап булучылык, таралучылык, таркалу-чылык.

³² зира – чөнки.

кыз, истикъбалене³³ нич фикир идәмийүр³⁴ йалгыз³⁵ бер заһир³⁶ хәлкә³⁷ караб кабул идә.

Бер дә фәкыйрь адәм: кызларны мэдәнийәт кагыйдәсенә муафыйк³⁸ тәрбийә идәрсә бу да бер бәләдер. Кыз гайәт күзәл³⁹ жәмилә, вә мәктәбләри дә икмаль итмеш⁴⁰, ләкин акча йук; ыстудинтлар, әфисәрләр, һәрникадәр уйнасалар клсәләр дә никяхланмак ихтималы йук, зира кызның акчасы йук. Бай мэдәнийәте булмаган татарга, бу кыз бармый, фәкыйрь адәмкә нич дә бармый, бәс бу бичара кыз, гакыйбәт нә улур? Йарар ла күзәл күзәл намус илә йашарсә бик йахшы, әмма һәркем әүлия булурга мүмкин дәкел, нәфес дикән нәрсә бар. Муна бу кызларны, бер кайа да куйарга урун йук, иштә ата аналарның балага мәрхәмәтләре, бу хәлләре мүвазәнә⁴¹ вә мүляхәза⁴² итмәк илә улур. Вә илля⁴³ ата ана, дүньйа вә ахирәт мәсьүл улур⁴⁴. Иштә занн идәрем⁴⁵: бәзем татарларда илә йәүмина һәза⁴⁶ бу хәлләр мүляхәза вә мүзакәрә⁴⁷ улынамийүр⁴⁸, бу бик мүһим бер мәсьәләдер.

Бән кәндем⁴⁹ бу хосусда, фәкыйрь адәмләркә үз фикереми сүйләй белүрем⁵⁰, балаларның истикъбалене тәъмин итмәк ичүн : һәм баланы укутмак лязем, вә һәм дә балага агыр агыр хидмәтләр⁵¹ үкрәтмәк⁵² лязем. Кыз баласы укумак йазмак белсүн, буның үзәренә һәртөрле кул эшләре һәм үкрәнсүн, йимәк йапмак⁵³, сыгыр сагмак⁵⁴, кер йумақ, тикүн тикмәк⁵⁵ кеби эшләрене һәм белсүн бәхете булыб, бай вә дәүләтле гомер итсә ак кул булыб утырур, утырган йирдә үзе беләрәк һәр эшне хидмәтчеләркә кушар,

³³ истикъбаль – киләчәк.

³⁴ идәмийүр – итә алмый.

³⁵ йалгыз – бары тик, тик.

³⁶ заһир – күзгә күренә торган, күренеп торган.

³⁷ хәлкә – хәлгә.

³⁸ муафыйк – туры килгән, ятышлы, килешле.

³⁹ күзәл – гүзәл.

⁴⁰ икмаль итмеш – тәмамлаган, бетергән.

⁴¹ мөвазәнә – үлчәү, алдан уйлап эш итү.

⁴² мөляхәза – фикир йөртү, фикирләү, уйлап эшләү, тирәнтен уйлау.

⁴³ вә илля – ә инде.

⁴⁴ мәсьүл улур – соралыр, сорау алынуға дучар ителер.

⁴⁵ занн идәрем – фараз кыйламын, уйлыым, гөман кыйлам.

⁴⁶ илә йәүмина һәза – бу көнебезгә кадәр.

⁴⁷ мөзакәрә – фикир алышу.

⁴⁸ улынамийүр – ителә алмый.

⁴⁹ кәндем – үзем.

⁵⁰ сүйләй билүрем – әйтә алам.

⁵¹ хидмәт – хезмәт, эш.

⁵² үкрәтмәк – өйрәтү.

⁵³ йимәк йапмак – ашарга әзерләү.

⁵⁴ сыгыр сагмак – сыер саву.

⁵⁵ тикүн тикмәк – тегүен тегү.

вә һәм хидмәтчеләрнеэ никадәр кимчелекләре булса һәммәсене белүр, әкәр фәкыйрьлеккә түшеб калса үзе хидмәт идәр, габиләсене үзе тәрбийә идәр, ашны үзе пешерүр, кийүмене үзе тикяр, хидмәтне үзе кыйлур һичбер ва-кыт мохтаж улмаз фәкыйрь адәмкә кийәүкә барса да гарьләнмәз.

Бу тарикъка⁵⁶ һәркәс әүләдләренен⁵⁷ әхвалене фикир итмәк вә истикъ-балене тәъмин итмәк ляземдер. Ата ана вазыйфасы : буның чарасыны вә тәдбирне⁵⁸ кыйлмадыр бу хосусда дәхи узун узун мүляхәзалар мүмкин исә дә күчек⁵⁹ рисаләмезнең мәсагадәсе⁶⁰ йукдыр шул сәбәбдән йалкыз баба-лара⁶¹ ихтар идийурыз⁶².

Ниях вә кызны кийәүгә бирмәк // Миръат йахүд Көзге. Гадәд 18, 1903. Б.15–17.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габдеррашид*. Гайәт мөкәммәл бер әсәр // Миръат йахүд Көзге. 1903. Гадәд 18. Б.12.

2. *Гильмутдинов Д.Р.* Габдеррашит Ибрагимов как олицетворение исламско-го публичного пространства России // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. №7. С.159–172.

3. Ислахат гомуми // Миръат йахүд Көзге. Гадәд 18, 1903. Б.12–15.

4. Ниях вә кызны кийәүгә бирмәк // Миръат йахүд Көзге. Гадәд 18, 1903. Б.15–17.

Информация об авторе:

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Поступила 23.12.2024

Принята к публикации 27.01.2025

⁵⁶ бу тарикъка – бу юлга.

⁵⁷ әүләд – балалар.

⁵⁸ тәдбир – тиешле чара, кирәк булган чара.

⁵⁹ күчек – кечкенә.

⁶⁰ мәсагадә – ярдәм.

⁶¹ бабалара – аталарга.

⁶² ихтар идийурыз – белдерәбез, искәртәбез, кисәтәбез, игътибар иттерәбез.

Abdurrashit Ibragimov on the problems of marriage ceremony (nikakh) and marriage among the Tatars: an ethnopsychological aspect

A.G. Khairutdinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication provides an analytical review of the article by Abdurrashit Ibragimov (1857–1944), “*Nikyakh və kyzny kiyayğa birmək*” (“The marriage ceremony and the marriage of the daughter”), devoted to the criticism of negative phenomena in the practices of marriage (nikakh) and the arrangement of family life among Muslim Tatars. Being a prominent Tatar religious and public figure, who knew the life of his fellow tribesmen in all its nuances and subtleties, A. Ibragimov considered it extremely important to find happiness and well-being not only for the Muslim Ummah as a whole, but also for each of its members individually. For this reason, he drew attention to and criticized the ethno-psychological features of marriage, which are contrary to the interests of girls. The appendix contains a commented transliteration of the source from the Old Tatar language.

Keywords: Abdurrashit Ibragimov, ethno-psychology, nikakh and the family among Muslim Tatars, Muslim women's rights, Tatar journalism, Tatar linguistics, Russian-Tatar language relations

For citation: Khairutdinov A.G. Abdurrashit Ibragimov on the problems of marriage ceremony (nikakh) and marriage among the Tatars: an ethnopsychological aspect. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp. 109–119. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.109-119> (In Russian)

REFERENCES

1. Abdurrashit. An extremely perfect piece of work. *The Mirror*. 1903, no.18, p.12. (In Tatar)
2. Gilmutdinov D.R. Abdurrashit Ibrahimov as the embodiment of Islamic public space of Russia. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2017, no.7, pp.159–172. (In Russian)
3. General Reforms. *The Mirror*. 1903, no.18, pp.12–15. (In Tatar)
4. The marriage ceremony and the marriage of the daughter. *The Mirror*. 1903, no.18, pp.15–17. (In Tatar)

About the author:

Khairutdinov Aidar Garifutdinovich – Cand. Sci. (philosophy), Docent, Acting Head of the Abdullin Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Received December 23, 2024

Accepted for publication January 27, 2025

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.120-132>

Рецензия на книгу: Долгов Е.Б. Архитектурная жемчужина
Казанского Кремля: губернаторский дворец
в прошлом и настоящем (Казань, 2024)

Н.А. Кореева

*Федеральный исследовательский центр
«Казанский научный центр РАН»
Казань, Российская Федерация*

В рецензии представлена характеристика книги, которая была издана в 2024 г. российским ученым, кандидатом наук Е.Б. Долговым. Издание посвящено истории строительства губернаторского дворца Казанского Кремля, деятельности губернаторов Казанской губернии, а также руководителей Татарской Автономной Советской Социалистической Республики и Республики Татарстан. В отзыве подчеркивается актуальность, большая научная и практическая значимость рецензируемой работы, охватывающей период более чем в три столетия – с момента образования Казанской губернии, когда появились первые губернаторы, вплоть до начала XXI в. Отмечаются достоинства книги, а также проблемное поле будущих научных исследований, отправной точкой для которых она должна послужить.

Ключевые слова: Казань, Кремль, институт губернаторства, губернаторский дворец, Николай I, архитектор К.А. Тон, Казанский губернский исполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Президиум Центрального Исполнительного Комитета ТАССР, Президиум Верховного Совета ТАССР, Совет Министров ТАССР

Для цитирования: Кореева Н.А. Рецензия на книгу: Долгов Е.Б. Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и настоящем (Казань, 2024) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.120–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.120-132>

Книга «Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и настоящем» написана Евгением Борисовичем Долговым – кандидатом исторических наук, доцентом, ведущим научным сотрудником Камского научного центра Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова Академии наук Республики Татарстан. В сферу его научных интересов входят исследования в области

истории государственной власти и управления России и Татарстана с XVII в. до современности, истории общественно-политического движения в Поволжье в XIX – начале XX столетия.

Книга издана в 2024 г. в Казани и посвящена малоизученной теме, связанной с историей строительства и функционирования губернаторского дворца в Казанском Кремле¹. На ее страницах размещены сведения о проектировании, строительстве, перестройке, реконструкции и реставрации этого здания, дано описание его архитектурного убранства и внутреннего устройства, приведены яркие факты из дворцовой жизни. Кроме того, в ней помещены краткие биографические очерки об архитекторах-проектировщиках и строителях.

Исследование Е.Б. Долгова содержит уникальные сведения о пребывании во дворце российских императоров, великих князей, выдающихся государственных и военных деятелей во время своих визитов в Казань. В нем опубликованы биографии казанских губернаторов и генерал-губернаторов, которые управляли Казанским краем с 1708 по 1917 г., впервые приводятся их формулярные и послужные списки, сохранившиеся в федеральных и местных архивах. Часть книги посвящена истории высших органов государственной власти в регионе в XX – начале XXI столетия, руководителям Татарской Автономной Советской Социалистической Республики и современного Татарстана, управлявшим республикой после со-

¹ Указ Президента Республики Татарстан «О создании Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника “Казанский Кремль”» был подписан 22 января 1994 г. Указом Президента Российской Федерации от 20 февраля 1995 г. «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» музей-заповедник был отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 31 июля 1998 г. «О включении отдельных объектов в Свод особо ценных объектов культурного наследия Республики Татарстан» Казанский Кремль был записан в Свод особо ценных объектов культурного наследия Республики Татарстан. В 2000 г. на XXIV сессии Комитета Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО было принято решение «О включении историко-архитектурного комплекса Казанского Кремля в Список Всемирного наследия».

бытий 1917–1920 гг. до настоящего времени и работавшим в губернаторском дворце.

Предваряет книгу обращение к читателям Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова. В издании восемь глав.

В первой главе раскрываются особенности становления и развития института губернаторства в Казанской губернии с начала XVIII в., когда в системе государственного управления самодержавной России возникла должность губернатора. Автор книги отмечает, что при Петре Великом губернатор участвовал в военном управлении края, ему подчинялись полиция и все гарнизоны, он заботился о расквартировании войск и наблюдал за рекрутскими наборами [7, с.5]. В дальнейшем его полномочия постепенно расширялись, и он, так же как и возглавляемая им губернская канцелярия, выполнял в Казанском крае почти все функции государства. Е.Б. Долгов обращает внимание на то, что вплоть до 1917 г. губернатор оставался главным доверенным лицом правительства в губернии [7, с.16]. Евгений Борисович проанализировал социальное происхождение, возрастной состав губернаторов, их образовательный уровень, имущественное положение, сроки пребывания в должности, проследил их карьерный путь. Он пришел к выводу о том, что должность казанского губернатора оказалась завершением служебной карьеры для 48,4% от общего количества руководителей Казанской губернии, 33,9% получили повышение по службе и 17,7% были переведены на равнозначные должности за ее пределами [7, с.25].

Е.Б. Долгов в своей работе успешно продолжил традицию изучения деятельности казанских губернаторов, начатую еще в XIX столетии Н. Загоскиным, П. Дульским, Н. Спасским и другими исследователями. В путеводителе Н. Загоскина содержатся краткие сведения о первых казанских губернаторах – П.М. Апраксине, Н.А. Кудрявцеве, А.П. Волынском, И.Б. Бибикове, С.М. Баратаеве, военном губернаторе Б.П. де-Ласси, гражданском губернаторе Д.С. Казинском и о служивших в XIX в. губернаторах – Б.А. Мансурове, И.А. Толстом, П.А. Нилове, А.К. Пирхе, С.С. Стрекалове, С.П. Шипове. Н. Загоскин с позиций исследователя XIX в. справедливо отмечал, что «управление позднейших казанских губернаторов еще не может быть достоянием истории» [19, с.169–176].

В современной историографии казанские губернаторы первой половины XIX в. становились объектом изучения в трудах А.Н. Бикташевой [3]. Однако в качестве предмета изучения она выбрала ресурсы власти губернатора, определенные ему законом, что обусловило привлечение ею таких источников, как отчеты сенаторских ревизоров, донесения жандармских офицеров, источники личного происхождения и т.д. [3, с.6]. В другой своей работе А.Н. Бикташева проанализировала причины конфликтов губернаторов Казанской губернии с местным дворянством в первой половине XIX в. [13].

Основной проблемой, препятствующей изучению деятельности казанских губернаторов, является бедность источниковой базы – в огне казанского пожара 1815 г. сгорел архив местного губернского правления, в котором хранились памятники со времен покорения Казани. Поэтому крайне важным является привлечение источников из центральных архивохранилищ страны. Евгений Борисович Долгов выявил и проанализировал формулярные (послужные) списки казанских губернаторов, подлинники которых хранятся в фондах Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Российского государственного архива древних актов (г. Москва), Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Республики Татарстан. Он внес существенный вклад в восстановление их персональных биографий, что позволило ему составить их коллективную биографию. В своей книге автор опубликовал, в частности, указ из Государственной военной коллегии астраханскому губернатору генерал-майору А.С. Жилину о назначении казанским губернатором графа Ф.И. Головина от 16 ноября 1755 г. [7, с.18–19], фрагменты из формулярного списка о службе казанского военного губернатора М.К. Нарышкина за 1863 г. [7, с.169], формулярные списки казанских губернаторов Л.И. Черкасова за 1882 г. [7, с.25] и Н.Е. Андреевского за 1884 г. [7, с.22–23].

Источниковой базой для написания первой главы послужили также указы, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, дореволюционные сборники, содержащие сведения о правах и обязанностях административных учреждений и должностных лиц, а также научные исследования по истории местного управления, земских и правительственных учреждений, высшей администрации России.

Вторая глава посвящена высшим органам государственной власти Казанской губернии после 1917 г., становлению АТССР². Е.Б. Долгов знакомит читателя с историей формирования и функциями единого губернского исполкома Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с 1918 г. – Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Казанского губисполкома), деятельностью Временного революционного комитета, Центрального исполнительного комитета, Верховного Совета, Совета Народных Комиссаров, Совета Министров ТАССР. Автор опирается на опубликованные в сборниках документов источники, монографии Н.А. Андрианова, С.М. Бродович, А.М. Каримова, Ш.Ш. Ягудина, Р.И. Тарнапольского и др. [1; 2; 4; 12; 20; 21; 27].

Е.Б. Долгов продолжительное время изучал деятельность центральных органов государственной власти и управления Татарстана, некоторые итоги его исследований были опубликованы в научно-справочных издани-

² В период с 1920 по 1937 г. – Автономная Татарская Социалистическая Советская Республика, до 1990 г. – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика.

ях Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан в 2010 и 2017 гг. [25; 26]. В рецензируемой книге автор опубликовал результаты анализа биографий председателей исполкома Казанского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, составил их социальный портрет.

В издании представлен картографический материал – в первой главе имеется карта Казанской губернии с обозначением соседних губерний, железных, каменных и шоссейных дорог, крупнейших уездных населенных пунктов, во второй главе – «Карта Татарской Социалистической Советской Республики 1920 г.», которые позволяют увидеть изменения, произошедшие в административно-территориальном устройстве края.

Третья глава раскрывает историю строительства губернаторского дворца, место для возведения которого было выбрано самим императором Николаем I в 1836 г.³ Автор показал роль таких архитекторов, как Ф.И. Петонди, Д.И. Висконти, И.И. Шарлемань-Бодэ, К.А. Тон в подготовке проектов будущего здания, осветил основные этапы его строительства, расположение и функциональное назначение помещений, некоторые из которых были подготовлены для возможных императорских визитов. Е.Б. Долгов при написании третьей главы обращался как к монографической литературе (например, труду Н.П. Ерошкина [9, с.345–346, 556]), так и к материалам периодической печати – например, газетам «Казанские губернские ведомости», «Казанская рабочая газета», «Известия ТАТЦИКа», журналу «Пути революции», что позволило дополнить исследование малоизвестными фактами и подробностями из жизни казанцев в условиях самодержавия, позже – в годы революционных событий 1917 г. и в годы установления советской власти. В этот период в здании первоначально расположились органы Временного правительства и Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, затем – Временный революционный комитет.

Значительная часть главы посвящена описанию советского периода в истории дворца. Автор книги установил, что в годы Великой Отечественной войны и до начала 1950-х гг. в здании разместились общежитие для 52 семей и почти 300 одиноких работников Московского авиационного завода №22, а также детский сад-интернат на 120 человек [7, с.116].

Е.Б. Долгов уделил особое внимание описанию ремонтных и реставрационных работ, проводившихся в 1950-е гг., 1980-е гг., 1990-е гг., 1999–2002 гг. в главном здании и придавших ему современный облик, с сожалением констатируя, что многие элементы оригинального декора, внутренняя планировка были утрачены. Автор отмечает в то же время богатство

³ Дореволюционный исследователь Н. Загоскин упоминал в своем путеводителе, что казанский дворец был заложен 9 мая 1845 г. и построен к концу 1848 г. Здание разместилось на месте, где некогда возвышался дворец казанских ханов, а затем стоял комендантский дом [19, с.136; 23, с.28–43].

современной отделки здания, наличие лепнины, покрытой сусальным золотом, паркета, выполненного из ценных пород дерева.

Отдельная глава посвящена архитекторам губернаторского дворца – представлены их биографии, вклад в становление архитектурного облика Казани и строительство губернаторского дворца. Среди них – Д.И. Висконти, И.И. Шарлемань-Боде, К.А. Тон, А.И. Песке, М.П. Коринфский (Варенцов).

Здесь автор продолжает исследования, начатые по данной теме советскими историками – например, в книге М. Фехнера приводились краткие биографические сведения о некоторых казанских архитекторах конца XVIII – середины XIX в. [22, с.259–261]. Отметим, что ученые уделяли больше внимания архитектурному облику Кремля, планам и декоративному оформлению его застроек [10, с.162–164; 16, с.42–43; 22, с.77–78]; о губернаторском дворце имеются фрагментарные сведения в трудах А. Григорьева, Н.Ф. Калинина и др. [6; 11].

Результаты современных исследований Казанского Кремля вошли в многочисленные справочники, путеводители [5, с.102–104]. В 1995 г. коллективом авторов была подготовлена книга об археологических исследованиях на территории Казани [24]. В ней описываются артефакты древних времен на месте Кремля и располагавшегося здесь ханского дворца [24, с.5–7]. О постройке губернаторского дворца опубликована статья Г.Г. Нугмановой [14, с.148–153]. В 2005 г. (к празднованию 1000-летия г. Казани) Татарским книжным издательством был выпущен фотоальбом «Казанский Кремль», подготовленный коллективами Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан и Государственного историко-архитектурного музея-заповедника «Казанский Кремль». Следует отметить также монографию А.Г. Ситдикова, в которую он включил материалы раскопок, проведенных археологической экспедицией «Казанский Кремль» в 1994–2003 гг. [18]. Иллюстрированный альбом «Казанский Кремль. Отчет о деятельности музея-заповедника “Казанский Кремль”. 1994–2014» содержит сведения об основании и статусе музея-заповедника, материалы об археологических исследованиях, реставрационных работах. В альбоме губернаторский дворец лишь несколько раз упоминается, но подробной истории его не приводится. Это подтверждает, что книга Е.Б. Долгова восполняет существенный пробел в истории всего заповедника. Им была проведена большая работа по изучению и систематизации археологических, исторических сведений по исследуемой теме.

В пятой главе содержатся биографии военных и гражданских губернаторов, генерал-губернаторов Казанской губернии и исполнявших их обязанности, правителях Казанского наместничества, которых Е.Б. Долгов назвал «императорскими наместниками Кремля» (всего приведено 58 биографий, от П.М. Апраксина, который в период с 1708 по 1713 г. выполнял функции казанского губернатора, до П.М. Боярского, последнего губернатора Казанской губернии).

Большое внимание Е.Б. Долгов уделил сбору и обработке иллюстративного материала, разработке дизайна, что позволяет использовать книгу не только как научное, но и как подарочное издание.

Иллюстративный материал первой главы представлен фотографиями Казани начала XX в. («Башня Сююмбике, губернаторский дворец и кафедральный собор», «Кремль с Хижицкой дамбы», «Спасская башня Казанского Кремля», «Казань. Внутренний вид крепости с птичьего полета» и др.). Вторая глава содержит фотографии, относившиеся к советской эпохе («Казанский губисполком в дни передачи власти Ревкому ТАССР. Казань, июнь 1920 г.», «Здание ТатЦИКа и Совнаркома ТАССР. 1925 г.», «Здание Президиума Верховного Совета и Совета Министров ТАССР», «Казанский Кремль. 1957 г.», «Вид на Казанский Кремль. 1970-е гг.»).

Размещенные в книге фотографии позволяют увидеть, как эволюционировала застройка города: представлены виды на башню Сююмбике и губернаторский дворец в начале XX в., в 1932, 1957, 2024 гг. В третьей главе опубликованы уникальные фотографии раскопок, проводившихся в 2000 г. на территории Кремля перед губернаторским дворцом, среди которых – фотографии остатков ханского дворца, внутреннего двора с циркумференцией. Здесь также представлены фотографии здания губернаторского дворца, сделанные в 1890 г., 1900-е гг., фотографии крытого перехода между губернаторским дворцом и Духосошественской церковью (в 1930-е гг. и на современном этапе), фотография здания 1950-х гг., когда в нем были размещены Президиум Верховного Совета ТАССР и Совет Министров ТАССР.

Книга богата красочными иллюстрациями современных видов дворца, вестибюля, чугунных лестниц, коридоров, каминов, рабочих кабинетов, рабочего стола Раиса Республики Татарстан, Белого зала, зала для подписания соглашений, элементов декора (резьбы на дверях главного входа, арочных оконных проемов, ордерных пилястр, пучков колонн центрального ризалита и др.).

В книге много портретов губернаторов: А.П. Волынского, А.И. Румянцева, С.Д. Голицына, П.И. Панина, П.С. Мещерского, М.И. Кутузова, И.Б. Бибикова, Б.П. де Ласси, П.П. Пушина, И.А. Толстого, В.Ю. Соймонова, А.Н. Бахметьева, С.С. Стрекалова и др. На с. 190 размещена фотография памятника, установленного Александру II в Казани (конец XIX в., ныне утрачен). В ней также представлены фотографии государственных деятелей, осуществлявших руководство республикой в советский период.

Среди иллюстративного материала – снимки архивных документов, которые визуализируют текстовый материал, позволяют прочесть первоисточник, недоступный широкому кругу исследователей и читателей. Например, вторая глава содержит выдержку из Декрета ВЦИК и СНК РСФСР «Об Автономной Татарской Советской Социалистической Республике» от 27 мая 1920 г., а также «Акт передачи власти исполкомом Казанской губернии Революционному комитету ТАССР» от 25 июня 1920 г.

В третьей главе представлен впервые вводимый в научный оборот комплекс архивных источников – «Сообщение главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями К.Ф. Толя казанскому военному губернатору С.С. Стрекалову об одобрении императором Николаем I чертежей на постройку в Казани военно-губернаторского дома», «Рапорт казанского вице-губернатора М.Н. Валькевича в Департамент путей сообщения и публичных зданий о составлении сметы на постройку в Казани военно-губернаторского дома от 18 августа 1838 г.», «Рапорт казанского губернского архитектора Ф.И. Петонди казанскому военному губернатору С.С. Стрекалову о предоставлении сметы на постройку кремлевского губернаторского дворца от 27 сентября 1838 г.», а также архивные копии «Генерального плана губернаторского дворца», копии планов фасада, деревянных ворот и забора, фронтальные проекции здания и служебных построек, погребов [7, с.68–83].

Безусловно, издание было бы неполным без биографий государственных деятелей советского периода. Е.Б. Долгов посвящает им отдельную главу. Здесь приводятся биографии председателей Казанского губисполкома (Я.С. Шейнкмана, Е.И. Вегера, Д.П. Малютина, И.И. Ходоровского), председателей Президиума ЦИК ТАССР (Б.Х. Мансурова, Р.А. Сабирова, Ш.Ш. Шаймарданова, М.А. Ахметшина, Х.И. Мратхузина, Г.Г. Байчурина), а также председателей Президиума Верховного Совета ТАССР (Г.А. Динмухаметова, С.Н. Низамова, К.Ф. Фасеева, С.Г. Батыева, А.Б. Багаутдинова, Ш.А. Мустаева), председателей Совета народных комиссаров ТАССР, председателей Совета Министров ТАССР, Президентов Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева и Р.Н. Минниханова (с 2023 г. – Раис РТ). Этот раздел книги является логическим продолжением работы, которую осуществлял коллектив ученых Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан [17].

Предпоследняя глава книги посвящена официальным визитам в губернаторский дворец Казанского Кремля. Среди именитых гостей – Николай I, Александр II, Александр III, Великая княгиня Мария Федоровна Романова, П.А. Столыпин и другие. Подготовленный автором материал органично вписывается в традицию изучения венценосных путешествий по Российской империи [8; 15, с.15]. Важное значение имеет публикация обращения казанского военного губернатора С.С. Стрекалова к начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфу о предполагаемом визите в Казань императора Николая I от 12 августа 1836 г. [7, с.189].

Завершают книгу фотографии, сделанные в казанском губернаторском дворце во время официальных приемов. Здесь представлены фотографии встреч М.Ш. Шаймиева с В.В. Путиным в январе 2007 г., с Министром-наставником Республики Сингапур Ли Куан в июне 2007 г., с Президентом Турецкой Республики Абдуллахом Гюлем в феврале 2009 г. и др. Приводятся фрагменты из гостевой книги, в которой гости губернатор-

ского дворца записывали свои впечатления от встреч и пожелания. Среди таких записей – благодарность за гостеприимство патриарха Московского и всея Руси Кирилла (2016 г.), сертификат генерального директора ЮНЕСКО И.Г. Боковой о включении Успенского собора и монастыря острова-града Свияжск в список Всемирного наследия ЮНЕСКО (2017 г.), пожелание процветания Татарстану от Президента Республики Абхазии А.Г. Бжания (2022 г.), Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона (2024 г.) и многих других.

Выход книги Евгения Борисовича Долгова – знаменательное событие в научной жизни Татарстана. Рассчитанная на широкий круг читателей, она будет интересна профессиональным историкам, краоведам, экскурсоводам, архитекторам, педагогам при организации краеведческой работы и другим специалистам. Несомненным достоинством книги является наличие в ней научно-справочного аппарата – ссылок на источники и научную литературу, которые использовались при ее подготовке.

В работе Е.Б. Долгова обеспечена преемственность изучения темы, дана целостная картина развития институтов высшей государственной власти от Казанской губернии до Республики Татарстан. Издание включает в себя практически все дореволюционные, советские и постсоветские научные достижения в сфере изучения истории Казанского Кремля, а также новые сведения, восполняющие существующие лакуны.

Вместе с тем книга может стать отправной точкой для исследования повседневной (бытовой) жизни губернаторского дворца в разные исторические эпохи, когда в нем размещались губернатор и венценосные гости, а также в Гражданскую, Великую Отечественную войны, послевоенное время (на наш взгляд, перспективной темой является изучение вопросов финансирования здания, наем прислуги и служащих, организация питания гостей и «хозяев», осуществление охраны, особенности функционирования в здании общежития для эвакуированных и т.д.). Интерес может представлять также информация об отношении гостей дворца к организации их приема, к самой Казани, представленная в мемуарной литературе и других источниках личного происхождения, которые необходимо вводить в научный оборот. Пожелаем автору удачи в дальнейшем изучении столь важной темы!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрианов Н.А.* Восстановление Советской власти и укрепление ее аппарата в Татарии (1918–1920 гг.). Казань: Таткнигоиздат, 1962. 100 с.
2. *Андрианов Н.А., Толстяков К.А.* Становление и упрочение власти Советов в Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1967. 292 с.
3. *Бикташева А.Н.* Казанские губернаторы в диалогах властей (первая половина XIX века). Казань: ИПЦ «Экспресс-формат», 2008. 228 с.

4. *Бродович С.М.* Губернские съезды Советов и губисполкомы. М.: РАНИОН, 1928. 169 с.
5. *Гарзавина А.В., Новицкий А.И.* Моя Казань: Исторический и архитектурно-художественный облик. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 192 с.
6. *Григорьев А.И.* Казанский кремль. Казань: [Б.и.], 1969. 42 с.
7. *Долгов Е.Б.* Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и настоящем. Казань: AVR Publishing, 2024. 220 с.
8. *Долгов Е.Б.* Император Николай I в Казани в 1836 г. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. №1. С.239–242.
9. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Научно-педагогические труды. 5-е изд., доп. М.: РГТУ, 2008. 710 с.
10. Казань в памятниках истории и культуры. Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. 282 с.
11. *Калинин Н.Ф.* Казанский кремль. Казань: [Б.и.], 1952. 6 с.
12. *Каримов А.М.* Высшие органы государственной власти автономной республики: по материалам Татарской АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 150 с.
13. Неформальные практики властвования в Казанской губернии (первая половина XIX века) / А.Н. Бикташева, М.Х. Гизатуллин, К.А. Ильина. Казань: Рутен, 2006. 228 с.
14. *Нугманова Г.Г.* Казанский кремль как историко-художественный памятник в XIX – начале XX века // Материалы Лихачевских чтений. 5–7 апреля 2006 г. Казань: РИЦ «Школа», 2007. С. 148–153.
15. *Нугманова Г.Г.* Монарх и архитектурный процесс в провинции: Николай I в Казани. 20–21 августа 1836 года // Academia. Архитектура и строительство. 2017 г. №1. С.13–20.
16. *Остроумов В.П.* Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 295 с.
17. Политические деятели Татарстана: биографические очерки (1920–2020 гг.). Казань: ОСП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2020. 496 с.
18. *Ситдинов А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с.
19. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. проф. Н.П. Загоскина. Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1895. 831 с.
20. *Тарнапольский Р.И.* Конституционные основы правового положения Совета Министров АССР. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. 120 с.
21. Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль – октябрь 1917 г.): сборник документов и материалов. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 510 с.
22. *Фехнер М.* Великие Булгары, Казань, Свияжск. М.: Изд-во «Искусство», 1978. 277 с.
23. *Халитов Н.Х.* Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX в. М.: Стройиздат, 1991. 191 с.
24. *Хузин Ф.Ш.* Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований / Ф.Ш. Хузин, Р.Ф. Шарифуллин, Т.А. Хлебникова, Н.Г. Набиуллин, А.Г. Ситдинов. Казань: [Б. и.], 1995. 40 с.

25. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.): научно-справочное издание. Казань: Ин-т татарской энциклопедии; Изд-во МОиН РТ, 2010. 312 с.

26. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2020 гг.): научно-справочное издание. Казань: Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. 400 с.

27. *Ягудин III.III*. Верховный Совет автономной республики. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 72 с.

Поступила 13.01.2025

Принята к публикации 31.01.2025

Информация об авторе:

Кореева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-0049-4303; e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Book review: Dolgov E.B. Architectural pearl of the Kazan Kremlin: the governor's palace in the past and present (Kazan, 2024)

N.A. Koreeva

*Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The review presents the characteristics of the book, which was published in 2024 by a Russian scientist, candidate of sciences E.B. Dolgov. The publication is dedicated to the history of the construction of the governor's palace of the Kazan Kremlin, the activities of the governors of the Kazan province, as well as the leaders of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic and the Republic of Tatarstan. The review highlights the relevance, great scientific and practical significance of the reviewed work, which covers a period of more than three centuries – from the formation of the Kazan province, when the first governors appeared, until the beginning of the 21st century. The advantages of the book are noted, as well as the problematic field for future scientific research, the starting point for which it should serve.

Keywords: Kazan, Kremlin, institute of governorship, governor's palace, Nicholas I, architect K.A. Ton, Kazan Provincial Executive Committee of the Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies, Presidium of the Central Executive Committee of the TASSR, Presidium of the Supreme Council of the TASSR, Council of Ministers of the TASSR

For citation: Koreeva N.A. Book review: Dolgov E.B. Architectural pearl of the Kazan Kremlin: the governor's palace in the past and present (Kazan, 2024). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.120–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.120-132> (In Russian)

REFERENCES

1. Andrianov N.A. *Restoration of Soviet power and strengthening of its apparatus in Tatarstan (1918–1920)*. Kazan: Tatar book Publ., 1962. 100 p. (In Russian)
2. Andrianov N.A., Tolstyakov K.A. *Formation and consolidation of Soviet power in Tatarstan*. Kazan: Tatar book Publ., 1967. 292 p. (In Russian)
3. Biktasheva A.N. *Kazan governors in government dialogues (the first half of the 19th century)*. Kazan: CPI Express Format LLC, 2008. 228 p. (In Russian)
4. Brodovich S.M. *Provincial congresses of Soviets and gubernatorial executive committees*. M.: RANION, 1928. 169 p. (In Russian)
5. Garzavina A.V., Novitsky A.I. *My Kazan: Historical and architectural and artistic appearance*. Kazan: Tatar book Publ., 1984. 192 p. (In Russian)
6. Grigoriev A.I. *The Kazan Kremlin*. Kazan, 1969. 42 p. (In Russian)
7. Dolgov E.B. *The architectural pearl of the Kazan Kremlin: the Governor's Palace in the past and present*. Kazan: AVR Publishing, 2024. 220 p. (In Russian)
8. Dolgov E.B. Emperor Nicholas I in Kazan in 1836. *Gasyrlar avaza – Echo of centuries*. 2006, no.1, pp.239–242. (In Russian)
9. Eroshkin N.P. *The history of state institutions of pre-revolutionary Russia: Scientific and pedagogical works*. Moscow: RGTU, 2008. 710 p. (In Russian)
10. *Kazan in the monuments of history and culture*. Kazan: Tatar book Publ., 1982. 282 p. (In Russian)
11. Kalinin N.F. *Kazan Kremlin*. Kazan, 1952. 6 p. (In Russian)
12. Karimov A.M. *Higher state authorities of the Autonomous Republic: based on the materials of the Tatar ASSR*. Kazan: Kazan University Publ., 1970. 150 p. (In Russian)
13. Biktasheva A.N., Gizatullin M.Kh., Ilyina K.A. *Informal practices of power in the Kazan province (first half of the 19th century)*. Kazan: Rutem Publ., 2006. 228 p. (In Russian)
14. Nugmanova G.G. Kazan Kremlin as a historical and artistic monument in the 19th – early 20th century. *Materials of the Likhachev readings. April 5–7, 2006*. Kazan: School Publ., 2007. Pp.148–153. (In Russian)
15. Nugmanova G.G. Monarch and the architectural process in the province: Nicholas I in Kazan. August 20–21, 1836. *Academia. Architecture and construction*. 2017, no.1, pp.13–20. (In Russian)
16. Ostroumov V.P. *Kazan. Essays on the history of the city and its architecture*. Kazan: Kazan University Publ., 1978. 295 p. (In Russian)
17. *Political figures of Tatarstan: biographical sketches (1920–2020)*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2020. 496 p. (In Russian)
18. Sitdikov A.G. *Kazan Kremlin: historical and archaeological research*. Kazan, 2006. 288 p. (In Russian)

19. *Satellite across the Kazan: illustrated index of attractions and city reference book*. Ed. by N.P. Zagoskin. Kazan: Kazan University Publ., 1895. 831 p. (In Russian)
20. Tarnapolsky R.I. *Constitutional foundations of the legal status of the Council of Ministers of the ASSR*. Kazan: Kazan University Publ., 1983. 120 p. (In Russian)
21. *Tataria in the struggle for the victory of the Proletarian Revolution (February – October 1917): collection of documents and materials*. Kazan: Tatknigoizdat Publ., 1957. 510 p. (In Russian)
22. Fechner M. *Great Bulgars, Kazan, Sviyazhsk*. Moscow: Art Publ., 1978. 277 p. (In Russian)
23. Khalitov N.Kh. *Architectural monuments of Kazan of the 18th – early 19th century*. Moscow: Stroyizdat Publ., 1991. 191 p. (In Russian)
24. Khuzin F.Sh., Sharifullin R.F., Khlebnikova T.A., Nabiullin N.G., Sitdikov A.G. *Ancient Kazan: some results and prospects of archaeological research*. Kazan, 1995. 40 p. (In Russian)
25. *Central bodies of state power and administration of Tatarstan (1920–2010): scientific reference publication*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences Publ.; Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan Publ., 2010. 312 p. (In Russian)
26. *Central bodies of state power and administration of Tatarstan (1920–2020): scientific reference edition*. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 400 p. (In Russian)
27. Yagudin Sh.Sh. *Supreme Council of the Autonomous Republic*. Kazan: Tatar book Publ., 1985. 72 p. (In Russian)

About the author:

Koreeva Natalia Anatolyevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-0049-4303; e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Received January 13, 2025

Accepted for publication January 31, 2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929.092

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.133-147>

Контакты представителей деловых кругов Казани и татарского просветителя К.Насыри

И.К. Загидуллин

Центр исламоведческих исследований АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье, посвященной 200-летию татарского ученого-энциклопедиста Каюма Насыри (1825–1902), освещаются контакты просветителя и татарских деловых кругов Казани. Во второй половине 1850-х – 1860-е гг. Насыри выступал как представитель московского гильдейского купца, своего старшего брата Габдельхая. В последующие десятилетия в большинстве случаев просветитель контактировал с предпринимателями в качестве домашнего учителя русского языка и светских дисциплин для их сыновей, а также переводчика документов и составителя прошений. Именно эти контакты обеспечивали стабильный доход, часть которого он вкладывал в издание своих трудов. Только в 1870-е гг. несколько предпринимателей – сторонники распространения среди мусульман социально-востребованной информации – становились партнерами Насыри в качестве издателя его ежегодных календарей. В целом сотрудничество книготорговцев с Насыри носило локальный характер и основывалось на конъюнктуре книжного рынка. По этой причине К.Насыри был вынужден издавать труды на собственные средства и сам же заниматься их реализацией.

Ключевые слова: Каюм Насыри, татарское просветительство, торгово-купеческие круги Казани, купцы Аитовы, купцы Казаковы, купцы Арслановы

Для цитирования: Загидуллин И.К. Контакты представителей деловых кругов Казани и татарского просветителя К.Насыри // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.133–147. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.133-147>

Целью данной статьи является выявление представителей деловых кругов Казани, их мотиваций и форм общения с татарским просветителем Каюмом Насыри в последней трети XIX в.

Старшее поколение предпринимателей Казани было знакомо с отцом Каюма Насыри – Габденнасыром, который после женитьбы в 1812 г. отказался от вакантной должности муллы в родной деревне и некоторое время торговал пушниной, выезжая вместе с казанскими купцами на российские ярмарки. После возвращения в родную деревню Габденнасыр занимался земледелием. В середине 1830-х гг. его старший сын Габдельхай некоторое время постигал секреты и тонкости химических процессов по изготовлению мыла в одном из предприятий Казани, затем, благодаря финансовой поддержке отца, переехав в Москву, основал собственную мыловаренную мануфактуру. Таким образом, в дореформенный период в торговых кругах Казани Хусаиновых из д. Малые Ширданы Свияжского уезда знали как торговцев пушниной и мылом.

Контакты купцов и торговцев Казани и К.Насыри правомерно разделить на два периода. Первый период – вторая половина 1850-х – 1860-е гг.; второй период – 1870–1890-е гг.

К.Насыри, когда преподавал татарский язык в Казанской духовной семинарии (1855–1870 гг.), начал общаться с представителями деловых кругов Казани: выступал в качестве коммерческого партнера 2-й гильдии московского купца – старшего брата Габдельхая, выполняя его разовые поручения по организации производства мыла и его продажи на российских ярмарках.

Письма старшего брата, адресованные Каюму, позволяют уточнить близкий круг казанских партнеров Габдельхая, с которыми купец контактировал на ярмарках. Среди них были Мухаметзян Япеев и его братья, которые у Габдельхая часто одалживали деньги и оказывали ему услуги, связанные с торговыми делами [1, б.618, 623, 624, 625, 628, 631, 637, 645, 659]. Кроме того, он поддерживал доверительные отношения с неким Усмановым [1, б.651, 656] и Муртазой баем из Казани [1, б.647, 651, 656], которым также давал займы деньги; переписывался с Исааком Баришевым [1, б.608], контактировал с Исмагилом Баришевым [1, б.627] и т.д. С большинством из перечисленных лиц Каюм Насыри общался в рамках выполнения поручений старшего брата. После возвращения Габдельхая в 1873 г. в Казань, очевидно, эти контакты ослабли или вовсе прекратились.

Единственный коммерческий проект К.Насыри просветительского характера не состоялся по политическим причинам. В декабре 1862 г. К.Насыри и казанский мещанин Мухаметвали Мухаметзаббарович Яхьин обратились к казанскому военному губернатору с просьбой о разрешении издавать еженедельную газету «Таң йолдызы» («Утренняя звезда») на татарском языке. К.Насыри был готов взять на себя обязанности редактора. Искусный литограф Яхьин, готовясь к изданию газеты, в 1859 г., после многократных обращений, сумел получить разрешение Сената на открытие литографии (его литография просуществовала до 1873 г. и за 13 лет издала всего 19 татарских книг) [15, с.182–184].

Недостаток источников не позволяет конкретизировать причинно-следственные аспекты некоторых контактов Насыри и купцов, не имевших коммерческой составляющей. Упрощенно эти контакты правомерно объединить в следующие группы: 1) дружеские отношения по земляческому принципу, 2) трансформировавшиеся в дружеское общение прежние партнерские отношения после отхода Габдельхая (следовательно, и Каюма) от коммерческой стези.

Если учесть, что частная педагогическая практика Насыри началась только с 1870 г., можно предположить, что его дружеское общение с представителями двух поколений казанских купцов Арслановых связано, скорее всего, с определенными услугами К.Насыри по переводу и составлению некоторых документов или их деловым сотрудничеством с его старшим братом Габдельхаем – мыловаром и торговцем.

Проявлением дружеского расположения купцов к К.Насыри являются сохранившиеся в архиве просветителя приглашения на семейные торжества: в 1869 г. от купца Габделмазита Губайдулловича Арсланова (1824 – не позднее 1870 г.) на «Курбан аш» (праздничное застолье по случаю Курбан-байрама) и в 1871 г. от его старшего сына – 2-й гильдии купца Ибрагима Арсланова (1841–1908) в гости [11, б.707–710]. И.Арсланов модернизировал полукустарное мыловаренное производство своего отца в современное небольшое предприятие. В 1866 г. работавшие здесь один мастер и шесть наемных рабочих производили высококачественное ядровое мыло и литые сальные свечи на сумму 3500 руб. Габделмазит Арсланов оформлял на имена сыновей Ибрагима и Исхака доверенности и с ними выезжал с продукцией своего предприятия на Нижегородскую ярмарку и в города Поволжья. После кончины отца старший сын стал во главе семейного бизнеса. В 1880 г. из 9 казанских предприятий, выпускавших мыло, исключая завод Крестовниковых, производство Ибрагима Арсланова с годовым оборотом в 105400 руб. являлось самым крупным. Со второй половины 1880-х гг. на его предприятии стали производить глицерин [28, с.81, 82]. Известно, что в 1870–1880-е гг. с купцом Ибрагимом Арслановым Каюм Насыри несколько раз выезжал на Нижегородскую ярмарку [26, б.50].

Помимо Габдельхая Хусаинова еще один уроженец д. Малые Ширданы добился выдающихся успехов и занял свою нишу на коммерческом поприще. Это – купец 1-й гильдии Мухаметзян Назирович Казаков (1806–1890), который в юности уехал из родной деревни и, заработав некоторую сумму в Казани, в 1830–1860-е гг. успешно торговал в Астрахани, часто навещая Казань. Видимо, он поддерживал дружеские отношения с отцом Каюма – Габденнасыром. Нельзя исключить, что занятие Габденнасыром торговлей мог стать примером для Мухаметзяна в том, что при старании можно достигать поставленных целей и стать успешным человеком. Старший сын Габденнасыра – Габдельхай – в конце 1830-х – 1860-е гг. систематически ездил на крупные ярмарки, в том числе на Астраханское торжище [1, б.630], где, несомненно, пути купцов-односельчан пересека-

лись. В частности, в одной из своих писем за 1863 г. Габдельхай сообщал брату о неприбытии Казакова на Нижегородскую ярмарку [1, б.629]. Средний сын Мухаметзяна Казакова – Мухаметфаиз (1844 г.р.) – занимался торговлей в Казани, а старший сын Мустафа (1835 г.р.) и младший сын Мухаметшакир (1848–1932) в качестве гильдейских купцов вели торговую деятельность в Астрахани и ее округе, не забывая о коммерческих делах в Казани [17, с.204–208].

Приглашение купца 1-й гильдии Мухаметшакира Казакова К.Насыри в 1892 г. на меджлис никах (бракосочетание), а в 1896 г. приглашение на «как-тош мәжлесе» [1, б.630], который организовал, скорее всего, его старший сын Мухаметрахим (1873–1937) [10, с.205] в качестве жениха после возвращения от невесты¹, являются неоспоримыми свидетельствами добрых отношений Казаковых с сыновьями Габденнасыра Хусаинова.

Небольшой круг представителей торговых кругов Казани, с которыми общался Насыри в 1870–1890-е гг., можно обозначить как партнерские, деловые контакты, некоторые из которых, возможно, переросли в дружеско-доверительные отношения.

Они определяются прежде всего сферами деятельности Насыри, которые можно сгруппировать на несколько направлений: 1) научно-исследовательская деятельность; 2) составление различных бумаг и перевод текстов; 3) частная преподавательская практика по обучению русскому языку и светским дисциплинам; 4) издательско-книжное дело; 5) распространение социально значимой информации, научно-популярных знаний и книг для чтения.

Контакты деловых кругов Казани и Насыри рассмотрим в вышепредставленной последовательности.

1) Согласно выявленным источникам, сотрудничество просветителя по изучению истории края ограничивалось буквально несколькими представителями деловых кругов.

Насыри, прежде всего, поддерживал дружеские отношения с Мухаметзяном Аитовым, который интересовался историей родного края. В 1886 г. член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Габдрахман Аминович Ильясов ознакомил участников заседания Общества с историей пребывания Пугачёва в Казани и в одном из номеров газеты «Волжский вестник» за этот год напечатал свой перевод статьи Мухаметзяна Аитова [4, с.100].

¹ «Жених, возвратившись от невесты, собирает друзей, соседей, знакомых прихожан и муллу на меджлис. На стол подают много обычных блюд. Под конец застолья, приносят целиком на подносе как-тош. Благословив Аллаха в молитве, как-тош ломают на куски и подают гостям каждому на отдельном блюде. Делит как-тош и угощает собравшихся муэдзин прихода. Деньги на этом меджлисе обычно не дарят...» – пишет К.Насыри [22, с.38].

К.Насыри уважал М.С. Аитова и в своих трудах более 10 раз сделал ссылки на его тексты [4, с.100].

В период подготовки к 100-летию со дня рождения просветителя в фундаментальной библиотеке Казанского университета среди бумаг И.Готвальда, являвшего в 1855–1874 гг. цензором издаваемых в Казани книг на восточных языках, были выявлены четыре тетради рукописей К.Насыри с обгоревшими краями. Исходя из того, что тексты были переписаны красивым почерком, у Г.Губайдуллина, изучавшего эти рукописи, создалось впечатление, что они были предоставлены для официального рассмотрения на предмет возможности публикации, однако по какой-то причине это сделать не удалось. В конечном счете, татарские ученые, ознакомившись с рукописями, пришли к заключению, что эти материалы были переданы просветителем Готвальду на хранение [9, б.64]. Эти материалы были опубликованы в 1926 г. в сборнике «Каюм Насыйриның моңарчы басылмаган әсәрләре» («Неизданные произведения Каюма Насыри»), среди которых была и статья «Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр» («Легенды о Луке Конашевиче, Пугачеве и Ишбулат мулле») [2, б.19–30]. (Переиздан в 1974 г. в 1-м томе «Избранных произведений» просветителя) [3, б.71–81]. В 1976 г. историк С.Х. Алишев доказал, что текст «Легенды о Луке Конашевиче, Пугачеве и Ишбулат мулле» является трудом начинающего татарского историка, казанского купца Мухаметзяна Сулеймановича Аитова [4, с.98–110].

Насыри также поддерживал дружеские отношения с предпринимателем Валием Гиззатуллиным, выпускником медресе «Марджания», который интересовался науками [26, б.70].

2) По второму направлению сотрудничества в архиве Насыри не удалось выявить заказчиков из числа купцов и торговцев, обращавшихся с просьбами по переводу или составлению текстов, хотя сотрудничество в этой сфере, несомненно, осуществлялось.

3) Каюм Насыри, в совершенстве овладевший за 15 лет работы в Казанской духовной семинарии методикой обучения татарскому языку в иноязычной аудитории, воспринимался купцами высококвалифицированным специалистом по обучению русскому языку татарских мальчиков и юношей и имел высокий рейтинг в этой области сферы услуг среди своих коллег. Можно утверждать, что с 1970-х гг. в течение трех десятилетий К.Насыри в качестве домашнего учителя успел обучить русскому языку и грамоте по крайней мере представителей двух поколений казанцев. По нашему мнению, несмотря на игнорирование мусульманским сообществом и духовенством К.Насыри, в своей домашней школе он чувствовал себя вполне комфортно. К нему приходили юноши, молодые люди, которых просветитель обучал русскому языку и грамоте, другим предметам. Для них он являлся авторитетным Наставником и Педагогом. Из этой ученической аудитории Насыри подпитывался жизненной энергией. Благодаря преподавательской работе, он всегда чувствовал себя востребованным

и одновременно получал глубокое моральное удовлетворение от результатов педагогической деятельности. В этом заключается творческое долголетие просветителя Насыри как методиста, переводчика, писателя, составителя учебников, календарей и других трудов.

Ученики, которых обучал Насыри, становились самыми близкими людьми просветителя. Он любил способных учеников, ругал ленивых. С избранными и близкими к своему духу учащимися общался за чашкой чая. Также принимал на обучение и детей бедняков, обучал безвозмездно в случае, если ученик переписывал красивым почерком набело за день 8 листов (за это он преподавал три учебных часа, т.е. один учебный день бесплатно) [21, б.484–485].

Самое главное – сыновья татарских купцов и предпринимателей Казани, обучавшиеся в домашней школе К.Насыри, являлись в конце XIX – начале XX в. активными акторами социокультурного развития татаро-мусульманского сообщества.

Сын купца Мухаметзяна Аитова – Сулейман – в юношеском возрасте обучался в домашней школе Каюма Насыри русскому языку и грамоте. Спустя годы, женившись и став отцом, Сулейман Аитов, помня уроки наставника, обратился к нему с просьбой о подготовке старшего сына Измаила для поступления в гимназию. Отозвавшись на просьбу, в 1893–1899 гг. в доме, расположенном во дворе усадьбы купца, в качестве домашнего учителя просветитель обучал группу мальчиков из восьми человек (сын С.Аитова, сын одного из троицких купцов Яушевых, 6 детей бедняков) языкам, светским наукам и основам ислама. В 1899 г. Аитов прекратил сотрудничество с мугаллимом; подопечным Насыри поступать в гимназию помогал Ахмадхади Максуди [26, б.52].

Помимо С.Аитова особое почтение Насыри оказывал один из богатейших людей Казани – купец 1-й гильдии М.Кушаев [6, б.518]. Полагаем, что причиной такого уважительного отношения также являлось обучение близких ему людей русской грамоте или другие услуги Насыри, связанные с переводом или составлением документов.

Однако Насыри избирательно подходил к участию в меджлисах, потому что на них могли быть приглашены его оппоненты из числа мусульманского духовенства. Большое значение в таких мероприятиях имело место гостя, куда сажала приходящих принимающая сторона. По сведениям Г.Рахима, нередко хозяева рекомендовали Насыри места за столом, где рассаживались гости 3-й или 4-й «степеней» [26, б.68–69].

4) Помимо обучения сыновей купцов русскому языку, важнейшей сферой сотрудничества просветителя с торговцами было призвано стать издательско-книжное дело. Однако Насыри предпочитал печатать свои книги в типографии Казанского университета, несмотря на дороговизну его услуг по сравнению с частными типографиями. По мнению А.Г. Каримуллина, для многих заказчиков сотрудничество с университетом было

привлекательно тем, что и цензор, и центральные ведомства никогда не придирались к деятельности этой типографии [15, с.59].

Не имеющий лишних средств Насыри нуждался в спонсорах и в первые годы издания календарей успешно находил предпринимателей, желающих оказывать материальную помощь. В 1870 г. расходы на первое издание календаря взял на себя Абдуллин Ибрагим, сын Габдрашита. Глубоко символично, что Ибрагим был наследником печатни М.Яхъяина, с которым К.Насыри подавал в 1862 г. прошение издавать газету на татарском языке [16, б.13]. Затраты на совершенно новое печатное издание, несомненно, были связаны с коммерческими рисками.

В 1874 г. календарь (на 1874 г.) был опубликован при денежной помощи Мухаметзяна Мифтахетдинова, в 1875 г. издателем Календаря на 1875 год стал казанский мещанин Шагиахмет сын Сулеймана Биккиниев, Календаря на 1876 год – Мухаметназип Галиакберов [13, б.576]. Эти партнеры просветителя, очевидно, являлись сторонниками распространения востребованных в практической жизни знаний и информации среди мусульман.

В эти годы календарь издавался тиражом в 1200 экз. Однако, видя убыток в этом проекте вследствие недостаточной популярности среди читателей ежегодного календаря, партнеры Насыри воздержались от дальнейшего сотрудничества с автором-составителем данного издания. Когда покупательский спрос уменьшился, Насыри начал издавать свое детище на собственные средства, сократив тираж сначала до 800 экз., затем – до 600 экз. В 1891 г. Насыри издал календарь в количестве 500 экз., однако осталась нераспроданной половина тиража, в 1892 г. он был вынужден сократить тираж до 200 экз. Невостребованность календарей удручающе повлияла на издателя: «Для радости никаких оснований не имеется», – с горечью писал он по этому поводу [27, б.26].

Насыри жаловался на нежелание татарских предпринимателей печатать его труды [26, б.80].

К радости, в конце XIX в. отчетливо проявилась тенденция роста заинтересованности населения календарями, о чем свидетельствует возросший стабильный тираж последних двух изданий календарей Насыри в 1896 и 1897 гг. – по 1200 экз. [20, с.168]. Стабильность тиража означала превращение календарей в книги семейного чтения, потому что, помимо характерных для настольных календарей атрибутов, в них было много научно-практической информации и полезных советов для ведения домашнего хозяйства в повседневной жизни.

Верной приметой популярности книг является коммерциализация изданий, когда книготорговцы проявляют инициативу по публикации и реализации произведения, выделяя гонорар автору. К.Насыри дожил до такого дня. Однако у этого сотрудничества имелась обратная сторона: пользуясь своим доминирующим положением, и, возможно, учитывая переиздание трудов, книготорговцы ставили жесткие коммерческие условия: ав-

тор жаловался, что они буквально обирают его [26, б.80]. Действительно, сотрудничество казанских предпринимателей с просветителем основывалось исключительно на рыночных отношениях – на скрупулезные подсчеты прибыльности печатания его произведений. Спрос на труды Насыри определялся в зависимости от успешной реализации на книжном рынке первого издания книги. Так, второе издание «Кырык вэзир кыйссасы» в 1875 г. состоялось благодаря казанскому мещанину Ахметсафе – сыну Хунзяра Хамзина [13, б.756]. В 1882 г. книготорговец Мухаметназип Галиакберов переиздал в типографии Вячеслава на свои средства «Гакаид рисаләсе» («Трактат по акаде») Насыри [17, с.692]. В эту сюжетную линию вписывается издание в 1878 г. книги «Татарча-русча лөгать» («Татарско-русский словарь») мещанином книготорговцем Фатхуллой Амашевым [13, б.771–772], который, очевидно, учел спрос среди татарской молодежи на новое пособие по изучению государственного языка.

Книготорговец, уроженец дер. Нижней Айши Казанского уезда Исмаил Шамсутдинов, сын Назметдина, в 1900 г. переиздал его сборник рассказов об Ибн Сине (тираж – 4800 экз.) [18, с.195], книги «Кырык вэзир кыйссасы» (тираж – 4800 экз.) [19, с.248] и «Жэвахир әл-хикәят вә әл-асилә вә ләтаиф әр-риваят вә әл-әмалә тәржемә мин китаб әнис әл-жәлис лили-имам әс-Сойутый рәхмәте». В 1901 г. он же переиздал книгу «Әхлак рисаләсе» («Трактат о нравственности») и пособие для обучения детей чтению «Иршад әл-һибә илә тәгълим әлифба. Балаларны ижеккә төшендермәк өчен гадәткә кадим үзрә бер тәгълимдер» («Наставление в подарок и алфавит для воспитания. Методика для обучения детей по слогам, отличающаяся от принятых традиционностью») [13, б.771–772].

В последний год жизни великого просветителя сын его старшего брата Габдельхая – Габдулман – опубликовал за свой счет популярную среди мусульман книгу «Кырык бакча» [8, б.127].

Традиционным местом оптовой реализации татарских изданий являлись региональные ярмарки, места розничной торговли – книжные лавки. Так, переходя из рук в руки предпринимателей и книготорговцев, труды Насыри становились товаром.

В последней трети XIX в. в Казани существовала разветвленная сеть магазинов книжной торговли. В 1877 г. в Казани имелось 15 русских и 5 татарских (лавки мещан Ф.Амашева, М.Салихова, мещанки Биби-Ахмеровой, крестьян Насыбуллина (с 1872 г.) и Мухаметзянова (с 1876 г.)) точек продажи книжной продукции. Уже в 1881 г. в губернском городе книги продавались в 19 русских и 15 татарских лавках, в том числе у Ф.Амашева, Мусина, Б.Ахмеровой, временного казанского купца Абдульмеева, крестьян Мухаметзянова, Насыбуллина, Галиакберова, Ишмуратова, Мукминова (в 1877 г.), Аминова, Ш.Хусаинова, Ишмухаметова, казанского мещанина Ахмадуллина (с 1880 г.), свияжского мещанина Абдуллина, Амирханова (с 1881 г.) [7, с.104]. Свои труды на продажу Насыри сдавал некоторым книготорговцам. Например, один из выпусков «Казанского

календаря» для продажи Насыри передал Назибу Зиганшину, чья лавка находилась на Сенной улице, на углу у лавки Муллина², в середине 1890-х гг. сдавал книги на продажу под проценты Хусаинову [12, б.60], в 1901 г. – в точку продажи Каримовых и Кадыровых [6, б.515].

«В ассортименте книжного товара присутствовали казанские издания и привозные, на татарском языке, арабском, персидском и др. Количество книг было немного, поскольку основная их часть распространялась в условиях нестационарной торговли», – отмечает специалист по истории татарской книги Г.Г. Габдельганеева [7, с.104]. Насыри также реализовывал тиражи своих книг и календарей через сеть нестационарной торговли: вел записи о количестве переданной книжной продукции, также не отказывал лицам, которые приходили в его съемную квартиру за приобретением книг. Таким образом, еще одной группой лиц, с которыми общался Насыри, являются мелкие книготорговцы [25, б.34].

Публикация Насыри в своем Календаре на 1889 год информации об императорском указе от 16 июля 1888 г. о введении с 1891 г. в округе ОМДС русского образовательного ценза для кандидатов на мусульманские приходские духовные должности вызвала волнения мусульман Волго-Уральского региона [5, с.101]. В связи с этим инцидентом у местной полиции возник вопрос к издателю по поводу законности реализации им своей книжной продукции. Реагируя на запрос властей, Насыри подал на имя казанского губернатора прошение, поступившее в его канцелярию 12 октября 1889 г., с просьбой разрешить заниматься книжной торговлей «во 2-й части Казани, на Сенной площади» [29, с.219]. Таким образом, этот документ можно считать официальным подтверждением того, что книги Насыри занимали свою нишу в сфере книготорговли.

В целом, участие деловых кругов в издательско-книжном деле Насыри оказалось мизерным. Только первые издания календарей были материально поддержаны несколькими лицами. В остальных случаях предприниматели, изучив книжный рынок, ориентировались, главным образом, на переиздание книг просветителя. Отказ книготорговцев от сотрудничества означал серьезные материальные трудности и негативно сказывался на тиражах трудов. В результате в издательско-книжном деле Насыри одновременно выступал автором, издателем книг и торговцем, реализуя книжную продукцию в лавках книготорговцев и своей наемной квартире.

5) В сфере распространения социально значимой информации, научно-популярных знаний, специально адресованных предпринимательским кругам, следует отметить, прежде всего, ежегодные календари просветителя (публиковались в течение 24 лет за исключением 1886, 1887 и 1895 гг.).

² Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ («Мирасханә») (ЦПН). Ф.11. Оп.1. Д.15. Л.1.

В календарях можно выделить разнообразную информацию, ориентированную на планирование деятельности торгово-промышленных кругов. Речь идет о следующих материалах, адресованных предпринимателям: о датах проведения ярмарок в различных городах страны, о торговой пошлине, о правилах участия на ярмарках и в торговле в городах, об открытии аптеки, о порядках получения гильдейского купеческого звания, о паспортах для выезда за границу и переводе денег за границу, о банковских услугах, иногда о времени проведения базаров в населенных пунктах близ Казани и т.д. [16, б.18, 19–20].

Для облегчения передвижения по стране в 1879 г. просветитель разместил в календаре большую статью «Железные дороги в России» («Россиядәге тимер юллар»), в которой предоставил некоторую информацию по экономической географии империи, рассказал о порядке пользования железнодорожным транспортом, указал названия узловых станций, разместив таблицу расстояний между городами и приложив составленную им карту сети железных дорог в стране [25, б.26–27].

Еще одной темой, которая красной нитью проходит по большинству изданий, следует признать его рекомендации по облегчению использования почтовых услуг, в том числе разъяснение названия корреспонденций (открытое письмо, заказное письмо, бандероль, посылка, ценная посылка, отправка писем за границу, правила использования телеграфа и т.д.) [16, б.19]. Обобщая смысловой посыл этой группы справочного характера материалов, их можно назвать как информационное сопровождение прокладывания пути к модернизации.

Один из современников просветителя вспоминал, что книги Насыри читали шакирды и приказчики. По мнению Г.Рахима, некоторые из богатых людей Казани также являлись читателями его трудов [26, б.69].

Насыри общался с деловыми кругами на равных, без какого-либо подхалимства, характерного для духовных лиц [26, б.68].

В целом, Насыри отзывался о татарских купцах положительно, глубоко осознавая их роль в обеспечении существования городских мечетей, конфессиональных учебных заведений и духовенства. Во время общения одной из групп шакирдов городского медресе Приозерное (Апанаевское) в середине 1890-х гг. Насыри критиковал городское духовенство за то, что оно не ценит труд и старание городских богачей [14, б.162].

Перу Насыри принадлежат оставшиеся в рукописи воспоминания о 32 казанских купцах и торговцах первой половины – середины XIX в. с разной по объему информацией об их жизни (указывал место их рождения, медресе, в котором получили религиозное образование, сферу деятельности) [23, б.353–359].

Следует отметить, что за исключением некоторых лиц, Насыри характеризует татарских предпринимателей как достойных мусульманских купцов: они были нерасточительны, жили скромно, не строили больших жилых помещений, вели свои дела, умело распоряжаясь капиталами,

не закладывали свою недвижимость, не оставляли долгов после смерти, защищали интересы мусульман-простолюдинов («кеше хакын якладылар»), из своих средств до последней копейки выделяли закят, за получением которого у их ворот собиралось до пятисот, одной тысячи человек; благодаря благочестивости у них коммерческие операции были удачливее, а потребности – поменьше [23, б.359].

Негативного плана оценки отдельных торговцев отложились в личном архиве просветителя. В частности, низкой и бессовестной личностью он характеризует казанского бая Сафу хаджи Галикеева [24, б.287].

Резюмируя, отметим, что во второй половине 1850-х – 1860-е гг. Насыри выступал как представитель московского гильдейского купца, своего старшего брата Габдельхая. В последующие десятилетия в большинстве случаях просветитель контактировал с предпринимателями в качестве домашнего учителя русского языка и светских дисциплин для их сыновей, а также переводчика документов и составителя прошений. Именно эти контакты обеспечивали стабильный доход, часть которого он вкладывал в издание своих трудов. Только в 1870-е гг. несколько предпринимателей – сторонники распространения среди мусульман социально востребованной информации – становились партнерами Насыри в качестве издателя его ежегодных календарей. В целом сотрудничество книготорговцев с Насыри носило локальный характер и основывалось на конъюнктуре книжного рынка. По этой причине К.Насыри был вынужден издавать труды на собственные средства и сам же заниматься их реализацией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абыйсы Габделхэй язган хатлар // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б.604–662.
2. Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. Б.19–30.
3. Аксак Каратун, Пугачев һәм Ишбулат мулла хакында риваятьләр // Насыри К. Сайланма әсәрләр. Ике томда. Беренче том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. Б.48–57.
4. Алишев С.Х. По следам минувшего. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 128 с.
5. Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу (Социальная и национально-освободительная борьба татарского народа. II половина XVI – XIX вв.). Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 158 с.
6. Бәхтияров В. Каюм абый Насыри турында кечек бер истәлек // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б.514–522.
7. Габдельганеева Г.Г. История татарской книги (от истоков до 1917 г.): учебник. Казань: Отечество, 2013. 236 с.

8. *Гайнуллин М.Х.* Каюм Насыров в документах // Каюм Насыри, 1825–1945: (Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения / отв. ред. Н.И. Воробьев. Казань: Татгосиздат, 1945. С.116–128.

9. *Гобәйдуллин Г.* Каюм Насыри кулъязмаларының гыйльми кыйммәте турында // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Гали Рәхим карамагында. Казан: Татарстан дәүләт нәшрияты басмасы, 1926. Б.64–102.

10. *Губайдуллин С.* Казаковы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. №2. С.204–216.

11. *Дәгъватнамәләр* // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р.Ф. Исламов. Казан, 2017. Б.707–711.

12. *Ибраһимов Ф.* Бер мәкалә уңае белән // Совет мәктәбе. 1975. №3. Б.59–62.

13. *Исламов Р.* Хезмәтләре // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б.755–811.

14. *Исхаков М.Г.* Габделкаюм Насыри // Исхаков М.Г. Әсәрләр: 15 т. 12 т.: публицистика / төз., текст. иск. һәм аңлат. әзерл. Зөфәр Мөхәммәтшин. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. Б.160–166.

15. *Каримуллин А.Г.* Татарская книга пореформенной России. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 312 с.

16. *Кәримуллин Ә.Г.* Каюм Насыриның календарьлары // Әйдә халыкка хезмәткә (күренекле татар публицистлары). Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. Б.11–56.

17. *Катанов Н.* Акаид рисаләсы (Послание относительно вероучения) // Деятель. 1897. №12. С.692.

18. *Катанов Н.Ф.* Раис’уль хакума Абу’Алий-Сина кыссасы // Деятель. 1901. №4. С.195.

19. *Катанов Н.Ф.* Кырык везир кыссасы (Сказки 40 везирей) // Деятель. 1901. №5. С.248.

20. *Миннуллина Л.З.* Татарские печатные календари XIX – начала XX вв.: Исследование. Казань: Изд-во «Заман», 2015. 175 с.

21. *Мозаффар М.* Габделкаюм Насыри әфәнде хақында // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык / төз. Р.Ф. Исламов. Казан: Жыен, 2017. Б.483–494.

22. *Насыри К.* Материалы по татарской этнографии // Насыри К. Избранные произведения / сост.: С.Х. Алишев, М.В. Гайнутдинов, Х.Ш. Максutow. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. С.18–40.

23. *Насыри К.* Казан байлары // Каюм Насыри. Сайланма әсәрләр. 4 томда. 1 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. Б.353–359.

24. *Насыри К.* Сафа Хажи Галикәев дигән татар бае турында // Насыри К. Сайланма әсәрләр. Ике томда. Икенче том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. Б.287.

25. *Ногман М. Н.И.* Лобачевский исемендәге Фәнни китапханә кулъязмаларының тасвирламасы. III чыгарылыш. Каюм Насыри кулъязмалары / җаваплы ред. Ә.Г. Кәримуллин. Казан: ТАССР Культура министрлыгының Татполиграф типографиясе, 1958. 49 б.

26. *Рәхим Г.* Каюм Насыриның тәржемәи хәле // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / редкол.: И.Г. Гомәров (проект җит. һәм җавап. мөх.), З.З. Рәмиев, А.М. Ахунов; төзүчеләр: Л.Ш. Гарипова, Г.М. Ханнанова. Казан: ТӘҺСИ, 2020. Б.42–81.

27. *Рәхимова Р.К.* Каюм Насыриның «Санаигъ галвания» китабы. Транслитерация, лексика һәм сүзлек. Казан: Иман, 2002. 116 б.

28. *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Историко-документальные очерки. Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 1998. 168 с.

29. *Хасанишина Л.Ж.* «Желая открыть торговлю книгами» (Документы о Каюме Насыри в фондах НА РТ) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. №3/4. С.217–221.

Информация об авторе:

Загидуллин Ильдус Котдусович – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0501-2177; e-mail: zagik63@mail.ru

Поступила 16.01.2025

Принята к публикации 31.01.2025

Contacts of Kazan business circles and the Tatar educator K. Nasyri

I.K. Zagidullin

*Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article, dedicated to the 200th anniversary of the Tatar scholar and encyclopedist Kayum Nasyri (1825–1902), highlights the contacts between the educator and the Tatar business circles of Kazan. In the second half of the 1850s – 1860s, Nasyri acted as a representative of the Moscow guild merchant, his elder brother Gabdelkhay. In the following decades, in most cases, the educator contacted entrepreneurs as a home tutor of the Russian language and secular subjects for their sons, as well as a translator of documents and a writer of petitions. It was these contacts that provided a stable income, part of which he invested in publishing his works. Only in the 1870s, several entrepreneurs – supporters of the dissemination of socially relevant information among Muslims – became partners with Nasyri as a publisher of his annual calendars. In general, the cooperation of booksellers with Nasyri was local in nature and was based on the conjuncture of the book market. For this reason, K. Nasyri was forced to publish works at his own expense and sell them himself.

Keywords: Kayum Nasyri, Tatar enlightenment, Kazan trade and merchant circles, Aitov merchants, Kazakov merchants, Arslanov merchants

For citation: Zagidullin I.K. Contacts of Kazan business circles and the Tatar educator K. Nasyri. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp. 133–147. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.133-147> (In Russian)

REFERENCES

1. *Letters written by his uncle Abdul Hai Qayyum Nasiri: a literary-historical and documentary-biographical collection*. Compiled by R.F. Islamov. Kazan: Zhyen Publ., 2017. Pp. 604–662. (In Tatar)
2. Legends about Aksak Karatun, Pugachev, Mullah Ishbulat. *Unpublished works of Kayum Nasyri. Assembly*. Ed. by Gali Rakhim. Kazan: State Publishing House of Tatarstan Publ., 1926. Pp.19–30. (In Tatar)
3. Legends about Aksak Karatun, Pugachev, Mullah Ishbulat. *Nasyri K. Selected works. In 2 volumes. Vol.1*. Kazan: Tatar book Publ., 1974. Pp.48–57. (In Tatar)
4. Alishev S.Kh. *In the footsteps of the past*. Kazan: Tatar book Publ., 1986. 128 p. (In Russian)
5. Alishev S.Kh. *The thorny path of the struggle for freedom (social and national liberation struggle of the Tatar people (second half of the 16th – 19th centuries))*. Ed. by I.R. Tagirov. Kazan: Fen Publ., 1999. 158 p. (In Russian)
6. Bakhtiyarov V. A little story about Kayum Nasyri. *Kayum Nasyri: a literary-historical and documentary-biographical collection*. Compiled by R.F. Islamov. Kazan: Zhyen Publ., 2017. Pp.514–522. (In Tatar)
7. Gabdelganeeva G.G. *History of the Tatar book (from origins to 1917): text-book*. Kazan: Otechestvo Publ., 2013. 236 p. (In Russian)
8. Gainullin M.Kh. Kayum Nasyrov in documents. *Kayum Nasyri, 1825–1945: (materials of scientific sessions dedicated to the 120th anniversary of his birth)*. Ed. by N.I. Vorobyov. Kazan: Tatgosizdat Publ., 1945. Pp.116–128. (In Russian)
9. Gubaidullin G. On the scientific value of Kayum Nasyri manuscripts. *Unpublished works by Kayum Nasyri. Assembly*. Kazan: State Publishing House of Tatarstan Publ., 1926. Pp.64–102. (In Tatar)
10. Gubaidullin S. Kazakovs. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2004, no.2, pp.204–216. (In Russian)
11. Claims. *Kayum Nasyri: a literary-historical and documentary-biographical collection*. Compiled by R.F. Islamov. Kazan: Zhyen Publ., 2017. Pp.707–711. (In Tatar)
12. Ibragimov F. Regarding one article. *Soviet school*. 1975, no3, pp.59–62. (In Tatar)
13. Islamov R. Works. *Kayum Nasyri: a literary-historical and documentary-biographical collection*. Compiled by R.F. Islamov. Kazan: Zhyen Publ., 2017. Pp.755–811. (In Tatar)
14. Iskhakov M.G. Abdulkayum Nasyri. *Iskhakov M.G. Works: in 15 volumes. Vol.12*. Compiled by Zufar Mukhammetshin. Kazan: Tatar book Publ., 2012. Pp.160–166. (In Tatar)
15. Karimullin A.G. *Tatar book of post-reform Russia*. Kazan: Tatar book Publ., 1983. 312 p. (In Russian)
16. Karimullin A.G. Kayum Nasyri calendars. *Let's serve the people (prominent Tatar publicists)*. Kazan: Tatar book Publ., 1985. Pp.11–56. (In Tatar)
17. Katanov N. Akaid risalesy (message regarding doctrine). *Activist*, 1897, no.12. (In Russian)
18. Katanov N.F. Raisul hakuma Abualiy-Sina kyssasy. *Activist*, 1901, no.4. (In Russian)

19. Katanov N.F. Kyryk vezir kyssasy (tales of 40 viziers). *Activist*, 1901, no.5. (In Russian)
20. Minnullina L.Z. *Tatar printed calendars of the 19th – early 20th centuries: research*. Kazan: Zaman Publ., 2015. 175 p. (In Russian)
21. Muzaffar M. About Mr. Abdulkayum Nasyri. *Kayum Nasyri: a literary-historical and documentary-biographical collection*. Compiled by R.F. Islamov. Kazan: Zhyen Publ., 2017. Pp.483–494. (In Tatar)
22. Nasyri K. Materials on Tatar ethnography. *Nasyri K. Selected works*. Compiled by S.Kh. Alishev, M.V. Gainutdinov, Kh.Sh. Maksutov. Kazan: Tatar book Publ., 1977. Pp.18–40. (In Russian)
23. Nasyri K. Rich people of Kazan. *Kayum Nasyri. Selected works. In 4 volumes*. Vol.1. Kazan: Tatar book Publ., 2003. Pp.353–359. (In Tatar)
24. Nasyri K. About the Tatar rich man Safa Hadji Galikaev. *Nasyri K. Selected works. In 2 volumes*. Vol.2. Kazan: Tatar book Publ., 1975. P.287. (In Tatar)
25. Nogman M. Description of the manuscripts of the N.I. Lobachevsky Scientific Library. *Kayum Nasyri manuscripts*. Issue 3. Ed. by A.G. Karimullin. Kazan: Printing house of the Ministry of Culture of the TASSR Tatpolygraf Publ., 1958. 49 p. (In Tatar)
26. Rahim G. Biography of Kayum Nasyri. *Spiritual heritage: searches and discoveries*. Ed. by I.G. Gomov, Z.Z. Ramiev, A.M. Akhunov. Compiled by L.Sh. Garipova, G.M. Khannanova. Kazan: TAHSI, 2020. Pp.42–81. (In Tatar)
27. Rakhimova R.K. *Book of Kayum Nasyri “Sanaig galvania”*. Transliteration, vocabulary, and vocabulary. Kazan: Iman Publ., 2002. 116 p. (In Tatar)
28. Sverdlova L.M. *Merchants of Kazan: deeds and people. Historical and documentary essays*. Kazan: Matbugat jorty Publ., 1998. 168 p. (In Russian)
29. Khasanshina L.Zh. “Wishing to open a book trade” (documents about Kayum Nasyri in the funds of the National Archive of the Republic of Tatarstan). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2010, no.3–4, pp.217–221. (In Russian)

About the author:

Zagidullin Ildus Kotdusovich – Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0501-2177; e-mail: zagik63@mail.ru

Received January 16, 2025

Accepted for publication January 31, 2025

УДК 929(297.1)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.148-154>

К 150-летию Мусы Джаруллаха Бигиева

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена обзору значимости научной и религиозно-общественной деятельности выдающегося татарского религиозного мыслителя, теолога и философа первой половины XX в. Мусы Джаруллаха (Ярулловича) Бигиева, 150-летие которого отмечается в 2025 г.

Ключевые слова: Муса Бигиев, исламская теология, татарская религиозная мысль, мусульманское обновленчество

Для цитирования: Хайрутдинов А.Г. К 150-летию Мусы Джаруллаха Бигиева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С. 148–154. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.148-154>

25 декабря 2025 г. исполняется 150 лет со дня рождения Мусы Джаруллаха (Ярулловича) Бигиева (1875–1949) – выдающегося религиозного мыслителя, теолога, философа, религиозного и общественного деятеля обновленческого толка, автора многочисленных трудов по различным аспектам ислама как религии и социообразующего феномена.

Муса Бигиев родился в 1875 г. в дороге, во время переезда его родителей из родной деревни Кикино Пензенской губернии к новому месту работы главы семейства Яруллаха Габдулкаримовича Девликамова в г. Ростов-на-Дону. Азы религиозного знания он получил от своей матери Фатимы Хабибулловны Бигиевой, затем была учеба в «Петровском» реальном училище г. Ростова-на-Дону, в медресе Апанаевых в Казани, в медресе Мир-и Араб в Бухаре, в знаменитом университете Аль-Азхар в Каире, ряде других медресе в различных частях исламского мира, и, наконец, на юридическом факультете Санкт-Петербургского императорского университета. В действительности Муса Бигиев занимался самообразованием на протяжении всей своей жизни.

В 1904 г. Муса Бигиев вернулся на Родину из длительного путешествия. В 1930 г. он был вынужден эмигрировать за границу. Великий исламский ученый скончался 25 октября 1949 г. в Каире [3, с.13].

Муса Джаруллах Бигиев был человеком, посвятившим свою жизнь, все свои силы, способности, энергию и накопленные знания делу пробуждения мусульманского мира от многовекового духовного и интеллекту-

ального сна. Бигиев до сих пор впечатляет независимостью, философской глубиной и оригинальностью своих идей. При этом, он был мыслителем, в котором была укоренена непоколебимая вера и убежденность в величии и совершенстве религии ислама. Он был религиозным ученым с широким кругозором и глубокими знаниями, носителем высокой нравственности и человеколюбия. Также он был знатоком точных и естественных наук. С этой позиции он утверждал, что недопустимо разделение наук на т.н. «религиозные» и «светские» [1, с.178–179]. По его мнению, поскольку Творец дал человеку способность различать добро и зло, полезное и вредное, то каждое достижение и открытие человека, служащее облегчению жизни и являющееся шагом к благополучию, имеет также и религиозное значение, представляет собой акт духовного роста. Религия позволяет человеку использовать в своей жизни пользу и благо этих открытий, отвергая все негативное. Этот метод до сих пор является единственной мерой, применимой к шариату, физике, политике, этике.

Муса Бигиев также заслуживает того, чтобы быть принятым и признанным в качестве обновителя ислама, т.е. муджаддида XX в., тем более, что такой статус за ним признал последний шейхульислам Османской империи шейх Мустафа Сабри (1869–1954). Однако, если наследие муджаддидов до него уже давно получило широкое распространение и стало духовным и религиозным наследием ислама, впитанным в его тело и кровь, то изучение духовного, научного и этического наследия Мусы Бигиева, правильное его понимание и применение на практике – задача, которая должна быть решена в ближайшем будущем, поскольку идеи и понимание ислама великим татарским мыслителем значительно опередили свое время. Чтобы суметь оценить его наследие, взгляды, открытия и предложения, человек должен быть духовно, интеллектуально, сознательно и морально зрелым и готовым принять новую науку. К сожалению, среди современников Бигиева было мало людей, обладавших достаточной степенью осознанности, ума, чуткости и достоинства, чтобы понять, принять и взять на вооружение его идеи и наставления. На это были способны только сильные духом, чистые сердцем и безупречной совестью люди. Остальная часть мусульманской общины продолжала оставаться в глубокой догматической летаргии. Поэтому даже в наши дни невероятно сложно оценить наследие Мусы Бигиева, понять его важность и ценность, а главное, реализовать его и превратить в религиозную практику.

Число духовных и интеллектуальных прорывов Мусы Бигиева в области религиозных наук, которые он совершил и запечатлел в своих трудах, исчисляется десятками. Его книги и статьи издавались как в России, так и за рубежом, распространяясь по всему мусульманскому миру. Если сопоставить эпоху Бигиева с нашим временем, то нетрудно осознать, что этот ученый, писавший на бумаге простым пером и карандашом, оставил

невероятно большое, объемное и глубокое по своему содержанию научное, философское и литературное наследие.

По своему содержанию изданные работы Мусы Бигиева относятся к следующим областям религиозной, религиозно-философской и, в целом, гуманитарной теории и практики: коранические науки, тафсир, перевод Корана; сира; хадис и хадисоведение; исламское вероубеждение (акида); критика калама; религиозное право (фикх), методология религиозного права (усуль аль-фикх) и проблемы шариата (маса'ил шар'иййа); теория шариата; исламская религиозно-философская мысль; политические и социальные проблемы мусульманского общества; документалистика; арабская, персидская, турецкая и татарская филология; история религий и общественной мысли, история ислама; биографические труды; переводы с западных языков и с русского языка; переводы на русский язык [4, с.60].

Вспомним некоторые жемчужины его духовного и научного наследия, способные скорректировать и понимание нами религии, и наше отношение к жизни и мировоззрение вообще: учение о всеохватности божьего милосердия и конечности наказания в аду [2], богословско-правовое решение проблемы о посте и молитве в период долгих дней и белых ночей, переосмысление, обновление теории и методологии исламской правовой науки – усуль аль-фикх, переосмысление роли женщины в исламском обществе и решение этой проблемы как условие развития исламского мира, решение вопросов о запретном и дозволенном в пище мусульман, а также убедительное богословское подтверждение недопустимости употребления алкогольных напитков и дурманящих веществ, решение об отсутствии в Священном Коране отмены одного аята другим (практика насх ва мансукх), опровержение многовековой практики таклида, критика шиитских воззрений с точки зрения Корана, Сунны и принципов единобожия, исправление ошибок в типографских изданиях Корана и, в целом, объяснение им причин, по которым мусульманский мир стал невольником в руках Запада, важность и необходимость свободного иджтихада, трансформация исламского образования, вопросы его приведения в конкурентоспособное по отношению к другим образовательным системам состояние, создание глобального мусульманского единства, разъяснение достоинств исламской религии, новый подход к вопросам эсхатологии, таким как Конец времен, приход имама Махди, второе пришествие Иисуса, народы йаджудж-маджудж.

Общее количество прижизненно изданных книг ученого превышает 71 наименование. Это не считая статей, опубликованных в российской и османской периодической печати. И все это сделал человек, который непрерывно путешествовал: Германия, Финляндия, Румыния, Польша, Япония и колонии в Юго-Восточной Азии (ныне Малайзия), Османское государство и его территории в Хиджазе (ныне – территории Саудовской Аравии), Палестине (ныне Израиль), Ливане и Шаме (современные Иордания и Сирия). Он посетил такие страны, как Ирак, Анатолия (азиатская часть

современной Турции), Египет, Иран, Афганистан, Китай, Британская Индия (ныне Индия и Пакистан), и он задокументировал в своих книгах и статьях состояние исламского мира, которое он видел собственными глазами.

Муса Джаруллах Бигиев был, так сказать, «живым университетом», и он один проделал такой объем работы, который, если бы это нужно было сделать сегодня, потребовал бы напряженной работы десятков, а то и сотен специалистов. Его многогранное письменное наследие прививало читателям любовь к исламу, показывали мусульманам пути и инструментарий для духовного и цивилизационного возрождения, возможности избавления от удушающих оков таклида, выражавшегося в подражании решениям древних авторитетов, что привело к добровольному заключению мусульман в узких рамках духовно-интеллектуального гетто. В своих работах ученый раскрыл суть таких понятий, как истинная вера и богоугодное действие, свобода мысли, чистота характера, доброта и искренность, а также поведал о методах решения проблем в области образования, воспитания и нравственности ради спасения исламского мира от застоя и разделения. Некоторые из идей, представленных Мусой Бигиевым, только сейчас становятся находками религиозных ученых и исламоведов из числа наших современников, живущих за пределами мусульманского мира, и приняты как великие новости и важные открытия. Но если бы они были знакомы с трудами Мусы Бигиева, то они вынуждены были бы признать, что ничего нового они не придумали. Поэтому влияние произведений Мусы эфенди, его взглядов, концепций и идей, подходов, методов, мер будет только усиливаться с каждым днем.

О наследии Бигиева можно и нужно писать отдельные статьи и даже книги, и, возможно, они будут написаны. Его жизнь была настолько насыщена событиями, что увиденного и пережитого хватило бы на жизнь нескольких, а то и десятков людей. В истории татарского народа нет другого человека, который сделал столько, сколько сделал этот человек. Такие люди редко встречаются и у других народов, и в известной нам 5–6-тысячелетней истории человеческого мира число людей, которых можно поставить рядом с Мусой Бигиевым, вероятно, не превышает количества пальцев на руках. В жизни этого незаурядного человека, наряду с напряженной религиозной, научной, общественной, литературной, политической и научной деятельностью, соседствует множество невероятных событий, приключений, трагедий, горестей и потерь. Мусе Бигиеву была уготовлена судьба, которая способна произвести впечатление на всякого, кто обладает развитым умом, жизненным опытом и способен не только оценить значимость чьей-либо жизни, но и сделать выводы. Судьба Мусы Бигиева открывает путь к пониманию того, насколько высокоразвитой была современная ему татарская культура и, в целом, татарская цивилизация. Потрясает воображение необъятный круг людей, с которыми он об-

щался, дружил, сотрудничал, для кого стал учителем и духовным наставником.

Как ясно из сказанного выше, Муса Бигиев, обладающий скромным характером, хорошо знающий, что такое хорошие манеры и поведение, который не занимался стяжанием материальных богатств, является одним из немногих мусульманских ученых, оказавших большое влияние на мировую исламскую религиозную мысль и философию и является непревзойденным мыслителем. Не только многие российские мусульмане, но и немалая доля их братьев по вере, живших в разных уголках мира, сумели правильно оценить и почтить уважаемого ученого. Здесь, забегаая вперед, следует упомянуть три из многочисленных примеров, показывающих, насколько влиятельным и уважаемым был ученый Муса Джаруллах: в 1931 г., когда покинувший Советский Союз Муса Бигиев оказался в Афганистане, то его принимал у себя король этой страны Мухаммад Надир-Шах, который предложил известному ученому остаться в Кабуле, пообещав открыть для него частное медресе за счет государства, чтобы руководить и обучать там [3, с.31]. Второй пример связан с арестом Мусы Бигиева британскими колониальными властями в Индии в 1939 г. Знаменитый религиозовед был спасен из тюрьмы губернатором провинции Бхопал Мохаммадом Хамидулло-Ханом, и до конца Второй мировой войны Муса Бигиев, лишенный права на свободное передвижение, пребывал в качестве почетного гостя в его султанском дворце. В последние месяцы жизни Мусы Бигиева в Каире одним из его опекунов была принцесса Фахренниса Хадиджа Аббас Халим, представительница династии хедивов, – королей Египта позднеосманского периода. Принцесса Хадиджа позаботилась о том, чтобы Муса Бигиев был похоронен на особой территории кладбища, где хоронили правителей Египта.

Имеется много примеров, доказывающих, что Муса Бигиев был известным человеком в исламском мире, а также признанным авторитетом в кругах российского и западного исламоведения. Сегодня религиозный иджтихад Мусы Бигиева постепенно становится достоянием религиозной и научной общественности. Например, учение М.Бигиева о всеохватности божьего милосердия было воспринято некоторыми мусульманскими религиозными лидерами современной России, в частности руководством Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), как идеологическая база для обеспечения дальнейшего развития ислама и духовного развития мусульман в русле подлинных ценностей ислама. Это видно из слов Председателя ДУМ РФ муфтия шейха Равиля Гайнутдина, которые он высказал на лекции, прочитанной им в Казанском федеральном университете 19 февраля 2016 г. Под эгидой упомянутой религиозной организации начиная с 2014 г. проходит ежегодная международная научно-богословская конференция «Бигиевские чтения», организуемая первым заместителем Председателя ДУМ РФ, доктором теологии, профессором СПбГУ Д.В. Мухетдиновым. В Московском исламском институте основан

и работает Центр изучения наследия Мусы Бигиева. Руководитель названного центра – автор настоящей статьи – совместно с ДУМ РФ и ИД «Медина» осуществляет публикацию трудов Бигиева в переводе на русский и татарский языки (запланировано издание 50-ти трудов на русском и более 30-ти – на современном татарском языке). На сайте Московского исламского института публикуется цикл видеороликов, в которых озвучиваются фрагменты трудов Бигиева, переведенные на татарский язык. Текущий 2025-й год объявлен ДУМ РФ Годом юбилейных торжеств, приуроченных к 150-летию со дня рождения Мусы Бигиева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муса Жаруллах Бигиев: фәнни-биографик жьентык / авт.-төз.: Хайретдинов А.Г. Казан: Жыен, 2022. 832 б.
2. Хайрутдинов А. Муса Бигиев об абсолютности Божьей милости. Казань: Иман, 1998. 40 с.
3. Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук РТ, 2005. 180 с.
4. Хайрутдинов А.Г. Письменное наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 188 с.

Информация об авторе:

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, доцент, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли им. Я.Г. Абдуллина, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Поступила 20.01.2025

Принята к публикации 3.02.2025

On the 150th anniversary of Musa Jarullah Bigiev

A.G. Khairutdinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to an overview of the significance of the scientific and religious-social activities of the outstanding Tatar religious thinker, theologian and philosopher of the first half of the 20th century Musa Jarullah (Yarullof) Bigiev, whose 150th anniversary is celebrated in 2025.

Keywords: Musa Bigiev, Islamic theology, Tatar religious thought, Muslim renovationism

For citation: Khairutdinov A.G. On the 150th anniversary of Musa Jarullah Bigiev. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.148–154. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.148-154> (In Russian)

REFERENCES

1. *Musa Jarullah Bigiev: scientific and biographical collection*. Compiled by Khayrutdinov A.G. Kazan: Zhyen Publ., 2022. 832 p. (In Tatar)
2. Khayrutdinov A.G. *Musa Bigiev on the absoluteness of God's mercy*. Kazan: Iman Publ., 1998. 40 p. (In Russian)
3. Khayrutdinov A.G. *Musa Jarullah Bigiev*. Kazan: Fen Publ., 2005. 180 p. (In Russian)
4. Khayrutdinov A.G. *The written legacy of Musa Jarullah Bigiev*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2019. 188 p. (In Russian)

About the author:

Khairutdinov Aidar Garifutdinovich – Cand. Sci. (philosophy), Docent, Acting Head of the Abdullin Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0648-0466; e-mail: khaidar67@mail.ru

Received January 20, 2025

Accepted for publication February 3, 2025

2025

**ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2025. Том 15, № 1

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2025, vol. 15, no. 1

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 21.03.2025 г. Дата выхода в свет 27.03.2025 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 9,75 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф